

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

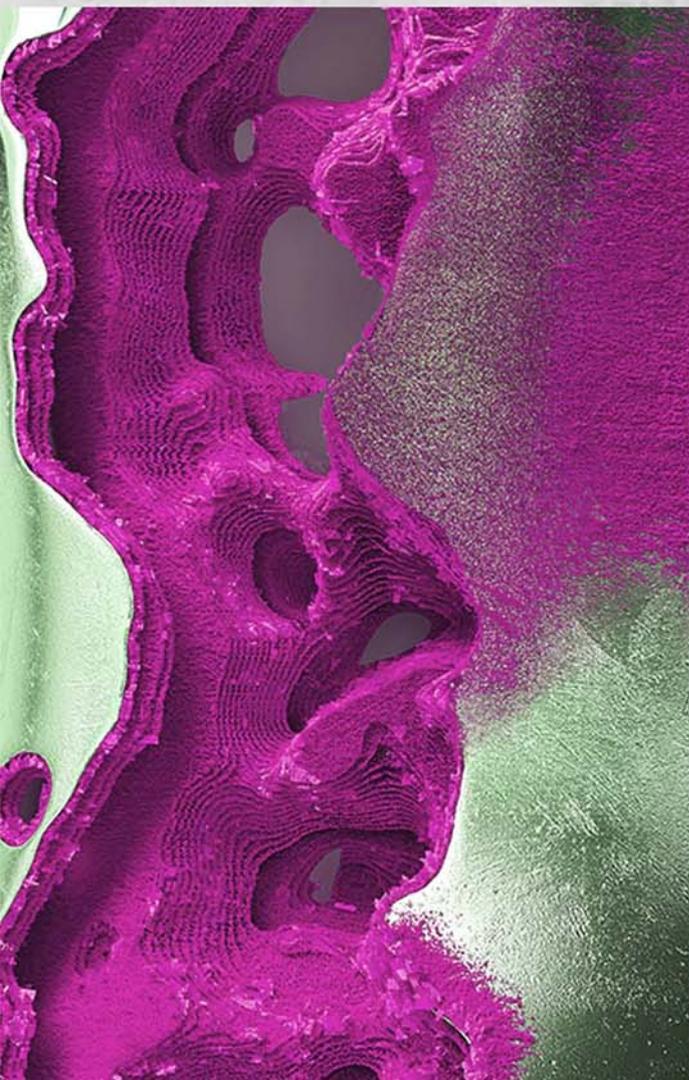
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

ПЕРИОДИЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ СБОРНИК

ПО МАТЕРИАЛАМ XXI МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 30 ДЕКАБРЯ 2016 Г.

2016 № 12-5
ISSN 2413-0869

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2016 • № 12, часть 5

Периодический научный сборник

*по материалам
XXI Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 30 декабря 2016 г.*

ISSN 2413-0869

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2016 • № 12-5

Периодический научный сборник

Выходит 12 раз в год

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-65905 от 06 июня 2016 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель и издатель:

ИП Ткачева Екатерина Петровна

Главный редактор: Ткачева Е.П.

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а

Телефон: +7 (919) 222 96 60

Официальный сайт: issledo.ru

E-mail: mail@issledo.ru

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)** по договору № 301-05/2015 от 13.05.2015 г.

Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте: **www.issledo.ru**

По материалам XXI Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (г. Белгород, 30 декабря 2016 г.).

Редакционная коллегия

Духно Николай Алексеевич, директор юридического института МИИТ, д.ю.н., проф.

Васильев Федор Петрович, профессор МИИТ, д.ю.н., доц., чл. Российской академии юридических наук (РАЮН)

Датий Алексей Васильевич, главный научный сотрудник Московского института государственного управления и права, д.м.н.

Кондрашихин Андрей Борисович, профессор кафедры экономики и менеджмента, Институт экономики и права (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе, д.э.н., к.т.н., проф.

Тихомирова Евгения Ивановна, профессор кафедры педагогики и психологии Самарского государственного социально-педагогического университета, д-р пед. наук, проф., академик МААН, академик РАЕ, Почётный работник ВПО РФ

Алиев Закир Гусейн оглы, Институт эрозии и орошения НАН Азербайджанской республики, к.с.-х.н., с.н.с., доц.

Стариков Никита Витальевич, заместитель первого проректора – начальник управления инновационного развития Белгородского государственного института искусств и культуры, к.с.н.

Ткачев Александр Анатольевич, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», к.с.н.

Шаповал Жанна Александровна, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», к.с.н.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	5
<i>Богомолова Н.И., Науменко Н.А.</i> ПОВЫШЕНИЕ ГРАМОТНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ ВО ВНЕУРОЧНОЕ ВРЕМЯ ЧЕРЕЗ ПЯТЬ ОСНОВНЫХ ПОДХОДОВ К ОБУЧЕНИЮ ОРФОГРАФИИ.....	5
<i>Бунькина Л.Н.</i> ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОМУ ЧТЕНИЮ КУРСАНТОВ МОРСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В СВЕТЕ ТРЕБОВАНИЙ КОНВЕНЦИЙ ИМО	7
<i>Гаврилова Г.Ф., Пузыренко М.В.</i> СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СООТНОСИТЕЛЬНЫМИ СЛОВАМИ И ИДИОСТИЛЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ.....	12
<i>Голованева Т.А.</i> ОСОБЕННОСТИ РЕФЕРЕНЦИИ ПРОСТРАНСТВА В УСТНЫХ КОРЯКСКИХ НАРРАТИВАХ РАЗНЫХ ЖАНРОВ	16
<i>Григорян М.Г.</i> СУДЕБНОЕ ЗАСЕДАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ОРАТОРСКОГО МАСТЕРСТВА ЮРИСТА.....	24
<i>Гуляева Н.А.</i> К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРЕНИЯ А.С. ПУШКИНА «К ЧААДАЕВУ» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК.....	26
<i>Калачева М.В.</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ	29
<i>Князева Е.С.</i> ПРИНЦИПЫ РАБОТЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН В ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ	31
<i>Коваленко М.В.</i> ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫЙ УРОВЕНЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РОБЕРТА СМИТА В ГОТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД ТВОРЧЕСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ РОК-АЛЬБОМОВ SEVENTEEN SECONDS, FAITH, PORNOGRAPHY)	35
<i>Московская Н.Л., Багдасарян А.Г.</i> МЕТАПОЭТИКА ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ЗАМЫСЛА АВТОРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕС Т. УИЛЬЯМСА)	44
<i>Насибова С.Х.</i> МИР «ПОДПОЛЬНОГО» ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ВЫРАЖЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И ДЖ. ФАУЛЗА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ «ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЬЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И «КОЛЛЕКЦИОНЕР» ДЖ. ФАУЛЗА)	52
<i>Науменко Н.А., Богомолова Н.И.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ КАК ФОРМЫ ВНЕКЛАССНОЙ И ВНЕШКОЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО ЛИТЕРАТУРЕ.....	55
<i>Тауснева А.С.</i> ФРАГМЕНТИРОВАННЫЙ СУБЪЕКТ В РОМАНАХ Т. МАККАРТИ	58
<i>Федорова Н.Н.</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНОЙ ЛЕКСИКИ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ	61
СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ»	64
<i>Агеева В.В.</i> «ПРИВИВКА КРИТИЦИЗМА И РЕФЛЕКСИИ»: СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ И ПОСТКОНСТРУКТИВИЗМ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ ИСТОРИИ XXI В.	64
<i>Гончаров Г.А.</i> ТРУДОВОЙ И РАТНЫЙ ЭНТУЗИАЗМ МОЛОДЕЖИ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ИЮНЬ-ДЕКАБРЬ 1941 Г.): НА МАТЕРИАЛАХ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ	66

<i>Дарендорф М.В.</i> СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКИХ КОЛОНИСТОВ В РЕГИОНЕ КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД.....	70
<i>Дарчиев А.В.</i> РУЙМОН И САМЕЛИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДВУХ ПЕРСОНАЖЕЙ ОСЕТИНСКОЙ МИФОЛОГИИ	72
<i>Егорова В.П.</i> АВТОРСКИЕ СТАТЬИ Н.И. КУЗНЕЦОВА В ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ БРОКГАУЗА И ЕФРОНА	75
<i>Зеленский Ю.В.</i> О РЕАЛЬНОСТИ ОДНОГО ПОХОДА.....	90
<i>Иванов В.В.</i> ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОГО ГОСАППАРАТА И КРЕСТЬЯНСТВО ПРИАНГАРЬЯ В 1920-е ГОДЫ	91
<i>Михеев П.С.</i> ФОРМИРОВАНИЕ КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКОВОГО УПРАВЛЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	98
<i>Тимченко В.В.</i> РЫЦАРСКАЯ КАВАЛЕРИЯ КОНТАДО (ИТАЛ. – CONTADO) В СТРУКТУРЕ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ ФЛОРЕНЦИИ XIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XV ВВ.	101
<i>Торопицын И.В.</i> МОБИЛИЗАЦИЯ СИЛ АСТРАХАНСКИХ ЮРТОВСКИХ ТАТАР В ПЕРИОД РУССКО-ПЕРСИДСКОГО КОНФЛИКТА В СЕРЕДИНЕ XVII В.	109
<i>Шульгина О.Ю.</i> О ВРЕМЕНИ ПРЕКРАЩЕНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНСТАНТИНОГОРСКОЙ КРЕПОСТИ.....	114
<i>Яркулов А.А., Эшматова Н.О., Зарипов Т.Ш.</i> РАЗВИТИЕ РЕМЕСЛЕННОСТВА В МАВЕРАННАХРЕ В XI-XII ВЕКАХ.....	116
СЕКЦИЯ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	120
<i>Блохина М.В., Григорьев Л.Г.</i> СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗОВСКОГО ПРОФСОЮЗА	120
<i>Волков Е.П., Зотова К.В.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ИМИДЖА СОТРУДНИКА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ	123
<i>Иванова В.С., Кулебякина И.С.</i> САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ОЦЕНКИ И ПРАКТИКИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ	130
<i>Ищанова Б.Т.</i> ГОСУДАРСТВО И НКО В СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКЕ СЕМЬИ: ДОСТОИНСТВА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	132
<i>Ковалева А.Б.</i> ФАКТОР ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В СТРУКТУРЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ	134
<i>Кречетова В.А.</i> ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ И УРОВНИ ОСОЗНАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	137
<i>Новиков А.В.</i> ОЖИДАЕМАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ КАК ФАКТОР КАЧЕСТВА ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ	139
<i>Третьякова А.А.</i> ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ	145
<i>Третьякова А.А.</i> ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ	147

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

ПОВЫШЕНИЕ ГРАМОТНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ ВО ВНЕУРОЧНОЕ ВРЕМЯ ЧЕРЕЗ ПЯТЬ ОСНОВНЫХ ПОДХОДОВ К ОБУЧЕНИЮ ОРФОГРАФИИ

Богомолова Н.И.

учитель русского языка и литературы, первая квалификационная категория,
МКОУ «Каширская СОШ», Россия, Воронежская обл., с. Каширское

Науменко Н.А.

студент факультета романно-германской филологии,
Воронежский государственный университет, Россия, г. Воронеж

Проблема глубоких и прочных знаний всегда актуальна для школы. Снижение уровня речевой культуры среди школьников негативно сказывается на качестве письма. В статье рассматривается проблема низкой грамотности учащихся по русскому языку и возможные подходы её повышения. Большое внимание уделяется порядку развития языковой интуиции, развитию памяти, интеллектуальных способностей.

Ключевые слова: грамотность, орфография, язык, диктант, часть речи, грамматика.

Целью современного образования является развитие качеств личности, необходимых ей и обществу для включения в социально значимую деятельность. Каждая наука развивает человека, насколько хватает ее собственного содержания, и развивает именно этим содержанием. Знания должны быть полезны в будущей жизни.

Реализация данной цели возможна через решение трех основных задач:

- достижение уровня образованности, соответствующего потенциалу ученика и обеспечивающего дальнейшее развитие его личности и возможность продолжения образования, в том числе и путем самообразования;
- формирование у каждого ученика опыта творческой, социально значимой деятельности в реализации своих способностей;
- накопление у учеников опыта общения и взаимодействия, основанных на гуманистических отношениях [3].

Под уровнем образования (образованности) понимается – качество личности, которое определяется способностью решать задачи познавательной, ценностно-ориентационной, коммуникативной и преобразовательной деятельности, опираясь на освоенный социальный опыт.

Основой любого уровня образованности является, прежде всего – грамотность.

Грамотностью называют определенную степень владения навыками чтения и письма в соответствии с принятыми грамматическими нормами [2].

Одной из важнейших задач обучения в школе является формирование у ученика орфографической грамотности – умения писать правильно, без оши-

бок. Русский язык в этом плане считается очень сложным. Чтобы овладеть им, приходится запоминать множество правил.

Изучение русского языка может продолжаться всю жизнь – в нем достаточно глубин, чтобы каждый раз узнавать что-то новое. Впрочем, кто-то может остановиться и в начале пути, выучив пару фраз, чтобы тебя понимали. Чтобы продолжить свое развитие, нужно понять, для чего нужно изучать русский язык. Знание русского языка нужно для того, чтобы в полной мере выразить свои мысли, говорить логично и убедительно, научившись правильному построению слов в предложениях. Речь будет отличаться разнообразием, если постоянно пополнять свою лексику новыми словами.

«Как повысить грамотность своих учеников?» – этот вопрос интересует многих учителей, родителей.

Лучшим способом тренировки, развивающей языковую интуицию, является чтение книг. Изучение русского языка в школе лучше дается тем детям, которые рано начинают самостоятельно читать и делают это с удовольствием. Поэтому нужно воспитывать интерес к книгам с самого раннего детства. Читать нужно все, что интересно, любую литературу. Но лучше – классическую. Настольной книгой должен стать словарь русского языка. При малейшей неуверенности в правильности написания необходимо обращаться к нему.

Другим способом является письмо. Конечно, советы учителей по этому поводу сводятся к написанию ежедневных диктантов.

Диктант – один из видов письменных работ для закрепления и проверки знаний, тренировки навыков учащихся.

Наблюдения свидетельствуют, что роль диктантов при обучении русскому языку значительна. Эффективность его достигается тем, что ученик, молча, произносит звуки, учится соотносить звуки и буквы и чувствовать звук как фонему. Диктант требует усиленного внимания, которое определяет скорость и точность образования навыков. Это и дает основание рекомендовать диктант как один из основных видов работы при обучении правописанию.

Мы предлагаем этот процесс сделать творческим. Для начала можно давать задания по переписыванию коротеньких текстов из книг, причем те моменты, которые больше всего понравились. Можно, используя информацию из нескольких книг создавать что-то свое (рассказ, сообщение на интересующую тему). Зрительное восприятие слов, создание своих рассказов способствует развитию памяти, интуитивных и аналитических способностей, логического мышления. Поэтому регулярное письмо наряду с чтением книг лучше всего развивает языковое чутье и помогает ученику стать настоящим грамотным человеком.

Ни дня без строчки. С латинского: *Nulla dies sine linea* [нулла диэс синэлинеа]. Слова римского историка и писателя Плиния Старшего. Выражение приобрело особую популярность после выхода в свет (1961) книги прозаических миниатюр Юрия Олеши «Ни дня без строчки» [1].

Проверяйте и опровергайте свои сомнения. Бывают моменты, когда при написании текста создается впечатление, что совершена ошибка, в этом случае не жалеете времени и найдите правильный вариант. Ведь под рукой всегда есть интернет, и найти ответ несложно. Зато, поработав самостоятельно, эта ошибка будет усвоена навсегда.

Ежедневно учите правила русского языка. Одного правила в день вполне достаточно. Самое главное, понимать правила и правильно их использовать. Можно учить правила по частям речи. Допустим, причастие. В первый день учите и понимаете, что такое причастие. Второй день, берете правила, например, окончания причастий и учите несколько дней. Потом частица "не" с причастиями – ещё учите несколько дней.

Развивать грамотность можно и в игровой форме. Увлекайтесь кроссвордами и компьютерными играми, которые помогают развивать интеллектуальные способности (анаграммы, шарады, ребусы и другие). В изучении русского языка все средства хороши, а если эти средства еще и приносят удовольствия, то это вообще идеальный способ. Сегодня кроссворд является самой распространенной игрой про разгадывание слов. Такие игры есть практически в каждом печатном издании, существуют даже целые сборники. Они очень популярны среди людей всех поколений. При регулярном решении головоломок включается деятельное, а не пассивное запоминание, повышающее эффективность усвоения информации в несколько раз.

Общаться с грамотным человеком всегда приятно. Правильная речь ласкает слух и вызывает чувство расположения к грамотному человеку. Поэтому выбор, с кем общаться, дружить, работать, мы делаем, обращая большое внимание на уровень грамотности окружающих нас людей.

Список литературы

1. Википедия – сводная энциклопедия [Электронный ресурс] // <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 22.12.2016).
2. Лавицкая О. Как повысить грамотность ребенка [Электронный ресурс] // <http://bacenko.ru/kak-pomoch-rebenku-stat-gramotnyim/> (дата обращения: 22.12.2016).
3. Шишмарева Н. А. Повышение грамотности учащихся через новые подходы к обучению орфографии [Электронный ресурс] // <http://festival.1september.ru/articles/620244/> (дата обращения: 22.12.2016).

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОМУ ЧТЕНИЮ КУРСАНТОВ МОРСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В СВЕТЕ ТРЕБОВАНИЙ КОНВЕНЦИЙ ИМО

Бунькина Л.Н.

доцент кафедры иностранных языков, Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет, Россия, г. Владивосток

Требования конвенции ПДМНВ 78/95 включают знания английского языка в перечень показателей профессиональной компетентности моряков. Владение английской терминологией при работе с англоязычной документацией помогают будущему специалисту

решать как повседневные задачи в деятельности экипажа, так и задачи, требующие выбора оптимальных решений в экстремальных ситуациях.

Ключевые слова: речевая компетенция, языковая компетенция, грамматический анализ, синтагма, семантическая нагрузка, аналитический язык, структурный анализ, служебные слова, знаменательные слова.

Новая образовательная парадигма по преподаванию и изучению иностранного языка, в данном случае профессионально-ориентированного морского английского языка, дает возможность развивать коммуникативную компетенцию студентов, причем во всех ее составляющих: речевая компетенция (работа идет над всеми видами речевой деятельности – аудированием, чтением, говорением, письмом), языковая компетенция (знакомство с новыми лексическими единицами, грамматическими конструкциями и т.д.), компенсаторная (перед студентами не ставится задача дословно понять все, но уметь сориентироваться и уловить общий смысл), социолингвистическая компетенция (студенты приобщаются к культуре, истории, традициям и реалиям страны изучаемого языка). Развивается и учебно-познавательная компетенция, так как студенты учатся использовать различные источники информации и коммуникации для осуществления информационной, познавательной и практической деятельности [1, с. 9]. Рассмотрим подробнее одну из составляющих речевой компетенции – чтение.

Чтение англоязычной специальной литературы представляет собой сложный процесс и предполагает не только владение грамматикой и терминологией, но и способность понимать и выражать мысль на иностранном языке. Для англоязычных текстов характерен сложный синтаксис. Для работы с текстами необходима не только специальная подготовка в плане решения терминологических вопросов, но и умение грамматически анализировать сложные предложения. Чтения текстов – инструкций и рекомендаций отличаются наличием большого числа сложных предложений и грамматических конструкций, в них встречаются инфинитивные, причастные и герундиальные обороты, различные придаточные предложения; всё это вызывает затруднения в понимании содержания. У русскоязычных курсантов распространённой ошибкой является неправильный порядок слов, ошибки в употреблении предлогов, артиклей, вспомогательных глаголов. Эти ошибки вызваны различиями в грамматических системах русского и английского языков. Основным приёмом полного раскрытия смысла любого предложения является лексико-грамматический анализ, который осуществляется в процессе грамматического чтения. Грамматическое чтение предложения – это членение предложения на синтагмы, т.е. группу подлежащего, сказуемого, обстоятельства и т.д. При этом важно раскрыть связь как между синтагмами, так и между словами в пределах каждой синтагмы.

В процессе чтения всё предложение разбивается на синтагмы в зависимости от наличия в нём членов предложения согласно порядку их следования. Прежде чем приступить к грамматическому чтению предложения, следует твёрдо знать порядок слов в английском утвердительном предложении,

учитывая особенности английского языка, как языка аналитического, а также владеть необходимыми навыками грамматического анализа. Для языков, тяготеющих к аналитическому устройству (французского, английского, итальянского, испанского, болгарского, датского), характерно выражение грамматических значений не формами самих слов, а интонацией предложения, служебными словами при знаменательных словах и порядком знаменательных слов [2, с. 1].

Связь слов в английском утвердительном предложении определяется их местом в предложении относительно сказуемого. Необходимо при переводе англоязычных текстов оперировать следующими способами нахождения сказуемого:

1. По вспомогательным глаголам в личной форме: am, is, are, was, were, do, does, did, have, had, shall, will.

Musters and drills are carried out in accordance with merchant shipping regulations.

Сборы и учения по тревогам проводятся в соответствии с уставом торгового флота.

2. По модальным глаголам: may, can, must, could, might, need, ought, should, would, shall.

The fire parties should be sent from their designated stations to the selected site of the supposed fire, taking with them emergency equipment such axes and lamps and breathing apparatus.

Пожарные партии должны быть направлены от обозначенных пунктов сбора в районе предполагаемого пожара, имея при себе такое аварийное снаряжение как топоры, лампы и дыхательный аппарат.

3. По прошедшему времени неправильных глаголов, три основных формы которых не совпадают: to take – took – taken.

Crew members took part in lifeboat drills.

Члены экипажа участвовали в шлюпочных учениях.

4. По наречиям неопределённого времени: always, often, seldom, ever, never, just, already, usually, generally, sometimes, still, soon, once и др., которые употребляются перед глаголом, но после глагола to be.

When turning out davits or when bringing boats or rafts inboard under power, seamen should always keep clear of any moving parts.

При развороте шлюпбалок или подъёме шлюпок и плотов на борт судна моряки всегда должны остерегаться движущихся деталей.

Water is generally recommended as the fire fighting medium for most dangerous goods at sea.

Как правило, для тушения опасных грузов в море рекомендуют использовать воду.

5. По личным местоимениям: I, he, she, we, you, they, it, неопределённому местоимению one, отрицательным местоимениям nobody, no one, nothing, за которыми следует сказуемое.

No one should enter a space where the atmosphere is unsafe or suspect without wearing breathing apparatus which they are trained to use.

Никто не должен входить в помещение, где опасный или подозрительный воздух, без дыхательных аппаратов, которыми они могут пользоваться.

Итак, определив место сказуемого, главного члена предложения, мы определим и место подлежащего, второго главного члена предложения, занимающего первое место относительно сказуемого. Совершенно очевидно, что при грамматическом чтении необходимо в первую очередь разделить предложение на синтагмы подлежащего и сказуемого, так как они несут основную семантическую нагрузку и определяют содержание предложения.

Подлежащее является обязательным членом любого английского предложения. В научно-технической литературе очень часто подлежащее может быть выражено:

1. Существительным в общем падеже.

Injury can be caused by the misuse of tools.

Травма может быть вызвана неправильным применением инструментов.

2. Сочетанием существительного с указательными, притяжательными, неопределёнными и отрицательными местоимениями: this, that, these, those, my, your, his, her, its, our, their, some, any, much, many, little, few, all, both, either, neither, each, every, no:

No alarm system should be isolated without the permission of the master and chief engineer.

Ни одна система аварийной сигнализации не должна отключаться без разрешения капитана или старшего механика.

All valves and cocks controlling entry of steam or water have been closed.

Все клапаны и краны, регулирующие поступление пара и воды, перекрыты.

3. Сочетанием нескольких существительных в общем падеже, причём ключевым является существительное перед сказуемым.

Engine room personnel should start the fire pumps in machinery space and see that full pressure is put on fire mains.

Персонал машинного отделения должен запустить пожарные насосы и следить за подачей полного давления в пожарную магистраль.

4. Сочетанием прилагательного с существительным или причастием прошедшего времени с существительным.

Efficient fire – fighting demands the full co-operation of personnel in all departments of the ship.

Действенная борьба с пожаром требует полного взаимодействия всех судовых служб.

Unattended openings in the deck should either be kept illuminated or be properly or safely closed before lights are switched off.

Необслуживаемые палубные отверстия должны либо постоянно освещаться, либо надёжно закрываться перед отключением освещения.

5. Герундием:

Smoking is forbidden in cargo spaces.

Курение запрещено в грузовых помещениях.

Итак, определив место главных членов предложения: подлежащего и сказуемого, рассмотрим порядок всех членов предложения. Английское утвердительное предложение имеет следующий порядок слов: Первое место относительно сказуемого занимает подлежащее (П), второе место принадлежит сказуемому (С), третье место занимает дополнение (Д), нулевое (или четвертое) место занимает обстоятельство (О).

Схематично вышеуказанный порядок слов можно представить так:

0	1	2	3	4
О	П	С	Д	О

Обстоятельство Подлежащее Сказуемое Дополнение Обстоятельство

Следует отметить, что определение не имеет постоянного места в структуре предложения, оно обычно входит в состав смысловой группы определяемого слова, располагаясь справа и слева от него. Поскольку английский язык аналитический, отношения между словами в предложении выражаются не только порядком слов, но и служебными словами; артиклями, предлогами и союзами. Служебные слова осуществляют связь слов в пределах одной синтагмы и одновременно указывают на связь данной синтагмы с другими в повествовательном предложении.

Рассмотрим следующее предложение:

At the request of any Party the Maritime Safety Committee shall establish a date for the consideration of the trial results.

Разделим предложения на синтагмы:

At the request of any Party – группа обстоятельства начинается с предлога at;

The Maritime Safety Committee – группа подлежащего выражена рядом существительных с определённым предлогом the;

Shall establish – группа сказуемого, начинающегося с модального глагола shall;

a date – группа дополнения, выраженного существительным с неопределённым артиклем a;

for the consideration of the trial results – группа косвенного дополнения, выраженного группой существительных с предлогом for и определённым артиклем the.

Совершенно очевидно, что каждая смысловая группа имеет свои границы и характерные признаки. Как было упомянуто выше, группу сказуемого можно определить несколькими способами, в частности по модальным глаголам. В данном предложении мы определяем группу сказуемого по модальному глаголу shall.

После структурного анализа предложения можно приступить к переводу. Методика структурного анализа предложения, наряду с лексическими навыками, предполагает выполнение грамматических и лексических упражнений. Эта методика является неотъемлемой частью обучения чтению аутен-

тичных текстов курсантов морских специальностей в свете требований конвенций ИМО.

Список литературы

1. Левицкая Ю. ИКТ на уроках страноведения // Журнал Английский язык. – М.: Издательский дом Первое сентября. 2010. – №6. – 47 с.
2. Зарецкий Е. В. Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками) [Текст]: монография / Е. В. Зарецкий. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2008. – 564 с.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СООТНОСИТЕЛЬНЫМИ СЛОВАМИ И ИДИОСТИЛЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ

Гаврилова Г.Ф.

профессор кафедры русского языка, доктор филологических наук,
Южный федеральный университет, Россия, г. Ростов-на-Дону

Пузыренко М.В.

соискатель кафедры русского языка,
Южный федеральный университет, Россия, г. Ростов-на-Дону

Статья посвящена описанию семантики и функций сложноподчиненных предложений с соотносительными словами, которые, как показал анализ, чрезвычайно часто присутствуют в текстах художественной прозы начала XXI века (в 3 раза чаще, чем в художественных текстах XX века). Частотность употребления таких конструкций в текстах конкретных современных писателей позволяет считать их одним из показателей идиостиля и, соответственно, языковой личности соотносительного слова. Чрезвычайная распространенность актуализируемых предложений объясняется во многом характером присутствующих в них соотносительных слов, их многозначностью и полифункциональностью, их прагматикой, ибо соотносительное слово часто определяет семантику всего сложноподчиненного предложения, его актуализирующую функцию.

Ключевые слова: актуализирующий, прагматический, составное связующее средство, интенсификация, расчлененность, полифункциональность.

Понятие идиостиля тесно связано с другим понятием – «языковая личность», ибо идиостиль каждого писателя опирается на возможность отбирать языковые средства для репрезентации своего иллокутивного замысла, описания ситуаций, образов персонажей. Еще А.А. Потебня выразил мысль о том, что тип мышления определяет использование определенных средств языка [3, с. 25].

В художественном же произведении, в его тексте отражается фрагмент картины мира писателя. Употребление соотносительных слов в художественном тексте в составе предложения (текстовой составляющей) характеризует языковую личность писателя, так как сложноподчиненное предложение (далее – СПП), его потенциальные возможности проявляются в речевой

организации авторского текста. Одним из средств, которые умело используют современные авторы, являются СПП с соотносительными словами, включающие сочетаемость с придаточными разной структуры и семантики.

Перед современными прозаиками лежат возможности выбора среди ряда соотносительных слов, наиболее соответствующих своими значениями индивидуальным стилистическим особенностям языка их произведения, в чем и проявляется идиостиль и языковая личность писателя, в основе которой лежат особенности мировосприятия автора, его картина мира, характер, эмоциональное состояние.

В настоящее время в текстах современной художественной литературы наблюдается чрезвычайная частотность употребления сложноподчиненных предложений с местоименными соотносительными словами. Об этом свидетельствуют и числовые, количественные данные. Если в XX веке на 100 страницах текста у В.П. Катаева встретились 26 таких предложений, у В.Г. Распутина – 34, то в XXI веке у А. Иличевского на 100 страницах его художественного текста встретились 177 сложноподчиненных предложений с соотносительным словом, а у Л. Улицкой – 78. Образность таких конструкций, их синкретизм, совмещение в них значений, типичных для местоименно-соотносительных предложений (вмещающее, отождествительное, фразеологизированное), и особое синтаксическое значение придаточной части в них (следствие, цели, сравнение, определительное, изъяснительное и др.). Все это привлекает современных художников слова, позволяя им создавать свой особый идиостиль, экспрессивный и выразительный.

Идиостиль каждого писателя органически связан с его языковой личностью, в основе которой лежит свойственная ему картина мира, его языковой мир, мировосприятие и мировоззрение. Частотностью употребления СПП с соотносительным словом характеризуется, например, текст прозы известной писательницы Л. Улицкой. Наиболее распространенными в ее произведениях являются предложения с интенсифицирующим словом «так» и придаточным со значением следствия (результата интенсификации действия, признака) в главной части (в 10 ее произведениях обнаружено – 491 подобных конструкций. Предложений с интенсификатором – соотносительным словом «такой» – значительно меньше – 121). Но во всех этих случаях налицо местоименно-соотносительные СПП фразеологического типа реального (ирреального) сравнения или следствия. Например: *Грубая чернота отца смягчалась в нем до густо персидской коричневости, а смугломатовая кожа была натянута на лоб и скулы **так туго, что,** казалось, была чуть маловата* [4, с.68-82]. Или: *Марек намотал на шею нестерпимо красный шарф и перецеловал в последний раз детей **так естественно, как будто** не пять дней тому назад с ними познакомился* [5]. В последнем примере «так» не только интенсификатор, но он еще интенсифицирует слово, от которого зависит в главной части и указывает на метафорически представившего воображаемую ситуацию придаточную часть с ирреально сравнительным значением (с союзом «как будто»). Такого же типа конструкции употребляются Л. Улицкой с соотносительным словом «такой» – интенсификатором:

Один раз дали вместо супа бульон в чашке с двумя ручками с пирожком на маленькой отдельной тарелочке, и пирожок был хотя и с мясом, но **такой вкусный, как будто сладкий** [4, с. 201-218].

Значительно реже Л. Улицкая употребляет СПП с соотносительным словом «то», которое сочетается с союзными словами «что», «какой». При этом придаточное, его содержание имеет изъяснительный или определительно-выделительный оттенок, например: *Интересно, слышит ли он [ребенок] то, о чем мы говорим* [6]. Изъяснительный характер семантики придаточного определяется и соответствующим значением опорного слова – в данном случае значением глагола «слышит». При этом подобных предложений в текстах рассказов Л. Улицкой сравнительно немного.

Таким образом, в количественном отношении идиостиль Л. Улицкой определяют СПП с соотносительными словами «так–такой» – интенсификаторами, которые выражают проявление действия, признака выше нормы, существующей в когнитивном сознании социума, придавая тексту экспрессивность и выразительность. Такие конструкции призваны вызвать удивление читателя, его эмотивную оценку, а следовательно, служат деавтоматизации восприятия им содержания художественного текста. Что касается языковой личности данного автора, то, вероятно, в основе ее лежит мировосприятие писательницы, которая делит в своем сознании все события, ситуации следующим образом: интенсивность проявления действия, качеств в них может соответствовать принятой в социуме норме, но может быть по интенсивности выше этой нормы и гораздо реже – ниже ее.

Обычно характеристике языковой личности писателя, его идиостиля помогают количественные показатели употребления им в его художественном тексте определенного типа конструкций. Так, в 10 произведениях А. Иличевского при анализе употребления в его текстах СПП с соотносительными словами (их обнаружено 935) выявлено преобладание предложений с соотносительным словом «так» («так же», «так же точно») и значением сравнения в придаточном, например: *Мне [Илье Дубнову трудно было спорить с Хашемом, он не принимал никого в свое сумасшествие, его формулы пера были бессмысленны, **точно так же, как** были бессмысленны формулы Хлебникова в «Досках судьбы»* [1].

Иногда сравнения с содержанием придаточного имеют сходство содержания главной части с чем-то постоянно совершающимся в определенном социуме: *Он [Хашим] поступал с практическим смыслом полета **точно так же, как** поэт поступает с реальностью, выводя ее фундаментальные свойства из абсолютно неприкладных, отрешенных от реальности свойств языка* [2]. Иногда придаточные с оттенком сравнения присоединяются у Иличевского к придаточному с союзом «когда», выражающим сходство, тождество одновременных явлений, описанных в главной и придаточной частях: *Так он [Королев] и поступал, **когда** брел туннелем за Москву, два дня, полсотни километров преодолевая в несколько приемов* [2]. Или в предложении вмещающей разновидности может быть придаточное ирреального сравнения с соотносительным словом «то»: *Старик говорил без удержу и невпопад, но я за-*

слушивался эпохой, это походило **на то, как если б** вы спустились под воду за утраченным кольцом – и, кроме него, обнаружили затонувший древний город, целехонький [1].

Богатое воображение автора, мировосприятие окружающего его мира в основном определяется как частое присутствие в нем повторяющихся событий, явлений, имеющих черты сходства. Все это способствует созданию автором многочисленных метафорических по смыслу сравнительных конструкций с соответствующими соотносительными словами в главной части, а тем самым, способствует наглядно-образному характеру описания персонажей и ситуаций, а также экспрессивности художественного текста.

Иначе выглядит идиостиль и языковая личность другого известного писателя – М. Шишкина. В его текстах фактически нет местоименно-соотносительных предложений, в которых придаточное имело бы обстоятельство значение. Зато широко представлены придаточные с атрибутивным значением, которое соответствует местоименно-соотносительному слову «тот» (в разных формах рода и числа) и союзных слов «который», «какой» (реже «где», «когда», «куда»). Такие местоименно-соотносительные предложения в целом имеют вмещающую семантику, например: *Помню **тот разговор с врачом, который** отнял у меня последнюю надежду* [7]. Наличие соотносительного слова «тот» подчеркивает значимость определяемого им слова «разговор» и самого придаточного, о чем свидетельствует расчлененность СПП на главную и придаточную части: за счет значительной паузы между ними и логического ударения на соотносительном слове (с повышением на нем интонации). Такие предложения частотны в текстах прозы М. Шишкина, увеличивая их выразительность и экспрессивность.

Часто определительные придаточные приобретают в тексте М. Шишкина дополнительные оттенки, т.е. темпоральные, пространственные, изъяснительные – за счет семантики союзных слов («когда», «где», «что» и др.): *Мне, может, тоже хотелось возиться с обугленными кусочками бумаги, проверять, кто и где был в **тот дождливый момент, когда** за окном мелькнула почтальонша на велосипеде с полиэтиленовым пакетом на голове, и выяснять, кто поломал ветки у старого земляничного дерева, что цветет под окном библиотеки!* [8]. Это же временное значение содержится здесь в опорном слове «момент», семантика которого складывается с семантикой союзного слова «когда», образуя, тем самым, длинную сему темпоральности.

Что касается языковой личности автора, то его способность распространять предложение атрибутивными придаточными свидетельствует о достаточно высоком развитии личности М. Шишкина как в интеллектуальном, так и в эмоциональном плане. Постоянное присутствие соотносительного слова «то» при опорном слове – имени существительном – позволяет автору подчеркнуть значимость семантики опорного слова и придаточного, которые разделены значительной паузой, создающей эффект расчлененности СПП, столь типичный для актуализирующей прозы. Мировосприятие же языковой личности автора явно основано на признании положения человека, предмета, природного явления центром существующих в мире событий, ситуаций.

Количественный фактор – преобладание конструкций с соотносительным словом «то» и придаточным с атрибутивной семантикой во всех проанализированных текстах М.Шишкина, позволяет считать данные конструкции в качестве характеризующих его идиостиль. В прозе этого писателя встретились 876 таких конструкций в 10 его рассказах.

Таким образом, разнообразие в использовании СПП с соотносительными словами, варьирование их функций отражает особенности идиостиля текстов современных художественных произведений.

Список литературы

1. Иличевский А.В. Перс. М.: АСТ, 2009.
2. Иличевский А.В. Матисс. М.: АСТ, Астрель, 2009.
3. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике: в 4 т. – Том 1-2. – Вып. 1. М.: Просвещение, 1977. 224 с.
4. Улицкая Л. Бедные, злые, любимые. М.: Эксмо-Пресс, 2006. 382 с.
5. Улицкая Л. Пиковая дама и другие. М.: Вагриус, 2001.
6. Улицкая Л. Казус Кукоцкого. М.: ЭКСМО, 2006.
7. Шишкин М.П. Письмовник. М.: Знамя, 2010.
8. Шишкин М.П. Венерин волос. М.: Знамя, 2005.

ОСОБЕННОСТИ РЕФЕРЕНЦИИ ПРОСТРАНСТВА В УСТНЫХ КОРЯКСКИХ НАРРАТИВАХ РАЗНЫХ ЖАНРОВ¹

Голованева Т.А.

старший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири,
канд. филол. наук, Институт филологии СО РАН, Россия, г. Новосибирск

В статье рассмотрены лексические способы референции пространства в устных корякских текстах разных жанров. В автобиографических рассказах степень определенности пространства очень высокая: детализация пространства позволяет рассказчику усилить эффект достоверности текста. Иначе происходит актуализация пространства в мифологических рассказах: смешение объективного и фантастического воплощается в переходе от детализированного пространства к обобщенному изображению места действия. Такое условное изображение пространства характерно для корякских мифологических сказок. Передвижение персонажей разворачивается в соответствии с устойчивыми воображаемыми координатами, только отчасти сопоставимыми с миром объективной реальности: лес, тундра, море, берег моря. В корякских мифологических сказках пространство актуализировано с минимальной степенью определенности.

Ключевые слова: корякский язык, корякский фольклор, автобиографический нарратив, мифологический рассказ, референция пространства.

В статье рассматриваются лексические способы актуализации пространства в устных корякских текстах разных жанров, записанных от одного

---

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-04-00108а «Устный и письменный автобиографический нарратив в референциальном аспекте (на материале корякского и алуторского языков)».

носителя, Александры Алексеевны Кергильхот, 1952 г. р., уроженки с. Ветвей Олюторского р-на Камчатского края.

Жанр – категория условная, но применимая к реальным текстам. Одним из важных критериев жанровой дифференциации является соотнесенность события, запечатленного в тексте, и фактов объективной действительности. Помимо прочих, таким фактом является место действия события.

Изображение пространства в текстах разных жанров имеет существенные различия. Конкретизация пространства позволяет создать эффект достоверности изображаемых событий. Это хорошо видно на примере автобиографических рассказов. Устные автобиографические рассказы предполагают отсылку к событиям реальной жизни рассказчика. Ценность автобиографического текста коррелирует с его достоверностью. Стремление рассказчика подчеркнуть факт достоверности изображаемых в тексте событий побуждает его искать такие языковые возможности, которые убеждают слушателей, что все рассказываемое имело место в реальной действительности. Именно поэтому в автобиографических рассказах устойчиво присутствует упоминание точного места действия события: точное название посёлка, названия рек конкретной местности, – все эти уточнения служат дополнительным доказательством реальности события:

(1) [2, текст 23].

1.	Гыммо найтогым то тымэйн,этык <u>Вэтг'ыйык</u> .	Я родилась и выросла в <u>Ветвее</u> .
2.	Н,ыччек, в'земти гумэкэллинэт: <u>Вэтг'ы(в'э)ем</u> то <u>В'ыв'ныв'зем</u> .	Две реки соединяются: <u>Ветроваяя</u> и река <u>Вывенка</u> .
3.	Н,анко мую найтоламык, то мытмайн,алла.	Там нас родили, и мы там выросли.
4.	Майн,анма н,анко, выг'аёк, <u>школайтын</u> , <u>Тэличчайтын</u> , нан,воламык йив'лык <u>конята</u> н,эйн,эйык, то анок наконняйтыламык гымлэ <u>конята</u> .	Подрастали там, наконец, в школу в <u>Тиличики</u> начали нас перевозить на конях осенью, и весной домой возвращали снова на конях.

В противоположность автобиографическим нарративам, мифологические рассказы запечатлевают такие ситуации, которые воспринимаются как противоречивые по степени достоверности. С одной стороны, мифологическому рассказу присуща установка на достоверность и поэтому начало развития действия маркируется высокой степенью определенности пространства. С другой стороны, описываемый в мифологическом рассказе случай выходит за пределы рационального восприятия мира, что отражается и на особенностях актуализации пространства в тексте, а точнее, предполагает снижение степени референциальной определенности:

(2) [2, текст 16].

1.	Айн,он, мую <u>Вэтг'ыйык</u> мыткотвалан,, эньпичийык накэв'н,ыволамык: «Кытыл елын, элк,ыткэ ынпычикгытын,, мыев' еетын, Тымн,эв' то ынан якмэл- лан,тык».	Давно, мы [ещё] в <u>Ветвее</u> были, родители нам говорили: «Не ходите туда, потому что придёт Потерявшийся, и он вас заберёт».
2.	А мую уйн,э аваломка, кытаван мытколк,ыллан, <u>умкэтын</u> .	А мы не послушались, всё равно <u>пошли в лес</u> .
3.	Н,анкачыкон,к,о то Тымн,эв' ков'ъёпчан,: « <u>Фиу!</u> »	[А] оттуда Потерявшийся свистит: « <u>Фиу!</u> »

На примере фрагмента (2) мы видим, как рассказчица стремится соотнести невероятный случай с реальным местом действия. А.А. Кергильхот называет поселок, в районе которого произошла встреча с ‘Потерявшимся’. Реальность поселка становится неопровержимым доказательством реальности пережитого события. По мере того, как изображение становится все менее объективным, пространство лишается своей конкретизации. Степень определенности пространства снижается. Лес – это одна из значимых пространственных координат в корякском фольклоре. В приведенном фрагменте мифологического рассказа в пределах двух предложений (1, 2) происходит резкое снижение референциальной определенности пространства. Поселку Ветвей противопоставлен лес. Выйти в лес, означает не только выйти в другое пространство, но и, в каком-то смысле, перенестись в другую реальность, в ту реальность, которая сопряжена с мифологией, с иррациональной действительностью.

Снижение степени определенности пространства характерно и для рассказов о путешествии души по другим мирам. Рассказчица А.А. Кергильхот повествует о том, как она, находясь в трансе, поднялась над землей и увидела страдания земли: землетрясения, извержения. Примечательно, что рассказ о путешествии души начинается с точного указания места и времени начала события (фрагмент 3, предл. 8). По мере того, как повествование переходит от объективного изображения ситуации к описанию субъективных переживаний, степень определенности пространства снижается:

(3) [2, текст 34].

8. <i>В двухтысячношестом году</i> наномакал-ламык <u>Сосновкак</u> , и кытав’ут мэки-аму эвын,: « <i>Александра Алексеевна</i> , эм-к,ун, к,ан,ан,ьягэ, гынин к,улик,ул к,ыявагын».	В две тысячи шестом году нас собрали <u>в Сосновке</u> , и вдруг кто-то сказал: «Александра Алексеевна, ну-ка, спой, свою песню исполни».
9. <i>А ыннин к,улик,ул гымнан манан, тыко-яван,вон,ын, манан,, и то титэ ынно чинин куетын, гымкайтын,.</i>	А эту песню я редко исполняю, редко, и то когда она сама приходит ко мне.
10. <i>И ыннин к,улик,ул явама, ымон, ыннин ёнат тыкугитэн,ын, тыкулг’ун,(ын) ёнатгыйн,ын, титэ кояк,лан,, <u>мин,ки</u> ко-як,лан,, ек,ин кояк,лан,.</i>	И эту песню исполняя, [на] всю эту жизнь смотрю, вижу процесс жизни, когда происходит, <u>где</u> происходит, что происходит.
11. <i>Ымон, ан,ан,ьяма, ынней <u>ымон</u>, ты-кугитэн,ынэв’.</i>	Всё пропевая, [на] это <u>всё</u> я смотрю.
16. <i>Потом тыкан,ан,ьян,, <u>ымон</u>, <u>нучельк,ын</u> н,ано, <u>муйыкк,алкэн</u>, <u>айгытк,ык,алкэн</u> тыкулг’ун,ын.</i>	Потом я пела, <u>всю землю</u> эту, <u>с нашей стороны</u> , <u>с северной стороны</u> я видела.
17. <i>Алван,, яг’ак,айпатын, нутэльк,ын мучгин.</i>	Неправильно [всё пойдёт, и] будет страдать земля наша.

Начало действия – поселок Сосновка, а дальше, согласно сюжету повествования, по мере исполнения песни, рассказчица приподнимается над реальным пространством. Движение своей души А.А. Кергильхот изображает как вертикальное. Войдя в состояние транса, она смотрит на жизнь сверху. Обозревая землю, рассказчица обрисовывает ее в самых общих чертах: *вижу процесс жизни, где происходит, что происходит*. Вертикальное структури-

рование пространства: сверху → вниз имеет место в корякских мифологических сказках о сотворении, в которых верхний мир представлен как мир изначальный, в нем обитает Создатель. По мифологическим воззрениям коряков, мир строился именно сверху вниз. Но в повествовании о странствии души исходной точкой начала перемещения является конкретное место земного мира, Дом культуры поселка Сосновка, причем место актуализируется с очень высокой степенью определенности, то есть движение осуществляется сначала снизу вверх, и уже далее душа рассказчицы окидывает нижний мир взглядом сверху вниз.

В мифологических сказках о сотворении исходная пространственная точка развития действия – это верхняя точка. Мир строился сверху вниз. Пространство в корякском фольклоре лишено уточняющих деталей. Этот мир обрисован предельно условно. Такая абстрактная, минимальная степень прорисовки вертикального пространства характерна для корякских мифологических сказок на современном этапе их бытования: верх – низ, небо – земля.

(4) [2, текст 5].

6.	То ыннин Этынва гэтэйкылинэт пыче Кыг'уйкынек,у Митив', к,ун, нымйы(чг'ын).	И это Бытие сделало сначала Куйкынеку, Мити, ну, семью.
7.	Кугитэн,нин <u>н,анк,о, г'эг'эн,к,о:</u> тэг'и нымйычг'ын нучельк,ык.	Посмотрел <u>оттуда, с неба:</u> мало народу на земле.
8.	Нучельк,ын мучгин айн,он нытуйк,ин.	Земля наша давно была молодая.
9.	Кугитэн,нин, уйн,э-йын нымйычг'ын. кив'н,ынин: «Кыг'уйкынек,у! Эмг'элекэ эмтую коёналлан,тык <u>ив'тыл.</u>	Смотрит, нет населения, сказал: «Куйкынняку! Скучно вы одни живёте <u>внизу.</u>

В корякских мифологических сказках структурирование пространство сверху вниз является определяющим и при описании самого процесса создания:

(5) [2, текст 12].

1.	Айн,он ымын, <i>пычик,ав'</i> гатон,валлэнав' ыннанын, валг'о.	Давно все птицы были созданы одинаковыми.
2.	Мыев' Кыг'уйкынек,унэк г'ылг'ыл гэнин,лылин <u>гычгочан,к,о</u> и гив'лин: «То <i>пычик,ано</i> к,ынг'аллатык» – ага, йык,ойма.	Потому что Куйкынняку снег бросил <u>сверху</u> и сказал: «Птицами становитесь» – ага, [а их] раздувало ветром.
3.	Гэчиллинэв', гаяллэнав'...	Брошены, упали...
4.	Гыг'уев'линэв' нучельк,ык <i>пычик,ав'</i> .	Появились на земле птицы.
5.	Ыно мин,кые валг'о: тилму, ев'ьев', галгав', – имыак,ин.	Ну, какие были: орлы, куропатки, утки, – всякие разные.
6.	Ыньн,ыг'ан ев'ьев'у коенгалан,.	Так куропатки появились.

Если в мифологической сказке на протяжении всего повествования степень определенности пространства очень низкая, то в мифологических рассказах (см. фрагменты 2, 3), как и в исторических преданиях, степень определенности пространства может варьироваться в пределах одного текста.

(6) [2, текст 15].

1. Аппанак к,онпын, котвын,нэн: айн,он в'уччин <u>мучгин нучельк,ын</u> янот аммочгы- нан мыткоявалан,ын, да?	Папа всегда рассказывает: давно вот <u>нашу землю</u> сначала мы одни использо- вали, да?
2. Уйн,э в'утку к,ояямко, уйн,э в'утку янот, мэлгытанн,о, уйн,э ынней <u>американцав'</u> , уйн,э мэкив' японо.	Не было здесь эвенгов, не было <u>тут</u> сна- чала русских, не было этих американ- цев, никаких японцев.
3. Ятан муйкэкылг'у нымылг'у то чав'чывав' то ив'тылылг'у, <u>ительмены</u> .	Только наши нымыланы, и чавчувены, и нижние, ительмены.

Локальное пространство описываемых событий актуализируется при помощи обобщенной дескрипции *наша земля*. В другом тексте исторического предания (фрагмент 7) А.А. Кергильхот уточняет название района, соответственно, степень определенности пространства повышается, что усиливает эффект достоверности текста:

(7) [2, текст 17].

6. Мыев' к,ояямко элвэлг'инэв' в'утиннутэкинэв'.	Потому что эвены не [с] этой земли.
7. Ыччу н,ано, <u>Эвенкиякинав'</u> мин,кэкинэв' аму.	Они там, <u>из Эвенкии</u> откуда-то.
8. <u>Гамганотан,к,о</u> коляйвытколан,, коляйвытко- лан,.	<u>По разным землям</u> бродят, бродят.
9. Мин,ки-ван кон,волан, юнэтык.	Где-то начинают жить.
10. Уйн,э ычгин мин,ки <u>лыгинутэнут</u> атвака, ычгин ваны.	Нигде у них нет <u>настоящей земли</u> , их места [жительства].
11. Игыньн,иник тэк,ын <u>цыгане</u> .	Поэтому как цыгане.
12. Коляйвытколан,, мин,ки кон,волан, пытк,этык <u>омнотак</u> , мыев' кимитг'ав' ычгин амин г'аткэн,о.	Бродят, где-то начинают временно жить <u>на тёплой земле</u> , потому что одежда у них плохая.
13. Мин,ки <u>вот Быстринский районк</u> гэлэг'улин ыннин нутэнут, мин,ки номк,эн мимыл, и н,анко гэнг'эллинэв'.	Где вот <u>в Быстринском районе</u> нашли землю, где тёплая вода, и там стали [жить].

В преданиях о происхождении рельефа мифологическое и географиче-ски-объективное пространства накладываются одно на другое.

(8) [2, текст 19].

1. У нас вот в <u>Ачайваяме</u> есть <u>сопка лысая</u> , на ней плот окаменевший.	
2. И наши старики рассказывали, что айн,он, они же передаются, эти рассказы, айн,он в'утку уйн,э атвака мучгин в'отынно ёнаты- ны, <u>нучельк,ын</u> .	И наши старики рассказывали, что давно, они же передаются, эти расска- зы, давно тут не было у нас вот этого места, <u>земли</u> .
3. Мыев' айн,он в'уччин <u>ымон</u> , мимла гэначг'ылэн.	Потому что давно <u>вот это всё</u> водой было залито.
4. Игыньн,иник мэкив' нынн,ак,инэв' ынней тимикв'и гэтэйкылинэв' и гэгынтэв'линэв' <u>тынопыльк,этын</u> .	Поэтому некоторые выросшие эти плоты сделали и уплыли <u>на сопку</u> .
5. И поэтому сейчас н,анко, як,ам <u>ты-</u> <u>нупыльк,ык</u> , у нас есть тимикв'и.	И поэтому сейчас там, прямо <u>на сопке</u> , у нас есть плоты.
6. И игыньн,иник <u>н,аен тынуп</u> ныннылг'ын Чи- митк,ы, тимитк,ы.	И поэтому <u>та сопка</u> названа Чимитка, на плоту.

На примере данного фрагмента (8) очень четко заметно, как происходит варьирование степени определенности пространства в пределах одного текста. Предание о происхождении священного места Симитка начинается с четко упоминания названия поселка: *у нас в Ачайваяме есть сопка лысая*. В фокусе референции определенное место, определенная сопка, и взгляд рассказчика сфокусирован именно на этой конкретной сопке. По мере того, как рассказчик переходит к описанию процессов, происходивших в мифические времена, свидетелем которых он не был и не мог быть (*Всемирный потоп*), локальное пространство (*сопка Симитка около поселка Ачайваям*) сменяется пространством обобщенным (*наша земля, всё*). Снижение степени референциальной определенности позволяет выйти на масштабность изображения.

Иначе изображается пространство в корякских мифологических сказках. В сказках есть устойчивые координаты, которые для слушателей служат ориентирами перемещения персонажа по вымышленному пространству. Особенности референции в сказке и художественном тексте отчасти сопоставимы. Исследователи отмечают условную независимость референции вымышленного мира от мира объективной реальности: «Художественный текст сам порождает референты и от того, как будет структурироваться текст, будет зависеть и референциальная отнесенность творимого художественного мира» [3, с. 85].

Пространственные ориентиры в корякских мифологических сказках актуализированы обобщенно: лес, тундра, море, берег моря, – без дополнительной конкретизации. С реальностью они соотнесены условно, в самом общем плане. В корякских мифологических сказках лес предстает как пространство враждебное, таящее в себе опасность, точно так же, как и в мифологических рассказах (ср. фрагмент 2):

(9) [2, текст 3].

2.	Чачамъя кив'н,ынин: «Кытол титэ ныкита аялекока.	Старушка говорит им: «Не надо ночью кататься с горы.
3.	Н,анко <u>умкычыку</u> кала куюнэтын,, нэн,вэтгыйн,ын.	Там <u>в лесу</u> кала живет, злой дух.
4.	Выг'аёк ыно наямэллан,тык».	Когда-нибудь ведь возьмёт вас».
10.	Ган,волэнав' ялеколг'атык, кокомн,ычейлян,, кокомн,ычейлян,.	Начали кататься, кричат, кричат.
11.	Ыннин Калаг'ан <u>умкычыку</u> гэпик,ылин, кув'иньвыгитэн,нин, як,к,э эвын,: «Мыяванав' пипик,ыльн,у! Гымнан чеучгык к,ойман,ав'кэйычгычыку мыёнав'».	Эта Женщина-злой дух <u>в лесу</u> спряталась, тайком смотрит на них, потом говорит: «Погодите, мыши! Я в мешок, в женский комбинезон засуну их».

В корякском фольклоре враждебному пространству леса противопоставлена тундра. При этом и лес, и тундра все же мыслятся и, соответственно, изображаются как пространства условные. С позиций философского осмысления сущности референции в тексте, «каким бы образом мир не создавался, созданный, он есть не что иное, как символическая система, построенная не только на разных модификациях элементов, но и на том, как символы в этой системе отсылают к тому, к чему отсылают» [4, с. 67].

Текстовый мир корякской сказки на современном этапе представляет собой мир в себе, соотнесенный с миром объективной реальности лишь условно. При этом в корякских мифологических сказках тундра – обобщенное изображение ‘своего’, освоенного пространства. Если лес – это логово враждебной силы, вместилище потенциально опасных злых духов, то тундра – основа человеческой жизни. Охота, заготовка дров, работа в табуне – все это связано с тундрой, как в реальной жизни, так и в сказке. Тундра – место активных действий человека.

(10) [2, текст 13].

6.	К,айыкмин,ын к,онпын, <i>кок,отан,</i> , <u>гамганотан,к,о</u> кулэйвыткун,, кытуттын,ын, кун,элын,, н,элвылг’ык ковэтатын,.	Сынок всегда охотится, <u>по всей тундре</u> ходит, за дровами ходит, в табуне работает.
7.	А ынпык,лавол к,онпын, ынки лыгэячы-ко котван,.	А старик всегда в яранге находится.
8.	Уйн,э йинны элэг’укэ кунтын,нин.	Ничего не видит.
9.	Выг’аёк титэ ляйвыткама <u>нотан,к,о,</u> г’оячека гэлэг’улин ватк,эн микин-аму ямкын.	Потом, пока бродил <u>по тундре</u> , парень увидел другое, неизвестно чье стойбище.

В корякских сказках тундра соотносима с пространством дома, яранги. Тундра и яранга противопоставлены не по принципу *свое* и *чужое*, а по принципу: *ограниченное свое (яранга)* и *безграничное свое (тундра)*. Ориентирами перемещения по своему пространству служат сопки, перевалы, реки. Эту склонность кочевников к уточнению локальных ориентиров пути отразил в своих произведениях первый корякский писатель Кецай Кеккетын. В Как только главный повести юноша Коялкот, преодолев длительный путь странствия от одного стойбища к другому, приближается к своей родной тундре, конкретизация пространства становится предельно четкой, до мелочей:

(11) [1, с. 28].

Малв’айын,к,ал ынин в’эемык кувыччетын, ватк,эн <u>Мийив’аямпиль,</u> мэн,ин гумэкэлли <u>Ынпыв’аямын,</u> <...>.	В стороне от этой реки видна <u>Мальковая речка,</u> которая впадает в <u>Старую реку</u> <...>.
<u>В’эемык в’отэнк,ал</u> ковыччаллан, тэк,ын милку то оччав’ – н,ано <u>анотваны Ну-талк,утямкин.</u>	<u>По эту сторону реки</u> было несколько юкольников и складов – это <u>летовье Нутэлкутова стойбища.</u>

В сказках в отличие от бытовой речи, автобиографических рассказов, а также повестей Кецай Кеккетына, локальное пространство развертывания событий не только не привязано к конкретным географическим объектам, но и по самому существу не требует дополнительной конкретизации.

Лес и тундра в корякских мифологических сказках противопоставлены морю. Море актуализировано в тексте как отдельный, обособленный мир, при этом степень его референциальной определенности очень низкая. Никаких уточняющих лексем не используется.

- (12) [2, текст 1].
15.	То гэгынтэв'линэв' <u>ан,к,айтын,</u> .	И побежали <u>к морю</u> .
16.	Коечваллг'аллан, ынки <u>ан,к,анолн,ык</u> .	Играют здесь <u>на берегу моря</u> . <...>
34.	Яво, анам мэччу н,аей пипик,ыльн,у!»	Погоди, где же они, те мыши!»
35.	Гэкмиллин утгыут, гыг'эк,эв'лин <u>ан,к,анолн,этын,</u> .	Взял палку, отправился <u>на берег моря</u> .
36.	Койкылявыльг'атын, ынпык,лавол <u>ан,к,айтын,</u> .	Бежит старик <u>к морю</u> .

В корякских мифологических сказках пространство действия персонажей актуализировано в самых общих чертах. Степень определенности пространства в таких текстах крайне низкая, при этом существуют устойчивые координаты, отражающие перемещение персонажей в воображаемом пространстве. По горизонтали: лес, тундра, море, берег моря. По вертикали: небо, земля, верх, низ. При этом никакой дополнительной конкретизации пространства не происходит. На протяжении всего текста мифологической сказки степень референциальной определенности пространства не меняется. В мифологических рассказах и семейных преданиях степень определенности актуализированного пространства варьируется в пределах одного текста. С одной стороны, рассказчик стремится подтвердить достоверность изображаемых событий и, в связи с этим, указывает точное место действия: название посёлка, реки. С другой стороны, по мере того, как повествование переходит от изображения объективной ситуации к описанию субъективных ощущений, меняется и степень определенности пространства: оно становится гораздо менее конкретным, при этом актуализируются те же самые пространственные координаты, что и в корякских мифологических сказках.

Список литературы

1. Кеккетын К. Эвныто-пастух: повести. Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2010. 208 с.
2. Кергильхот А.А. Тексты, записанные Т.А. Голованевой и А.А. Мальцевой в 2006, 2010, 1015 гг. от носительницы ветвейского говора чавчувенского диалекта корякского языка Кергильхот Александры Алексеевны, 1952 г. р., уроженки с. Ветвей Олюторского района Камчатского края.
3. Панченко Н.В. «Власть референции» в процессе композиционного построения художественного текста (на материале современной художественной прозы) // Филология и человек. 2008. № 1. С. 85-97.
4. Чайка Е.П. Создание миров: предъявление путей референции // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2009. Т. 70. № 4. С. 57-68.

СУДЕБНОЕ ЗАСЕДАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ОРАТОРСКОГО МАСТЕРСТВА ЮРИСТА

Григорян М.Г.

студентка 2 курса Юридического института,
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

Научный руководитель – доцент кафедры культуры русской речи
Юридического института СКФУ, канд. филол. наук Перепелицына Ю.Р.

Настоящая статья посвящена специфике речи в судебном заседании. В статье указаны главные требования к судебному оратору. Особый акцент делается на навыках и умениях юриста в выступлении в судебном заседании. Новизна статьи заключается в том, что судебный процесс рассмотрен в речевом контексте. Актуальность статьи заключается в том, что рассматриваются типичные ошибки в речи юристов. Теоретическая значимость статьи заключается в том, что участники судебного разбирательства повысят свою роль в принятии надлежащего судебного решения. Практическая значимость исследования заключается в том, что оно может быть использовано в судебной практике.

Ключевые слова: культура, ораторское мастерство, юрист, речь, выразительность речи.

Основным видом коммуникативной деятельности человека является речь, которая играет важную роль в профессиональной деятельности юриста. Несомненно, одним из главных требований к юристу является углубленные знания законодательства Российской Федерации, а также знание материалов дела, точный и полный набор «доказательств», которые необходимо представить в судебном заседании. Однако не следует забывать и о том, что речь – главный инструмент юриста. Активная речевая деятельность юриста – путь к успеху.

Актуальность данной проблемы заключается в том, что не каждый начинающий юрист умеет четко и правильно излагать свои мысли. Зачастую не только начинающим, но и уже состоявшимся специалистам в области юриспруденции необходимы навыки и умения в постановке речи и изложении мыслей. Для этого необходимо заранее подготовить текст с точными и ясными аргументами.

Умения и навыки по написанию текстов – неотъемлемый компонент подготовки юриста для выступления в суде. Созданию красивой речи способствует не столько объём собранного материала о предмете мысли будущей речи, сколько его проработка. Речь юриста представляет собой стройную систему обоснования конкретной мысли. Задача выступающего – утверждение посредством конкретных высказываний в сознании собеседника какой-то мысли [3, с. 35].

Несомненно, заранее подготовленная речь дает юристу больше уверенности в выступлении, так как его речь будет оформлена в соответствии с нормами русского языка. По мнению А. Ф. Кони, юрист должен быть человеком, безупречно владеющим нормами литературного языка, у которого

общее образование идет впереди специального [1, с. 89]. Нельзя не согласиться с точкой зрения великого юриста-оратора, ведь данная профессия подразумевает знания не только в области юриспруденции, но и других наук.

Однако сегодня многие стремятся совмещать различные виды деятельности: юрист, представляющий интересы истца, либо ответчика в суде параллельно занимается коммерческой деятельностью.

Это одна из причин неуспешной профессиональной деятельности юриста, ведь ораторское искусство, ведение дел в суде требует тщательной подготовки и соответствующих умений в данной сфере. Конечно, это не означает наложение запрета на занятие другим видом деятельности, но впрочем, и на этот фактор стоит обратить внимание. Упорство и постоянный труд – таков путь к успешному ораторскому мастерству.

Еще одним из аспектов проблемы ораторского мастерства в судебной речи является то, что многие начинающие юристы в связи с недостаточным опытом ведения дел в судах используют «научообразные» слова, считая, что это придает речи профессионализм и красноречивость.

Это довольно распространенная ошибка и заблуждение со стороны начинающих судебных ораторов. Необходимо следить за своей речью, уместно использовать профессионализмы, так как точность речи, её уместность – основополагающие успешной деятельности любого специалиста.

Немаловажное значение имеют материалы дела. Юрист должен отлично знать предмет аргументации и иметь четко поставленную цель, которая должна логически отвечать его задачам. Так, например, целью речи прокурора является поддержание государственного обвинения, а речь адвоката, напротив, направлена на защиту прав и представление интересов обвиняемого. В этом и заключается специфика речи юристов.

Необходимо заблаговременно подготовить речь, а именно поставить главный тезис. Однако тезис может по объему и формулировке достаточно трудно восприниматься аудиторией. В таком случае юрист должен выделить микро-тезисы и продемонстрировать свое умение поддержать интерес и внимание аудитории.

И, наконец, для опытного и компетентного юриста грубой ошибкой является несоблюдение норм литературного языка – нормированного языка. Юрист, допускающий речевые ошибки в процессе доказывания, демонстрирует свою неграмотность. Знание русского языка необходимо специалисту, так как это государственный язык Российской Федерации, язык на котором ведется судопроизводство.

Неграмотная речь юриста создает образ непрофессионального специалиста и сразу отталкивает людей. Необходимо постоянно совершенствовать свои навыки в построении деловой речи, публичных выступлений, ведь именно это – залог успеха. На пути к такому совершенству стоят два внешних условия: чистота и точность слога и два внутренних: знание предмета и знание языка [2, с. 67].

Список литературы

1. Александров Д.Н. Риторика: учебное пособие. – 3 изд. – М.: Флинта; Наука, 2000.
2. Пороховщиков П.С. Искусство речи на суде. – М.: Изд-во: «Автограф», 2000.
3. Сергеич П. Искусство речи на суде / П. Сергеич; предисловия Г.М. Резника. – М.: Издательство Юрайт, 2013.

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРЕНИЯ А.С. ПУШКИНА «К ЧААДАЕВУ» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Гуляева Н.А.

студентка 6 курса факультета иностранных языков,
Новосибирский государственный педагогический университет,
Россия, г. Новосибирск

Статья посвящена рассмотрению особенностей перевода стихотворения «К Чаадаеву» на английский язык с анализом перевода ключевых фраз. Показано, что при сопоставлении оригиналов лирических стихотворений и их переводов на английский язык наблюдаются различия фрагментов концептуальной и языковой картины мира русского и английского языков.

Ключевые слова: оригинал, перевод, ключевые фразы.

Перевод лирики на английский язык представляет особую трудность, что обусловлено лексическими, грамматическими и стилистическими особенностями самих поэтических произведений. Приемы и методы перевода прозаических произведений не всегда могут быть использованы при переводе поэтических произведений [1].

Особенности поэтики лирики Пушкина заключаются в ее внешней форме; стихотворения его всегда кратки; в них немного слов, но все они в высшей степени метки и точны, красота и музыкальность стиха доведены до такого совершенства, какого достигали немногие из поэтов. Речевые средства, использованные в своих лирических произведениях А.С. Пушкиным, крайне разнородны. В их состав входят лексико-фразеологические и морфологические средства языка, способы иносказания (тропы), стилистические фигуры (интонационно-синтаксические средства), приемы звуковой и ритмической организации речи.

Дадим краткий лингвопоэтический анализ стихотворения «К Чаадаеву», поскольку это необходимо для последующего рассмотрения его иноязычных переводов.

Стихотворение «К Чаадаеву», написанное А. С. Пушкиным в 1818 году, до сих пор считается литературным гимном декабристов. Именно благодаря этому произведению за А.С. Пушкиным, который был дружен со многими декабристами, закрепилась слава вольнодумца, в результате чего поэт дважды побывал в ссылке, куда был отправлен царем Александром I, не желавшим, чтобы поэт своими стихами «смущал умы» высшего общества. Петр

Чаадаев был давним другом Пушкина, с которым поэта связывали не только теплые и доверительные отношения, но и общие стремления.

Стихотворение написано четырёхстопным ямбом, рифма перекрестная. Для того, чтобы передать мысли и чувства лирического героя автор использует тему любовной лирики (свидание, томление, упование...), эпитеты (власть роковая, пленительное счастье, тихая слава, святая вольность), метафоры (обломки самовластья, горим свободою, в нас горят еще желанья). Кроме того, Пушкин употребляет ритмические восклицания, инверсии, обращения. Интонация стихотворения меняется от лирической до патетической.

Краткий лингвопоэтический анализ стихотворения «К Чаадаеву» необходим для последующего рассмотрения его иноязычных переводов. Перейдем к анализу английских переводов стихотворения «К Чаадаеву», сделанные Аланом Майерсом и Ириной Железновой. Для анализа переводов данного стихотворения А. Майерса и И. Железновой можно выделить следующие ключевые фразы:

1) «любви, надежды, тихой славы недолго нежил нас обман». Вариант перевода А. Майерса: «*our dreams of love and modest glory, delusive hopes now quickly sped*» – «наши мечты любви и скромной славы, обманчивые надежды сейчас быстро умчались». В переводе мы видим замену слова оригинала «любви» на «мечты любви». Слово «тихий» было заменено контекстуальным синонимом «скромный». Слово «надежда» было заменено фразой «обманчивые надежды». Целая строка «недолго тешил нас обман» была заменена на «сейчас быстро умчались». Выявлены несоответствия на уровнях семантики, информативности, искажение образа и восприятия. Перевод И. Железновой: «*not long did youth's vain hopes delude us, its dreams of love and prideful time*» – «недолго молодости тщеславные надежды обманывали нас, её мечты любви и тихой славы». Здесь мы видим изменения в структуре, добавления «тщеславный», «мечты», «молодости». На уровне информативности перевод выполнен близко к оригиналу, но выявлены несоответствия структуры и искажения образа.

2) «исчезли юные забавы». А. Майерс перевел как: «*our pranks and games<...>are fled*» – «наши шутки и игры исчезли». Опущение слова «юные», замена слова «забавы» уточняющей фразой «шутки и игры». Выявлены несоответствия на уровнях семантики и структуры. Перевод данной фразы у И. Железновой отсутствует;

3) «под гнетом власти роковой». Перевод А. Майерса – «*while yoked beneath a fateful power*», что переводится буквально как «пока угнетены роковой властью». Несоответствий не выявлено. Вариант перевода И. Железновой – «*under the yoke of tyranny*» («под гнетом тирании»). Здесь мы видим лексическую замену фразе «власти роковой» словом «тирания», которое искажает образ всей фразы. Несоответствия на семантическом и информативном уровнях;

4) «отчизны внемлем призыванье». Перевод И. Железновой – «*heedful of our country's plea*», что означает буквально «внимательный к призыву

нашей страны». Здесь мы наблюдаем лексико-грамматическую трансформацию – «внемлем» – «внимательный», лексическую замену – слово оригинала «призыванье» синонимом «призыв». Кроме того, данная фраза содержит безэквивалентное слово «отчизна». Поскольку в английском языке нет такого слова, то переводчик заменяет его на схожую по значению фразу «наша страна», которая теряет патриотический смысл оригинала и искажает образ. Перевод А. Майерса – «*our country calls to us*» («наша страна зовет нас»). Замена слова «отчизна» на фразу «наша страна». Искажение образа.

5) «*минуты вольности святой*». Перевод А. Майерса – «*sacred freedom come too late*» – «*святая свобода приходит слишком поздно*». В переводе наблюдается опущение слова «минуты» и добавление фразы «приходит слишком поздно», которые искажают не только образ, но и семантику, структуру и информацию оригинала. Вариант перевода И. Железновой – «*we freedom wait with all the fever*» («мы свободу ждем с лихорадкой»). Полное несоответствие оригиналу – вольный перевод.

6) «*пока свободой горим*». Перевод А. Майерса – «*while for freedom's flame we live*», что означает буквально «пока свободы пламенем мы живём». Добавляя слово «пламени», переводчик создает свою собственную метафору «*freedom's flame*», что является допустимым, поскольку она не искажает информацию. Также переводчик использовал лексическую замену слова оригинала «горим» на контекстуальный синоним «живём». Несоответствия на уровне семантики, структуры. Перевод И. Железновой практически полностью повторяет перевод А. Майерса – «*while freedom's flame within us lives*» («пока свободы пламя в нас живёт»). Несоответствия на уровнях семантики и структуры;

7) «*пока сердца для чести живы*». Перевод А. Майерса – «*and honour in our breast we treasure*», что переводится буквально как «и честью в нашей груди мы дорожим». Переводчик заменяет слово «сердца» фразой «в нашей груди». Слово «живы» было заменено словом «дорожим», которое не является синонимом, поскольку «жить» означает находиться в процессе жизни, существовать, а «дорожить» – высоко ценить; бояться потерять. В данном случае несоответствие на уровне семантики и искажение образа. Вариант перевода И. Железновой – «*while we by honour's voice are guided*» («пока мы чести голосом ведомы»). Здесь наблюдается опущение слова «сердце», добавление слова «голосом» и лексическая замена слова «живы» словом «ведомы». Искажение семантики, информации, структуры, образа;

8) «*души прекрасные порывы*». Перевод А. Майерса: «*the noblest that our souls can measure*» – «*благороднейшее, что наши души могут оценить*». Полное несоответствие оригиналу – вольный перевод. Вариант перевода И. Железновой также можно назвать вольным – «*our spirits whole and undivided*» («наши души целы и едины»);

9) «*звезда пленительного счастья*». Перевод данной фразы у И. Железновой отсутствует. А. Майерс перевёл почти дословно: «*the star of captivating splendor*», что означает буквально «звезда пленительного великолепия». Наблюдается лексическая замена слова «счастья» словом «великолепия».

Данные слова не являются синонимами: счастье – чувство и состояние полного, высшего удовлетворения; великолепие – роскошь, блестящая, пышная красота. Несоответствия на уровне семантики и информативности;

10) «на обломках самовластия». Перевод А. Майерса – «*on the shards of the tsardom's grandeur*», что переводится дословно как «на осколках царского величия». При переводе были использованы лексические замены: слово «(на) обломках» заменено синонимом «(на) осколках»; «самовластия» – фразой «царского величия», которая раскрывает смысл. Несоответствий не обнаружено. Перевод И. Железновой – «*and despotism impatient crushing*» («и деспотизма нетерпеливый разгром»). Замена слова «самовластия» более ярким по оттенку синонимом «деспотизм», фраза «на обломках» была переведена словом «разгром», добавление слова «нетерпеливый». Несоответствия на уровнях семантики, информативности и искажение образа.

Следовательно, после проведения сравнительно-сопоставительного анализа переводов на английский язык стихотворения «К Чаадаеву», выполненные А. Майерсом и И. Железновой, выявлено, что наиболее адекватным является перевод А. Майерса.

Таким образом, при сопоставлении оригиналов лирических стихотворений и их переводов на английский язык наблюдаются различия фрагментов концептуальной и языковой картины мира русского и английского языков, которые отражаются на всех уровнях языков: грамматическом, семантическом и стилистическом, представляющие собой определенные переводческие проблемы.

Список литературы

1. Чайковский Р.Р. Перевод поэзии (типология и множественность) / Р.Р. Чайковский, Е.Л. Лысенкова. – М.: ИИУ МГОУ, 2013. 194 с.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ

Калачева М.В.

Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

Данная статья посвящена рассмотрению способов возникновения неологизмов как структурной единицы науки неологии. Актуальность работы с лингвистической стороны продиктована всё более активным проникновением новых лексических единиц в язык, что можно наблюдать в текстах СМИ, лексикографических источниках и разговорной речи. В этом ключе появляется необходимость в изучении механизмов, по которым может происходить возникновение неологизмов. В тексте рассматриваются лингвистические и экстралингвистические способы возникновения неологизмов в теоретическом аспекте.

Ключевые слова: неологизм, метод словообразовательной деривации, метод суффиксации, метод калькирования, продуктивная языковая модель, непродуктивная языковая модель.

Язык – сложный общественный феномен. Он является средством человеческой коммуникации и находится в постоянном движении. Как отмечают

исследователи, язык – зеркало общества. Развитие общества отражается в многочисленных лексических единицах, определяющих общественные отношения и изменения, которые неизбежно влекут за собой лексические инновации и преобразования в языке [4]. В наш век индустриализации, научно-технического прогресса, интенсивной общественно-политической жизни, полной событиями международного значения, все время идет процесс лексического обогащения языка. Все изменения и процессы, происходящие в общественной жизни, находят непосредственное отражение в языках всех стран мира.

Как отмечает А.А. Уфимцева, «язык фиксирует концептуальный мир человека, имеющий своим первоначальным источником реальный мир и деятельность в этом мире. При помощи лексических единиц номинации человек осуществляет репрезентацию объектов реального мира. В словах как номинативных единицах языка хранятся определенные знания о действительности, достаточные для того, чтобы идентифицировать обозначаемые словами реальные или идеальные сущности» [5]. Процесс познания новых предметов и явлений, появление чего-то нового в жизни общества вызывают необходимость номинации, что влечет за собой образование новых слов и выражений или появление новых значений у известных лексических единиц [2].

Язык представляет собой динамичную систему, постоянно претерпевающую изменения. Наибольшей подвижностью по сравнению с грамматикой обладает лексика, которая является отражением происходящих в обществе трансформаций. Следствием этих преобразований является появление новых лексических единиц, нуждающихся в систематизации. Во второй половине XX века, в связи с появлением большого количества терминов, обозначающих неизвестные до этого предметы и общественные явления, появилась новая наука – неология. Неологизм, как структурная единица данной науки, представляет собой новое слово, недавно вошедшее в употребление и не закрепившееся в активном словарном составе языка.

Механизмы возникновения неологизмов могут быть рассмотрены через лингвистические и экстралингвистические способы.

Лингвистические способы возникновения неологизмов – это методы, в наибольшей степени характерные для отдельно взятого языка. В этом случае неологизмы по своей структуре образованы либо по существующим лингвистическим моделям в ходе словообразовательной деривации, в ходе семантической деривации, либо в ходе заимствования слова из другого языка.

Словообразовательная деривация в этом случае включает в себя способ суффиксации по продуктивным или непродуктивным языковым моделям. Для неологизмов в большей степени характерна деривация по продуктивным моделям, чтобы новое слово было понятно всем носителям языка.

Семантическая деривация возникает при изменении исходного значения слова или появлению вторичного. Отметим, что семантическая деривация – это процесс появления у слова семантически производных значений, со-значений, семантических коннотаций, т.е. процесс расширения семантического объема слова [1].

Заимствование слов из другого языка осуществляется с помощью метода калькирования, когда слово полностью или с небольшими изменениями переносится на почву другого языка.

Экстралингвистические факторы – это состояние общества, содержание общественного сознания, уровень общественных потребностей, появление новых социально-экономических реалий, открытия в области науки и техники, увеличение объемов перерабатываемой информации, значительное ускорение темпа жизни общества и его глобализация [3]. Следовательно, экстралингвистическими способами возникновения неологизмов является, в первую очередь, появление специализированных терминов в связи с научно-техническим прогрессом, переосмысление значения слов и изменение их сочетаемости, вызванные сильным влиянием внешних социальных, экономических, политических факторов.

Список литературы

1. Тодосиенко З.В. Семантическая деривация как важнейший механизм содержательной динамики языка (на материале русского и английского языков) // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 5 (часть 3). С. 643-648.
2. Тропинина И.А. Наречия-инновации: лингвопрагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов на Дону, 2007. 148 с.
3. Тугуз Э.А. Лингводискурсивные особенности неологизмов в спортивном дискурсе (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2014. 270 с.
4. Михеева Е.И. Неологизмы современного немецкого языка (интегративный аспект на материале имен существительных): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 281 с.
5. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968. 198 с.

ПРИНЦИПЫ РАБОТЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН В ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

Князева Е.С.

доцент кафедры русского языка, канд. филол. наук,
Военная академия воздушно-космической обороны, Россия, г. Тверь

Статья посвящена лингвистическим аспектам работы преподавателя-нефилолога с иностранными обучающимися и содержит ряд рекомендаций, выполнение которых сделает работу в иноязычной аудитории более эффективной.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, обучение в военном вузе, иностранные обучающиеся.

Обучение иностранцев русскому языку в высшем военном учебном заведении направлено на достижение такой цели как подготовка слушателя/курсанта к изучению специальных дисциплин на русском языке, «фактически речь идет о формировании коммуникативной компетенции в учебно-профессиональной сфере обучения на русском языке» [Родионов, Сафронова 2005, с. 28]. Для достижения данной цели преподаватели-филологи должны

решить ряд задач: познакомить обучаемых с определенным объемом специальной лексики, особенностями научного стиля речи, развить навыки и умения работы с научным текстом, в том числе и записи лекций (на материале специальных дисциплин). При этом в задачи преподавателя-русиста не входит объяснение содержания данного материала, поскольку филолог не имеет для этого достаточной квалификации, а также обучение иностранца **всем** языковым средствам русского языка.

В том случае, если у преподавателя специальной дисциплины слабо сформировано представление о целях и задачах работы преподавателя русского языка как иностранного, преподаватель-специалист оказывается в весьма сложном положении. Для того чтобы избежать возможных затруднений при работе с иностранными военнослужащими, преподаватель специальной дисциплины должен опираться на следующие рекомендации.

Первая часть требований касается психологически-эмоционального аспекта учебной деятельности, который связан с межличностными отношениями преподавателя и обучаемых. Так, недостаточно уважительное отношение к личности курсанта или слушателя негативно сказывается на учебном процессе в целом и на познавательной деятельности, в частности. К межличностным проблемам между преподавателем и обучаемыми приводят следующие факторы:

- приравнивание языковых возможностей обучаемого к уровню его интеллекта (если иностранец недостаточно хорошо говорит по-русски или недостаточно хорошо понимает речь преподавателя, то он не способен к обучению);

- завышенные ожидания преподавателя в плане языковой подготовки обучаемого (после года изучения русского языка не говорит на нем также хорошо, как носитель);

- заниженные требования к самому себе как преподавателю, который работает в иноязычной аудитории (даже дети бы поняли, что я объясняю, а они нет) и т.д.

Из этого вытекает общий вывод – преподаватель-специалист должен представить себя на месте зарубежного обучаемого и понять, насколько бы он сам смог в течение нескольких месяцев выучить, например, китайский язык и как хорошо он мог бы после этого воспринимать материал по военной специальности на китайском языке.

Вторая часть требований носит практический характер и касается особенностей предъявления материала по специальным дисциплинам иностранным обучаемым.

Прежде всего, преподаватель специальной дисциплины должен осознавать, что работает в иноязычной аудитории, где обучающиеся владеют лишь определенным лексическим и грамматическим минимумом. Поэтому необходимо адаптировать предъявляемый слушателям и курсантам учебный материал, исходя из следующих требований и рекомендаций: использование небольшого количества новых слов при объяснении нового материала; соблюдение определенного темпа речи; соответствие речи преподавателя жан-

ровым, стилистическим и языковым особенностям научного стиля речи. Рассмотрим данные требования подробнее.

При объяснении нового материала преподаватель-предметник должен знакомить обучающихся с новой для них лексикой (терминами, определениями и т.д.), используя метод наглядности и применяя двуязычные терминологические словари. Преподаватель должен учитывать количество новых слов, предъявляемых в течение занятия, поскольку обилие незнакомой лексики затрудняет понимание текста в целом. При адаптации текста лекции или материалов практического занятия во многих группах целесообразно использовать иноязычную по своему происхождению лексику («аналогичный» вместо «схожий», «субмарина» вместо «подводная лодка», «вакуум» вместо «безвоздушное пространство»), т.к. многие иностранцы владеют одним из европейских языков в качестве основного или дополнительного, поэтому иноязычные слова могут быть для них понятнее, чем исконно русские.

Особое внимание преподаватель должен обратить на темп речи. Недопустимо говорить слишком быстро или невнятно. При чтении лекций необходимо проговаривать окончания существительных и глаголов, поскольку это помогает иностранцу опознать в звучащем тексте известную ему конструкцию. Также возможно повторять несколько раз наиболее важную информацию в целях лучшего ее восприятия слушателями и курсантами, поскольку однократное звучание речевого образца (на лекционных и практических занятиях по специальности) не является достаточным для понимания [2, с. 27].

Одной из распространенных ошибок при работе с иноязычной аудиторией является использование средств разговорно-бытового стиля речи для объяснения нового материала. При этом преподаватель не учитывает, что такая, с его точки зрения, «упрощенная» подача материала только затрудняет понимание. Например, для иностранного обучаемого более понятной будет фраза «сила трения оказывает противодействие движению автомобиля», чем «машина хуже едет, потому что колеса трутся об асфальт», поскольку построена она на основе знакомой ему конструкции научного стиля речи «ЧТО (субъект, 1 падеж) оказывает сопротивление/противодействие ЧЕМУ (3 падеж)» и использует знакомые ему термины «сила трения» и «движение», тогда как во втором варианте фразы иностранцу, скорее всего, будут непонятны слова «трутся» и «асфальт». Поэтому преподаватель, работая в иноязычной аудитории, должен ориентироваться на определенный набор конструкций научного стиля речи, не подменяя их разговорными конструкциями. Также недопустимо использовать сленговые, просторечные и идиоматические выражения при объяснении материала, поскольку программа обучения военных специалистов русскому языку ориентирована на овладение средствами научного стиля речи и не включает в себя знакомство с некодифицированными (т.е. не закрепленными в словарях русского литературного языка) единицами.

Таким образом, преподаватель специальной дисциплины должен осознавать, что основной задачей устного и письменного научного текста явля-

ется адекватная передача научной информации, и выстраивать тексты, опираясь на такие коммуникативные качества речи как точность, ясность, логичность.

Преподаватель-нефилолог должен знать нормы русского литературного языка и не нарушать их в речи. Одна из главных проблем здесь связана с правильной постановкой ударения. Для носителя русского языка не составляет труда определить что слово «средствА» (ударение на последнем слоге) – это фонетический вариант слова «срЕдства», хотя и неправильный. В то же время для иностранца «срЕдства» и «средствА», воспринимаемые в звучащей речи, – это два разных слова, поскольку изучая русский язык, иностранец ориентируется только на нормы русского языка, а не на их нарушения (пусть даже и чрезмерно распространенные). Аналогичное требование относится и к морфологической норме (например, правильный и безошибочно распознаваемый иностранцами вариант – рапорты, неправильный – рапорта).

К сожалению, приходится отмечать, что, готовя материалы для электронных презентаций, отдельные преподаватели не следят и за соблюдением орфографической нормы. Неправильное написание слова, которое может восприниматься носителем русского языка как случайная опечатка, не нарушающая смысл фразы в целом, лишает иностранца возможности понять лексическое значение слова, поскольку в словаре он также будет искать неверно написанный вариант.

Третья часть рекомендаций, адресованных преподавателю специальных дисциплин, связана с общими требованиями к педагогической компетенции.

Обучение представляет собой процесс активной познавательной деятельности, которая предполагает, что обучаемые должны быть вовлечены в учебный процесс. С этой точки зрения представляется абсолютно неэффективной такая методика проведения лекционных и групповых занятий как конспектирование учебного материала со слайдов электронных презентаций или из параграфа учебника. Преподавателю необходимо постоянно активизировать слушателей и курсантов, обсуждать с ними предъявленный материал, задавать вопросы по теме занятия и отвечать на вопросы обучаемых, добиваться воспроизведения информации «своими словами» и т.д.

Таким образом, проводя занятия в иноязычной аудитории, преподаватель специальной дисциплины должен поддерживать благоприятный психологический климат в учебной группе, адаптировать предъявляемый учебный материал с учетом возможностей обучаемых и владеть современными педагогическими методиками. Соблюдение данных рекомендаций поможет устранить многие проблемы восприятия иностранцами военными служащими учебного материала по специальности.

Список литературы

1. История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX в.: учебное пособие для педагогических учебных заведений / Под ред. А.И. Пискунова. М.: Эфесс, 2007. 496 с.

2. Родионов В.Н., Сафронова Т.З. Особенности работы с текстом на начальном этапе при обучении научному стилю речи и специальности// Актуальные проблемы содержания и технологии обновления довузовского образования: Сб. статей. Вып. 1. Мн.: БГУ, 2005. С. 27-28.

3. Родионов В.Н., Сафронова Т.З. Лингвометодические основы обучения иностранных слушателей языку специальности на начальном этапе// Актуальные проблемы содержания и технологии обновления довузовского образования: Сб. статей. Вып. 1. Мн.: БГУ, 2005. С. 28-29.

ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫЙ УРОВЕНЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РОБЕРТА СМИТА В ГОТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД ТВОРЧЕСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ РОК-АЛЬБОМОВ SEVENTEEN SECONDS, FAITH, PORNOGRAPHY)

Коваленко М.В.

делопроизводитель кафедры культурологии и политологии,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

В статье исследуется индивидуально-авторская языковая личность английского рок-поэта Роберта Смита (THE CURE) в период его творчества с 1980 по 1982 гг. Лингво-когнитивный уровень языковой личности Роберта Смита рассматривается путем анализа встречающихся в его песенных текстах концептов.

Ключевые слова: языковая личность, лингво-когнитивный уровень, индивидуальная языковая картина мира, концепт, рок-поэзия, поэтический язык.

Проблемой языковой личности в контексте рок-культуры активно интересуются такие современные ученые, как Д.И. Иванов, О.Н. Колчина, Е.Н. Попова, М.А. Солодова, Е.И. Шаджанова. Внимание данных ученых сосредоточено вокруг русского рока. Что касается рок поэзии Великобритании – ей посвящены работы И.Н. Лисицы и А.А. Черноброва. Эти ученые рассматривают английскую рок-музыку и, в частности, рок-поэзию 60-70-х гг. XX в. в прагматическом (И.Н. Лисица), лингвокультурном и социально-психологическом (И.Н. Лисица, А.А. Чернобров) срезах; проблематику языковой личности они не затрагивают.

Данная статья посвящена языковой личности английского рок-поэта, лидера и автора текстов группы THE CURE¹ Роберта Смита. Поскольку песенное наследие THE CURE обширно (на декабрь 2016 года – 13 полноформатных альбомов, а также синглы) и затрагивает несколько музыкальных жанров, среди которых – постпанк, готик-рок, брит-поп, то, по

---

¹ Группа образовалась в 1976 году под первоначальным названием EASY CURE, в THE CURE переименовалась в 1978 году. Если первоначально у текстов песен данной группы были разные авторы, то с 1978 года автором всех текстов THE CURE является Роберт Смит. На официальном сайте группы THE CURE доступны все тексты группы, начиная с 1978 года [18].

нашему мнению, имеет смысл рассматривать различные периоды творчества Р. Смита по отдельности. В данной статье мы остановимся на готическом периоде его творчества¹ (1980-1982 годы), ознаменованном изданием рок-альбомов SEVENTEEN SECONDS (1980), FAITH (1981) и PORNOGRAPHY (1982)² [11; 16; 18; 19; 20; см. тж. 1].

Мы опираемся на определение языковой личности Ю.Н. Карауловым как совокупности «способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [4]. Ученый выделяет три уровня языковой личности: нулевой или семантический (отражающий «степень владения обыденным языком» [5, с. 37], структурно-языковой), первый или лингво-когнитивный (подразумевающий «отражение в описании языковой модели личности», [5, с. 37], тезаурусный [5, с. 53]), второй, или мотивационный, или целеполагающий (предполагающий обнаружение и характеристику целей и мотивов, которые движут поведением и развитием языковой личности и определяют иерархию «смыслов и ценностей в ее языковой картине мира» [5, с. 37]). Ю.Н. Караулов замечает, что собственно языковая личность начинается не с нулевого, семантического уровня, а с лингво-когнитивного, т.к. начиная с него «оказывается возможным индивидуальный выбор» [5, с. 53], в то время как представленный словами, вербально-грамматической сетью и стереотипными словосочетаниями нулевой уровень «принимается каждой языковой личностью как данность» [5, с. 53].

В ряде работ Ю.Н. Караулова лингво-когнитивный уровень структуры языковой личности называется также просто «когнитивным» [4; 6]. К единицам данного уровня ученый относит «понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную “картину мира”, отражающую иерархию ценностей»³ [4].

---

¹ Готик-рок как жанр исследуется в работах К. Джексона, Ч. Мюллера, Д. Томсона. На результаты, полученные данными учеными, опирается Т.С. Абдуллина при проведении философско-культурологического анализа субкультуры готы. Характерные черты готик-рока и история его происхождения описаны Т.С. Абдуллиной в ее диссертации [1, с. 77-82, 89].

² Данные альбомы рекомендуются американским субкультурным журналом PROPAGANDA, целевой аудиторией которого являются готы, в качестве примеров классического готик-рока, ряд песен из которого задали стандарт для английского мрачного движения 80-х годов [20, с. 6]. Эти же альбомы выделяет как значимые российский исследователь субкультуры готы Т.С. Абдуллина [1, с. 78].

³ В своей более ранней работе Ю.Н. Караулов более узко определял единицы лингво-когнитивного уровня структуры языковой личности: «На лингво-когнитивном (тезаурусном) уровне в качестве единиц следует рассматривать обобщенные (теоретические или обыденно-жизненные) понятия, крупные концепты, идеи» (См. Караулов Ю.Н. Русский

С другого бока к взаимосвязи языковой личности и индивидуальной языковой картины мира подходит В.А. Маслова в своем исследовании поэтической картины мира как индивидуально-авторской. Ученый утверждает, что такая картина мира «в значительной степени субъективна и несет в себе черты языковой личности ее создателя» [7, с. 42]. В понимании термина «индивидуальная языковая картина мира» мы следуем за В.А. Масловой и Н.А. Бурмакиной. Так, опираясь на В.А. Маслову, Н.А. Бурмакина определяет индивидуальную языковую картину мира как «модель мира, представленную в сознании личности системой концептов, выраженных средствами языка в определенный исторический период [3, с. 33; см. тж.: 7, с. 41-44]

Таким образом, на лингво-когнитивном уровне языковой личности Р. Смита находит отражение его индивидуальная языковая картина мира, складывающаяся из значимых для данного рок-поэта концептов, находящих свое вербальное отражение в его песенных текстах. Так, для рок-поэзии Р. Смита характерно повторение концептуальных слов и фраз¹, часть из которых присутствуют только в какой-либо одной песне, часть – характерны для целого альбома или для нескольких альбомов.

You'll fall in love with somebody else / Tonight / [текст] / *You'll fall in love with somebody else / Again tonight* (M, SEVENTEEN SECONDS).

I play at night in your house / [текст] / *Pretending to swim / In your house / I change the time in your house* / [текст] / *I hear no sound in your house* / [текст] / *I drown at night in your house / Pretending to swim* (IN YOUR HOUSE, SEVENTEEN SECONDS). Дважды повторяется фраза *pretending to swim*, представляющая собой отдельную поэтическую строку. Фраза *in your house* повторяется пять раз, причем четыре из них – в составе параллельной конструкции, сочетающейся с анафорой *I*, дважды – в составе словосочетания *at night in your house*, один раз – в качестве целой поэтической строки. Указанные концептуальные фразы присутствуют только в песне IN YOUR HOUSE. Однако в связке с этими фразами употребляется и фраза *at night (night)*, концептуальная как для альбома SEVENTEEN SECONDS, так и для всех трех рассматриваемых рок-альбомов.

Необходимо заметить, что рассматриваемая фраза является, наряду с существительными *dark u darkness*, прилагательным *dark*, кодирующей для концепта *dark*, характерного для рок-поэзии Р. Смита в готический период его творчества. При этом кодирующие концепт слова могут употребляться в денотативных значениях *period between sunset and sunrise* (для *night*), *colour* (для *dark*), *absence of light* (для *dark, darkness*).

язык и языковая личность: Изд. 1-е. – М.: Наука, 1987. – 264 с.; цитируется по переизданию 2010 года [5, с. 52]).

¹ Данная особенность структуры поэтических текстов Р. Смита обусловлена строфической вокальной формой, свойственной песням из рассматриваемых рок-альбомов (исключение: у песен PRIMARY и THE HANGING GARDEN – куплетно-припевная форма). Иначе говоря, повторением концептуальных слов и фраз компенсируется отсутствие припевов, характерное для песен рок-группы THE CURE в рассматриваемый период ее творчества.

*Nobody knows we love / I catch your eyes in the **dark*** (SECRETS, SEVENTEEN SECONDS).

*Talking all **night** in the room / All **night*** (SECRETS, SEVENTEEN SECONDS).

*Slips and strikes her soft **dark** head* (THE DROQNING MAN, FAITH).

*And sleeping less every **night*** (THE FIGUREHEAD, PORNOGRAPHY).

Однако более характерным является сочетание денотативного компонента значения *absence of light* (как для *dark*, *darkness*, так и для *night*) или *period between sunset and sunrise* (для *night*) с коннотативным *uncertainty* и/или *danger*.

*Come closer and see / See into the **dark*** (A FOREST, SEVENTEEN SECONDS). (*Uncertainty*).

*The sound is deep / In the **dark*** (A FOREST, SEVENTEEN SECONDS). (*Uncertainty*).

*At **night** / I hear the **darkness** breathe / I sense the quiet despair* (AT NIGHT, SEVENTEEN SECONDS). (*Uncertainty, danger*).

*I play **at night** in your house* (IN YOUR HOUSE, SEVENTEEN SECONDS). (*Uncertainty*).

*I drown **at night** in your house* (IN YOUR HOUSE, SEVENTEEN SECONDS). (*Uncertainty, danger*).

*Sunk deep in the **night** / I sink in the **night*** (AT NIGHT, SEVENTEEN SECONDS). (*Uncertainty, danger*).

*Unaware of the changes **at night** / **At night** / [текст] / **At night*** (AT NIGHT, SEVENTEEN SECONDS). (*Uncertainty, danger*).

[текст] *one by one people slip away / Into the **night*** (THE HOLY HOUR, FAITH). (*Uncertainty, danger*; присутствует дополнительная коннотация *death*).

*No shapes sail on the **dark** deep lakes* (ALL CATS ARE GREY, FAITH). (*Uncertainty, danger*).

*The fear takes hold / Creeping up the stairs in the **dark*** (ONE HUNDRED YEARS, PORNOGRAPHY). (*Uncertainty, danger*).

*Creatures kissing in the rain / Shapeless in the **dark** again* (эти строки повторяются дважды – в первом и во втором куплетах песни) (THE HANGING GARDEN, PORNOGRAPHY). (*Uncertainty, danger*).

*In the heat of the **night** / [текст] / In the heat of the **night*** (THE HANGING GARDEN, PORNOGRAPHY). В данном случае слово *night* входит в состав распространенного лексико-грамматического единства, повторяющегося только в одной песне. Всему указанному единству присущи коннотации *uncertainty, danger*.

*Lose me in the **dark*** (THE FIGUREHEAD, PORNOGRAPHY). (*Uncertainty, danger*).

*Run into the **night*** (THE FIGUREHEAD, PORNOGRAPHY). (*Uncertainty*).

Существенным для рассматриваемых рок-альбомов является и наличие концепта *despair*.

But I know it's too late (A FOREST, SEVENTEEN SECONDS).

It's always the same / I'm running towards nothing / Again and again and again (A FOREST, SEVENTEEN SECONDS).

But it always feels the same (PRIMARY, FAITH).

A single note / Rings on and on and on (ALL CATS ARE GREY, FAITH).

In despair of time (THE FIGUREHEAD, SEVENTEEN SECONDS).

Свойственным рок-поэзии Р. Смита в готический период творчества является и использование концепта *drown*, выраженного глаголами *drown*, *sink* прилагательным *drowning*, используемыми как в прямом, так и в переносном значении.

Sunk deep in the night / I sink in the night (AT NIGHT, SEVENTEEN SECONDS). (Переносное значение).

Breathing like the drowning man (THE DROWNING MAN, FAITH). (Прямое значение).

I'll watch you drown in the shower (PORNOGRAPHY, PORNOGRAPHY). (Прямое значение).

Для песенных текстов Р. Смита более характерно вынесение ключевой фразы или слова, совпадающей с названием песни, в конец текста (10 случаев на 3 альбома), чем в начало текста (3 случая на 3 альбома). При этом такая фраза (слово) может быть повторяющейся:

[текст] / *In the hanging garden* / [текст] / *In the hanging garden* (THE HANGING GARDEN, PORNOGRAPHY).

Примером вынесения повторяющейся фразы, совпадающей с названием песни, может служить приведенный выше пример повторения концептуальной фразы *in your house* в песне IN YOUR HOUSE (альбом SEVENTEEN SECONDS).

Также ключевая фраза может нигде больше не встречаться, кроме конца (начала) и заголовка соответствующей песни:

Secrets / [текст] (SECRETS, SEVENTEEN SECONDS).

[текст] / *One hundred years* (ONE HUNDRED YEARS, PORNOGRAPHY).

Отдельного рассмотрения заслуживают случаи, когда фраза (слово), завершающая целый альбом, выносится как в название последней песни в альбоме, так и в название самого альбома. Такой прием используется в альбомах SEVENTEEN SECONDS и FAITH:

[текст] / *Seventeen seconds* / [текст] / *Seventeen seconds* (SEVENTEEN SECONDS, SEVENTEEN SECONDS).

[текст] / *But faith* (FAITH, FAITH).

Следует отметить, что слово *faith*, хотя употребляется всего единожды, но, тем не менее, является ядром соответствующего концепта, присутствующего в финальном тексте (*the idea of perfection holds me, hope, trust*) и частично захватывающего предшествующий (*hoping, breathing like the drowning man*) и первый (*the promise of salvation*) тексты. При этом весь альбом FAITH

пронизан концептуальным полем *death*, представленным концептами *death* (*the quiet and empty bodies; dead; death; die; cell; bed among the stones; funeral party; Memories of children's dream's / Lie lifeless / Fading / Lifeless; finish your life; murder; frozen body; drowning*); *loneliness* (*loneliness, empty room; no flags wave me home; alone*); *despair* ([текст] *all around the children play / the games they tired of yesterday; but it always feels the same; It's always the same / I'm running towards nothing / Again and again and again; A single note / Rings on and on and on; desperation; Everything at once / The same / But the mountain never moves*); *uncertainty* (*No shapes sail on the dark deep lakes / [текст] / All cats are grey / In the caves; unknown; doubt*); *danger* (*crush; fear; fall; loosing hold; draw your claws; rape*), *grief* (*scream; crying; sadness; pain*); *leave* (*slip away; leave; fade*). Таким образом, мортальные концепты¹ оказываются условно обрамленными в рамку², границы которой выражают концепт *faith*, причем мортальные концепты оказываются более частотными, но концепт *faith* — ключевым.

Эта специфика альбома FAITH была задана обстоятельствами, при которых он создавался. В связи с серьезным заболеванием матери барабанщика THE CURE Лоуренса (Лола) Толхерста, частыми стали разговоры участников группы о смерти. По признанию Р. Смита, в то время он сочинял песни в церкви, куда ходил поразмышлять о смерти и понаблюдать за прихожанами. Осознав, что сам он не имеет веры, вокалист THE CURE стал задаваться вопросами о ее сущности, происхождении и проявлениях. Альбом FAITH был попыткой осмыслить, как люди могут быть верующими и почему некоторые полностью посвящают свои жизни чему-то, что могут получить только после смерти [9, с. 44].

Использование мортальных концептов характерно и для текстов песен из альбома PORNOGRAPHY, однако их использование связано уже не с осмыслением смерти и веры в жизнь после смерти, а с двумя основными темами данного рок-альбома, рассматриваемыми нами ниже под пунктами (1) и (2).

The death of her father pushing her (ONE HUNDRED YEARS, PORNOGRAPHY). (2)

Cover me with earth (A SHORT TERM EFFECT, PORNOGRAPHY). (2)

The sound of slaughter (PORNOGRAPHY, PORNOGRAPHY). (1), (2).

One more day like today and I'll kill you / A desire for flesh / And real blood / I'll watch you drown in the shower (PORNOGRAPHY, PORNOGRAPHY). (1)

1. В текстах песен из альбома PORNOGRAPHY нашел отражение тот факт, что во время тура в поддержку предыдущего альбома (FAITH) Р. Смит

¹ Термин принадлежит Е.Р. Авиловой [2].

² Условно, поскольку перед рамкой также присутствует некоторое (сравнительно мизерное) количество фраз / слов, выражающих мортальные концепты: [текст] *slip away / The quiet and empty bodies / [текст] / And slip away*.

заинтересовался темой психических расстройств. Для указанных текстов характерно наличие неожиданных метафорических образов¹.

A life spills into the flowers (PORNOGRAPHY, PORNOGRAPHY).

Creatures kissing in the rain / Shapeless in the dark again (THE HANGING GARDEN, PORNOGRAPHY).

Catching haloes on the moon / Gives my hands the shapes of angels (THE HANGING GARDEN, PORNOGRAPHY).

A scream tears my clothes as the figurines tighten / With spiders inside them (THE FIGUREHEAD, PORNOGRAPHY).

Cherish the faces as they wait for the end (A STRANGE DAY, PORNOGRAPHY).

The old man cracks with age (PORNOGRAPHY, PORNOGRAPHY).

Sour yellow sounds inside my head (PORNOGRAPHY, PORNOGRAPHY).

2. Для альбома PORNOGRAPHY характерны политические аллюзии – а именно, отсылки к фактам, связанным с правлением Маргарет Тэтчер.

Fighting for freedom on the television (ONE HUNDRED YEARS, PORNOGRAPHY).

The soldiers close in under a yellow moon / All shadows and deliverance (ONE HUNDRED YEARS, PORNOGRAPHY).

A charcoal face (A SHORT TERM EFFECT, PORNOGRAPHY).

I can lose myself in Chinese art and American girls (THE FIGUREHEAD, PORNOGRAPHY).

Как отмечает Т.С. Абдуллина, ссылаясь на Д. Томпсона, в песнях Р. Смита, как и в ряде других песен готик-рока конца 70-х – начала 80-х гг., «недвусмысленно выражено глубокое отвращение, которое молодежь того времени испытывала к правительству М. Тэтчер» с его жесткой неолиберальной политикой [1, с. 80]. Однако Т.С. Абдуллина отмечает это в отношении альбома SEVENTEEN SECONDS, обходя стороной PORNOGRAPHY, в то время как именно для PORNOGRAPHY характерны явные политические намеки, а в рок-текстах из альбома SEVENTEEN SECONDS недовольство политическим курсом можно угадать разве что в настроении, создаваемым ключевым для данного альбома концептом *uncertainty* (*secrets; someone has to be there, At night / I hear the darkness breathe / I sense the quiet despair*), явственно же прослеживается в данном альбоме любовная тема.

Однако следует вернуться к анализу вербальной составляющей рок-альбома PORNOGRAPHY и отметить, что, хотя в нем сохранен принцип

---

¹ Мы склонны в большей степени приписывать сам факт наличия данных образов в текстах Р. Смита увлечению темой психического здоровья, чем влиянию наркотических веществ, поскольку с наркотиками Р. Смит экспериментировал на протяжении всего готического периода [9], однако подобные образы встречаются только в одном рок-альбоме из записанных в этот период. Хотя нельзя отрицать, что на конкретную специфику метафорических образов, содержащихся в песнях из данного альбома, повлияло именно употребление наркотических веществ [19].

наименования альбома по названию финальной песни, однако слово *pornography* не встречается нигде, кроме самого этого названия.

Для рок-поэзии Р. Смита в готический период характерно использование эмоционально (негативно) окрашенной лексики:

Tell me I'm wrong (PLAY FOR TODAY, SEVENTEEN SECONDS).

You say it's not fair (PLAY FOR TODAY, SEVENTEEN SECONDS).

I sense the quiet despair (AT NIGHT, SEVENTEEN SECONDS).

I cannot hold what you devour (THE HOLY HOUR, FAITH).

Another perfect lie is choked (PRIMARY, FAITH).

Hand in hand with fear and shadows (THE FUNERAL PARTY, FAITH).

Scream! (A SHORT TERM EFFECT, PORNOGRAPHY).

A monument to the ruined age (COLD, PORNOGRAPHY).

Также нельзя обойти стороной и тот факт, что для песенных текстов Р. Смита характерно обращение к мировому литературному наследию¹. Так, в песне М из альбома SEVENTEEN SECONDS Р. Смит цитирует Альбера Камю (роман «Счастливая смерть»).

Hello image (M, SEVENTEEN SECONDS). (Сохранена пунктуация публикации текста данной песни на официальном сайте The Cure [18]).

Песни AL CATS ARE GREY и THE DROWNING MAN из альбома FAITH созданы под влиянием трилогии Мервина Пика GORMENGHAST («Горменгаст») и содержат аллюзии² на нее [12; 17, с. 182; 21].

No shapes sail on the dark deep lakes (ALL CATS ARE GREY, FAITH).

[текст] / *In the caves* (ALL CATS ARE GREY, FAITH).

Oh Fucshia! (THE DROWNING MAN, FAITH). (Сохранены орфография и пунктуация оригинала [18]).

В текстах указанных песен присутствуют и дословные цитаты из трилогии GORMENGHAST [12; 21; см. тж.: 15].

A single note / Rings on and on and on (ALL CATS ARE GREY, FAITH).

She stands twelve feet above the flood (THE DROWNING MAN, FAITH).

Присутствует в рок-поэзии Р. Смита и обращение к фразеологическому фонду английского языка.

All cats are grey (ALL CATS ARE GREY, FAITH).

На основании вышеизложенного мы можем заключить, что для поэтического языка Р. Смита в готический период его творчества характерно употребление негативно окрашенной лексики. В языковой картине мира Р. Смита отражено наследие как английской (литературное, идиоматическое), так и французской (философско-литературное) культуры. Что касается когнитивного уровня языковой личности Р. Смита в рассматриваемый период, то существенное место на этом уровне занимает концептное поле *death*, включающее в себя концепты *death, despair, uncertainty, danger, grief, loneli-*

¹ Подробнее см. [17, с. 179-187; 21].

² Подробнее об аллюзиях на трилогию GORMENGHAST и цитатах из нее, содержащихся в песне THE DROWNING MAN [см. 21].

ness, leave. Свойственным рок-поэзии Р. Смита 1980-1981 гг. является и наличие концепта *dark*. Характерны для песенных текстов Р. Смита и повтор концептуальных слов и фраз, а также их размещение в конечной позиции. Следует отметить, что в характерных для рок-поэзии готического периода творчества Р. Смита концептах отражается и его мотивация (недовольство политическим режимом, размышления о смерти и вере, любовные переживания, интерес к теме психического здоровья).

Список литературы

1. Абдуллина Т.С. Молодежная субкультура «готов»: Философско-культурологический анализ: дисс. ... канд. филос. наук. Казань: Казанский национальный исследовательский технологический университет, 2015. 187 с.
2. Авилова Е.Р. Мортальные концепты в творчестве Е. Летова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2012. № 3. С. 83-85.
3. Бурмакина Н.А. Лингвокогнитивный и прагматический уровни языковой личности А.П. Степанова: дисс. ... канд. филол. наук. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2007. 237 с.
4. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность М.: 1989. С. 3-8.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность: Изд. 7-е. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.
6. Караулов Ю.Н. Языковая личность // Русский язык: Энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1997. С. 671.
7. Маслова В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: учеб. пособие. М.: Флинта : Наука, 2004. 255 с.
8. Эррера Л.М. Психологические аспекты изучения особенностей молодежных субкультур / Среднерусский вестник общественных наук. Сер.: Социология и жизнь. 2011. № 3. с. 64-67.
9. Barbarian Steve Sutherland, Smith Robert The Cure: Ten Imaginary Years London: Omnibus Press. 128 pp.
10. Camus Albert A Happy Death / transl. by Richard Howard. NY: Vintage Books., 1973.
11. Heller Jason URL: A beginners guide to the music of The Cure April 18, 2013. URL: <http://www.avclub.com/article/a-beginners-guide-to-the-music-of-the-cure-96648> [дата обращения: 08.03.2016]
12. Gormenghast In Pop Culture: The Cure // Eve Sherr... Essays: All the sort of stuff to expect from an English teacher June 2, 2013. URL: <http://essays-eve.blogspot.ru/2013/06/gormenghast-in-pop-culture-cure.html> [дата обращения: 01.10.2016]
13. Gunn Joshua Dark Admissions: Gothic Subculture and the Ambivalence of Misogyny and Resistance // Goth: Undead Subculture / ed. Lauren M.E. Goodland, Michael Bibby. Durham, London: Duke University Press – 2007. P. 41-64.
14. Miernik M.A. Od Gotiku do Dark Independent. O rozwoju subkultury gotickiej w Polsce po roku 1999 // Kultura rocka: Twórcy – tematy – motywy. (1) // ed. J. Osiński, M. Pranke, A Szwagrzyk, P. Tański Torun, 2015. P. 200-211.
15. Peake Mervyn The Illustrated Gormenghast Trilogy London: Vintage. 2011.
16. The Cure // ЛЮДИ: PEOPLES.RU URL: <http://www.peoples.ru/art/music/rock/cure/index2.html> [дата обращения: 23.12.2016]
17. The Cure // The 100 Greatest Bands of All Time: A Guide to the Legends Who Rocked the world: Vol. 1. / ed. David V. Moskowitz. Santa Barbara: ABC-CLIO, LLC. P. 179-187.

18. The Cure Official Site URL: www.thecure.com [дата обращения: 25.12.2016].
19. The Cure's Robert Smith interview – Part Two / Female First. 28 October, 2008. URL: <http://www.femalefirst.co.uk/music/interviews/Robert+Smith-59117.html> [дата обращения: 15.11.2016].
20. The Cure: The Dark Ages: Rene Interviews Robert Smith / Propaganda 1992. Iss. 19. P. 4-7.
21. The Cure, “The Drowning Man” and Gormenghast / hurdy gurdy: a blog about pop music. 18.01.2011. URL: <http://hurdgurd.blogspot.ru/2011/01/cure-drowning-man-and-gormenghast.html> [дата обращения: 06.03.2016].

МЕТАПОЭТИКА ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ЗАМЫСЛА АВТОРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕС Т. УИЛЬЯМСА)

Московская Н.Л.

заведующая кафедрой лингвистики и лингводидактики, д-р пед. наук,
профессор, Северо-Кавказский федеральный университет,
Россия, г. Ставрополь

Багдасарян А.Г.

преподаватель английского языка, соискатель ученой степени кандидата филологических наук, Северо-Кавказский федеральный университет,
Россия, г. Ставрополь

В данной статье метапоэтика драматургического текста рассматривается в качестве средства постижения мыслей, идей и интенций автора художественного произведения, а также как способ верного истолкования символов в тексте и восприятия данного текста в соответствии с замыслом автора.

Ключевые слова: метапоэтика, метапоэтическое пространство, метаязык, драматургический текст, реплики, ремарки, автор произведения.

Создание художественного произведения сопровождается непрерывной рефлексией автора над своими произведениями, языком, стилем, искусством в целом, что подводит нас к понятию «метапоэтика». Метапоэтика – это код автора, имплицитно или эксплицитно представленный в текстах о художественных текстах. По утверждению К.Э. Штайн, это исторически развивающаяся гиперсистема, включающая в себя частные метапоэтики и характеризующаяся открытостью, нелинейностью, динамичностью, постоянным взаимодействием с различными областями знания. Средой метапоэтики выступает метапоэтическое пространство, объектом исследования является словесное творчество писателя, а ее цель – раскрыть тайны мастерства писателя, его интенций и художественных посылок через переработку его метапоэтических текстов (художественных и нехудожественных). При этом в процессе исследования художественного творчества автор выступает в качестве деятельностного субъекта. Следует отметить, что хотя метапоэтические данные заключают в себе субъективное мнение автора, они являются объективным

материалом для исследования. В этом, по утверждению К.Э. Штайн, заключается парадоксальность метапоэтики [6, с. 9, 11, 23].

Особую роль в метапоэтике и метапоэтическом пространстве играет язык: в поэтической или драматургической системе является собственно материалом поэзии, выступая «*первичным метаязыком*»; однако в контексте метапоэтики, которую создают художники слова, при анализе произведения, возникает «*вторичный метаязык*»; далее в процессе описания самой метапоэтики исследователи пользуются *метаязыком третьего уровня описания* [7, с. 16]. Предметом нашего интереса являются первичный и вторичный метаязыки. Лексические компоненты метаязыка описания художественного текста зависят от рода художественного текста. Так, метаязык метапоэтического пространства драматургических текстов основывается на лексемах-терминах семантических полей «драма», «драматургия», «драматическое искусство», «которые являются определяющими (сигнальными) элементами в процессе выявления метапоэтических данных». Однако данные метапоэтические лексемы-термины (металексемы) могут обнаруживаться в эпистолярных текстах, в текстах художественных произведений, как драматургических, так и прозаических, их заглавиях, в автобиографических трудах и высказываниях автора, в текстах современников и т.д. [5, с. 12-13].

Метапоэтическое пространство драматургического текста американского писателя Теннесси Уильямса включает в себя не только драматургические произведения, но и прозаические, эпистолярные, публицистические, мемуарные, метаметапоэтические и поэтические тексты. Тем не менее, ядром метапоэтики Т. Уильямса без сомнения являются драматургические произведения автора.

Основываясь на вышесказанном, можно схематически изобразить метапоэтику драматургического текста Т. Уильямса, где:

- ДТ – драматургические тексты,
- ПрТ – прозаические тексты,
- ПубТ – публицистические тексты,
- ЭТ – эпистолярные тексты,
- МемТ – мемуарные тексты,
- ММТ – метаметапоэтические тексты,
- ПТ – поэтические тексты.

В центре этой схемы располагаются драматургические произведения, включающие в себя пьесы, предисловия и послесловия к ним, из которых мы черпаем информацию о том, что думал и говорил сам драматург о писательском творчестве, о побудивших его писать причинах, о драме, слове и его действии в художественном произведении. Рассмотрим подробнее данные тексты метапоэтики Уильямса.

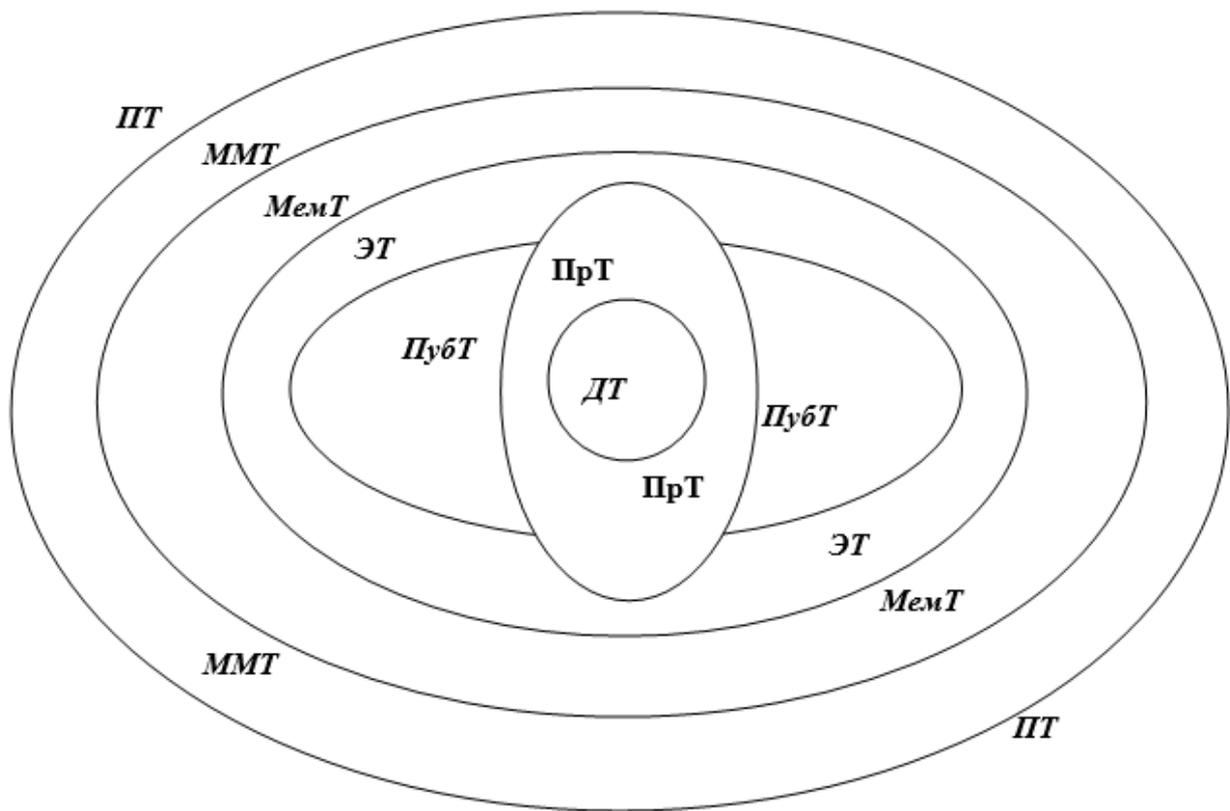

Рис. Метапоэтика драматургического текста Т. Уильямса

Так, в предисловии к пьесе «Татуированная роза» (Foreword to The Rose Tattoo (1951)) Т. Уильямс обращается к прародительнице современной драмы – древнегреческой трагедии. По утверждению драматурга, в сценической речи присутствовал эпический элемент, и она отличалась от живой разговорной речи современников. Однако драматургическая речь не казалась странной зрителям, поскольку, по Уильямсу, греческий зритель осознавал, что из вымышленного мира драмы исключен элемент времени. Как отмечает драматург, если бы мир драмы не позволял нам рассматривать ее героев через особую призму «мира без времени» (a world without time), тогда персонажи и события драмы стали бы бессмысленными, одинаково незначительными, как и соответствующие им люди и происшествия в реальной жизни. Таким образом, по мнению Т. Уильямса, драма является отражением окружающей действительности вне контекста времени [15, с. 259-260]. При этом в драме время как будто остановилось. Уильямс пишет: «*A play may be violent, full of motion: yet it has that special kind of repose which allows contemplation and produces the climate in which tragic importance is a possible thing, provided that certain modern conditions are met* (Пьеса может быть неистовой, страстной, полной движения, и все же она имеет тот особый вид покоя, который позволяет созерцать и создает атмосферу, в котором возможен трагизм при соблюдении некоторых современных условий.)» [15, с. 260-261]. Благодаря «магическому фокусу» события остаются событиями, не теряя со временем своей важности. Драма на сцене – это залитый светом мир, в котором эмоции и действия имеют особое измерение и особую важность, которые они также

имели бы в реальном мире, если только удалось бы избежать «сокрушительного вторжения времени» [15, с. 261-262]. Таким образом, целью Т. Уильямса в драматургическом произведении является выход за рамки определенного времени и создание особого, вневременного мира драмы, поскольку только в этом случае все происходящее приобретает особый смысл.

В «Послесловии к Камино Реал» (Afterword to Camino Real (1953)), Уильямс обращается к понятию «драма» и отмечает, что, хотя существуют пьесы для чтения, «неудержимое пламя» живого, действующего театра, предназначенного для созерцания и чувствования, никогда не будет уничтожено критиками. По мнению драматурга, пьеса в книге – это всего лишь «неясная тень» пьесы, сыгранной на сцене: «...*a play in a book is only the shadow of a play and not even a clear shadow of it*» [16, с. xxxiv]. Напечатанную пьесу Уильямс сравнивает с архитекторским планом дома, который еще не построен либо построен и разрушен. Следовательно, по мнению драматурга, сила слова на бумаге проявляется не в полной мере, и пьеса считается полноценной, лишь в том случае, если она поставлена на сцене для созерцания.

Как отмечает автор, пьесу составляют не слова на бумаге и даже не мысли и идеи автора, пьеса – это цвет, изящество, полет, структурный рисунок в движении, быстрое взаимодействие живых людей [16, с. xxxiv]. Искусство несет в себе сообщение, которое заключено в абстрактной красоте формы, цвета, линии; конкретно к драматическому искусству Уильямс добавляет еще свет и действие/движение (*motion*). Таким образом, пьеса для драматурга представляет собой синкретизм формы, содержания, цвета, линий, изящества, света и движения. Подтверждение особой роли цвета в создании целостной картины драматургического произведения мы находим в замечаниях к постановке пьесы «Лето и дым» (Production Notes for Summer and Smoke (1948)): «*During the day scenes the sky should be a pure and intense blue (like the sky of Italy as it is so faithfully represented in the religious paintings of the Renaissance) and costumes should be selected to form dramatic color contrasts to this intense blue which the figures stand against. (Color harmonies and other visual effects are tremendously important.)*» (Во время дневных сцен небо должно быть чистым насыщенно-голубым (как небо в Италии, как оно точно представлено на религиозных полотнах эпохи Ренессанса), и костюмы должны быть выбраны таким образом, чтобы создать драматический контраст этому насыщенно-голубому, на фоне которого стоят фигуры. (Гармония цвета и другие визуальные эффекты крайне важны.)) [14, с. 119]. Следовательно, по Уильямсу, цвет наряду со словом играет немаловажную роль в создании определенной атмосферы и особого драматизма в пьесе.

В драматургическом искусстве Уильямс также выделяет понятия «*dynamic*» (динамичный, действующий, живой) и «*organic*» (гармоничный, естественный), которые, по его мнению, определяют наиболее важные драматические ценности: «*Dynamic is a word in disrepute at the moment, and so, I suppose, is the word organic, but those terms still define the dramatic values...*» («Динамичный» – это слово, которое в настоящее время имеет плохую репутацию, также как и слово «гармоничный», но эти термины все еще определяют драматические ценности.) [16, с. xxxv]. То есть для Уильямса важно,

чтобы в драме все элементы гармонично взаимодействовали, кроме того, в пьесе необходима динамика, движущая действие вперед.

Все эти идеи драматург-новатор воплотил в своем Пластическом театре, в котором также активно использовал так называемый «экран» (screen). На нем время от времени появлялись определенные образы или надписи, сопровождающие, комментирующие и поясняющие действие на сцене, либо усиливающие воздействие на зрителя или читателя. В замечаниях к постановке «Стеклянного зверинца» (Production Notes for The Glass Menagerie (1944)) мы находим ключ к пониманию замысла автора, а именно цель использования данного устройства: *«The purpose of this <...> is to give accent to certain values in each scene. Each scene contains a particular point (or several) which is structurally the most important. In an episodic play, such as this, the basic structure or narrative line may be obscured from the audience; the effect may seem fragmentary rather than architectural. The legend or image upon the screen will strengthen the effect of what is merely allusion in the writing and **allow the primary point to be made more simply and lightly than if the entire responsibility were on the spoken lines.** Aside from this structural value, I think the screen will have a definite emotional appeal, less definable but just as important.»* (Его цель – сделать акцент на определенных ценностях в каждом эпизоде, содержащем детали, которые структурно наиболее важны в данном контексте. В таких пьесах, как эта, включающих в себя большое количество эпизодов и отступлений, основная структура или повествовательная линия могут быть непонятны зрителю; как следствие восприятие может оказаться фрагментарным. Надпись или образ на экране усилят действие того, что является всего лишь аллюзией в произведении и позволит сделать основную мысль более простой и ясной, чем если бы вся ответственность возлагалась на слово. Помимо этой структурной важности, по-моему, экран будет нести собой эмоциональный призыв, менее поддающийся определению, но такой же важный.) [10, с. 132]. Таким образом, экран для Т. Уильямса выступает не только в качестве средства создания целостности пьесы, состоящей из нескольких действий, но и средства отражения символа, который упрощает и выражает в более красивой форме главную идею отдельного эпизода или пьесы в целом. Экран отражает и символы-образы (изображение синих роз в «Стеклянном зверинце», являющихся образом Лауры), и слова, выражающие эти символы (надпись «Стеклянный зверинец», сопровождающая основную музыкальную тему под тем же названием, которая является музыкальным образом Лауры).

При этом Т. Уильямс отмечает, что экспрессионизм и все другие нетрадиционные приемы в драме имеют лишь одну цель – приближение вплотную к истине. Драма пользуется нетрадиционными приемами не с целью избежать «взаимодействия с реальностью», напротив, это попытка найти более проникающее и живое выражение предметов, тем самым, это способ приблизиться к реальности. По утверждению драматурга, в современном искусстве точное реалистичное воспроизведение окружающей действительности непринципиально: истина, жизнь или реальность – живые гармоничные явления, которые поэтическое воображение способно представить лишь с помощью трансформации и превращения в другие формы, отличные от тех, что

обнаруживаются внешне в явлении [10, с. 132]. Таким образом, по Т. Уильямсу, современная драма должна отражать действительность, однако не через точное ее воспроизведение, а с помощью поэтического изображения, с помощью магии, что возможно благодаря слову, слову-символу, произнесенному персонажем или написанному на экране.

В предисловии к «Сладкоголосой птице юности» (Foreword to Sweet Bird of Youth (1959)), анализируя слово как элемент драмы, Т. Уильямс отмечает, что «слова, которые сами срываются с языка», то есть проговариваются или пишутся спонтанно, всегда правдивы. Если же речь заранее готовится, тогда в ней обязательно присутствует ложь и лицемерие [17, с. 1]. Как отмечает сам драматург, его пьесы наиболее верно характеризуются словами «злость» (anger) и «зависть» (envy), однако он отрицает слово «ненависть» (hate), которое, по его мнению, может присутствовать лишь тогда, когда отсутствует понимание [17, с. 2-3]. По утверждению Уильямса, его письмо, его слово всегда тяготеет к истерии и жестокости, что отчетливо отражается на сцене, а в своих пьесах он изображает человеческие слабости, присущие ему самому: «...*I can't expose a human weakness on the stage unless I know it through having it myself. I have exposed a good many human weaknesses and brutalities and consequently I have them*» (Я не могу изображать человеческие слабости, пока сам их не испытаю. А так как я показал много слабостей и жестокостей, следовательно, я сам их испытал.) [11, с. 109]. При этом он обращается к аристотелевской идее об «очищении и искуплении» жестокости через ее поэтическое изображение на сцене, тем самым, оправдывая свое частое обращение к ней в своих пьесах.

В «Послесловии к Камино Реал» (Afterword to Camino Real (1953)), Т. Уильямс также утверждает, что он нередко обращается к символам – «естественной речи драмы». По мнению драматурга, как в сознании, так и в подсознании у человека находится большой словарь образов, на которых и основано человеческое общение. Как отмечает Уильямс, символ в пьесе имеет лишь одну цель – выразить что-то проще, откровеннее и красивее, чем это может быть отражено обычными словами:

«... *symbols are nothing but the natural speech of drama*» (... символы – это не что иное, как естественная речь драмы) [16, с. xxxiii];

«... *a symbol in play has only one legitimate purpose, which is to say a thing more directly and simply and beautifully than it could be said in words*» (... символ в пьесе имеет лишь одну законную цель, которая заключается в том, чтобы сказать что-то откровенней, проще и красивее, чем это могло бы быть сказано словами) [16, с. xxxiii].

Здесь Уильямс противопоставляет понятия «символ» (symbol) и «слово» (word). Как пишет С. Аверинцев, «Символ есть образ, взятый в аспекте своей знаковости ... он есть знак, наделенный всей органичностью и неисчерпаемой многозначностью образа. Всякий Символ есть образ ... но категория Символа указывает на выход образа за собственные пределы, на присутствие некоего смысла, нераздельно слитого с образом, но ему не тождественного» [1, с. 378-379]. Таким образом, символ, будучи образом, является идеализированным отражением окружающего мира, в то время как слово более реали-

стично изображает действительность. При этом Уильямс отмечает, что он отвергает использование символов ради самих символов; когда они употребляются по назначению, то являются «чистейшим языком драмы» (the purest language of plays). По мнению драматурга, благодаря символам с помощью предмета или жеста можно показать на сцене то, что пришлось бы описывать на нескольких страницах, чтобы донести идею до читателя или зрителя [16, с. xxxiii]. При этом символы у Т. Уильямса отражены не только в предметах или в движениях, но и в словах, отражающих названия мест, абстрактные явления, имена. Так, проанализировав ремарочный пласт в пьесе «Внезапно прошлым летом», мы пришли к выводу, что сад Себастьяна, одного из главных героев, является символом скрытой необузданности, дикости и непокорности его сущности. В предваряющей действие ремарке Уильямс описывает сад следующим образом: «*a fantastic garden which is more like a tropical jungle, or forest, in the prehistoric age of giant fern-forests... The colors of this jungle-garden are violent... There are massive tree-flowers that suggest organs of a body, torn out, still glistening with undried blood, there harsh cries and sibilant hissings and thrashing sounds in the garden as if it were inhabited by beasts, serpents and birds, all of savage nature...*» (фантастический сад, который скорее похож на тропические джунгли или лес доисторической эпохи огромных папоротников... У этого джунгли-сада яркие цвета... Там массивные цветы размером с деревья, которые напоминают органы тела, разорванные, все еще блестящие от незасохшей крови. Там резкие крики, свистящие шипения, и звуки ударов, как будто сад был заселен животными, змеями и птицами дикой природы...) [13, с. 5]. Еще основоположник психоанализа Зигмунд Фрейд рассматривал сад в качестве символа женского начала, а диких животных как символ «чувственно возбужденных людей», а также «грубых желаний и страсти» [4, с. 84]. То есть сад отражает, с одной стороны, феминную натуру Себастьяна, а с другой – его тайные страстные желания. Как отмечает Джоу Фалокко, исследователь творчества Т. Уильямса, дикий и буйный сад Себастьяна изображает «вид гомосексуального желания, которое отказывается быть заключенным в рамки» и рвется наружу [9]. С другой стороны, в конце пьесы сад выступает как метафорическое место для дионисийских обрядов – расчленения и каннибализма, тем самым, являясь, по мнению Дж. Клама, «выражением уильямсовского язычества»: сад Себастьяна с его плотоядными (carnivorous) растениями – истинное выражение уильямсовского видения падшего общества, в котором действующим законом остается голод и желание [8, с. 133]. К тому же в этом саду растет цветок «Venus flytrap» (Венерина мухоловка) – питающийся насекомыми хищник, являющийся символом каннибализма, жертвой которого стал Себастьян. Плотоядными являются и хищные птицы, поедающие черепах в месте с говорящим названием Энкантадас (Encantadas) от слова «encantado», что в переводе с испанского означает «зачарованный, заколдованный» [3]. Таким образом, и здесь насилие, точнее, эволюционный закон выживания в животном мире является образом насилия/выживания в мире человеческом. То есть с помощью данных символов драматург предрекает скорую жестокую смерть героя: он – муха, проглатываемая мухоловкой; черепаха, поедаемая голодными хищными пти-

цами. Кроме того само имя героя «Себастьян» символично и выражает аллюзию на Библию. Из драматургических реплик данной пьесы, мы узнаем, что Себастьян в пьесе Т. Уильямса искал Бога – «*a clear image of him*» (его светлый образ), – даже некоторое время жил в буддистском монастыре в Гималаях и хотел постричься в монахи. По его утверждению, наблюдая за сценой в Энкантадас (в заколдованном месте), он видел Бога. Его стремление к Всевышнему подтверждает и кузина Себастьяна Кэтрин – свидетельница его смерти, – которая пыталась спасти его от принесения себя в жертву Богу [13, с. 30]. Следовательно, как и христианский Святой Себастьян мученик, Себастьян Винэбл практически не сопротивлялся своей смерти, будучи убежденным, что искупление через страдания и смерть приведет его к Богу. Следует также отметить, что Святой Себастьян признан покровителем представителей нетрадиционной сексуальной ориентации, то есть Т. Уильямс не случайно назвал своего героя этим именем, посчитав его еще одним символом для более простой передачи авторского посыла.

Еще одним символом, указывающим на Бога в пьесе «Внезапно прошлым летом», является белый цвет. Анализ драматургических реплик Кэтрин выявил 9 лексем «white» (белый) в отрывке, описывающем день смерти Себастьяна: *CATHARINE. ... Sebastian was white as the weather. He had on a spotless white silk Shantung suit and a white silk tie and a white panama and white shoes, white – white lizard skin – pumps! He – (She throws back her head in a startled laugh at the recollection.) – kept touching his face and his throat here and there with a white silk handkerchief and popping little white pills in his mouth...* (КЭТРИН: Себастьян был белым как и сама погода. На нем был белоснежный чесучовый костюм, и белый шелковый галстук, и белая панама, и белая обувь – белые лакированные туфли из кожи ящерицы! Он – (Она откидывает голову назад, испуганно смеясь при этом воспоминании.) – не переставал глотать белые таблетки и касаться лица и горла своим белым платком.) [13, с. 39] Известно, что белый цвет в религии выражает святость, чистоту, духовность, поэтому, готовясь к смерти, люди облачались в белую одежду, стремясь предстать в непорочном образе перед Богом [2, с. 23]. Таким образом, Себастьян как бы предчувствовал свою смерть, ждал встречи с Богом, заранее подготовившись к этому. Подтверждение тому, что Уильямс обращался к религиозной символике, мы находим и в интервью журналу «The Paris Review», в котором драматург отмечает, что его работы полны глубоко христианских символов: образ Христа, его красота, чистота и его учение [12].

Итак, метапоэтика – это отражение замысла, мыслей и интенций автора в художественных и нехудожественных текстах. В метапоэтику драматургического текста Т. Уильямса входят драматургические, прозаические, публицистические, эпистолярные, мемуарные, поэтические и метаметапоэтические тексты. Ядром данного метапоэтического пространства являются драматургические тексты, включающие в себя пьесы, предисловия и послесловия к ним. В этих текстах мы находим ключ к пониманию замысла автора для более точной интерпретации произведений и верного понимания глубинного смысла, заложенного драматургом в том или ином тексте.

Список литературы

1. Аверинцев С. Символ // Литературный энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 378-379.
2. Багдасарян В.Э., Орлов И.Б., Телицын В.Л. Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия. – М.: Локид-Пресс, 2003. – 495 с.
3. Большой испанско-русский словарь / Н.В. Загорская, Н.Н. Курчаткина, Б.П. Нарумов. – М.: Дрофа, 2010.
4. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. – М.: Наука, 1989. – 456 с.
5. Ходус В.П. Метапоэтика драматического текста А.П. Чехова: Монография / Под ред. К.Э. Штайн. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. – 416 с.
6. Штайн К.Э., Петренко Д.И. Русская метапоэтика: Учебный словарь / Под ред. В.А. Шаповалова. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. – Ч. 1. – 363 с.
7. Штайн К.Э., Петренко Д.И. Метапоэтика: Сборник статей научно-методического семинара «Textus» / Под ред. В.П. Ходуса. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. – Вып. 1. – 736 с.
8. Clum J.M. The sacrificial stud and the fugitive female in *Suddenly Last Summer*, *Orpheus Descending*, and *Sweet Bird of Youth* // *The Cambridge Companion to Tennessee Williams* / Matthew C. Roudané. Cambridge, 1997.
9. Falocco J. Gardens of Desire: Toward a Unified Vision of Garden District. 2005. URL: <http://www.tennesseewilliamsstudies.org/journal/work.php?ID=60> (accessed November 15, 2016).
10. Williams T. The Glass Menagerie // *The Theatre of Tennessee Williams*. – New York: New Directions Publishing, 1971. Vol. 1. – 419 pp.
11. Williams T. Where I live: selected essays. – New York: New Directions Publishing, 1978. – 171 pp.
12. Williams T. The Art of Theater № 5 // *The Paris Review* № 81. Fall 1981. URL: <http://www.theparisreview.org> (accessed October 13, 2016).
13. Williams T. *Suddenly last summer*. – New York: Dramatists Play Service Incorporated, 1986. – 45 pp.
14. Williams T. *Summer and Smoke* // *The Theatre of Tennessee Williams*. – New York: New Directions Publishing, 1990. Vol. 2. – 604 pp.
15. Williams T. *The Rose Tattoo*. // *The Theatre of Tennessee Williams*. – New York: New Directions Publishing, 1990. Vol. 2. – 604 pp.
16. Williams T. *Camino Real*. – New York: New Directions Publishing, 2008. – 170 pp.
17. Williams T. *Sweet Bird of Youth*. – London: A&C Black, 2010. – 176 pp.

МИР «ПОДПОЛЬНОГО» ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ВЫРАЖЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И ДЖ. ФАУЛЗА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ «ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЬЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И «КОЛЛЕКЦИОНЕР» ДЖ. ФАУЛЗА)

Насибова С.Х.

научный сотрудник, доктор философии по филологии,
Бакинский славянский университет, Азербайджан, г. Баку

В статье анализируются произведения Ф.М. Достоевского и Дж. Фаулза. Литература XX века оказалась под глубоким воздействием Достоевского. Для новой эры русский писатель стал не только творцом художественных образов, но созданным воображением мыслителей образом, которые пытались разгадать тайну «феномена» Достоевского. Он

повернул зрение эпохи и щипнул струну внутреннего мира английского писателя Джона Фаулза. Последний почувствовал «подсказки», идущие от Достоевского.

Ключевые слова: Достоевский, Фаулз, литература, влияние, творчество, герой.

В XX столетии Достоевский осознается не только как писатель-мыслитель классической литературы, но и как феномен современной мировой культуры. Достоевский стоял у истоков философско-религиозных и художественных исканий не только русского, но и всего мирового литературного процесса. Он «открыл» новые темы для человечества, тем самым предвидел и изобразил все возможные философские отклонения от путей истины, вызвал потрясение в умственном строе человечества.

Достоевский – создатель «подпольного» мира, где на передний план ставятся взаимоотношения отдельной личности и окружающего мира. В повести «Записки из подполья» это хорошо выражено. Автор показывает собирательный образ в лице парадоксалиста, который выражает свои чувства и мысли, бунтует против математически однозначных законов природы. Он не хочет смириться с общепризнанными правилами и считает, что человек должен свободно отдавать себя своим желаниям и капризам.

«Подполье» парадоксалиста у Достоевского ярко выражено в «Коллекционере» Фаулза в лице Клегга. Так, русский писатель в своем произведении утверждает оторванность человека-индивидуалиста от «живой жизни», который замкнулся в своем узком мирке и стоит за «осуществление» своих «капризов». Герой «подполья» выступает с утверждением личности от общества. Он перестает покидать свою квартиру, уходит в «подполье».

В романе Фаулза эту функцию выполняют дом и положение Клегга в обществе. На первый взгляд Клегг создает вид «рая», изображенный в этом отдаленном доме. Дом далек от города и окружен лесом. В доме безвкусные, выпускаемые серийно пункты, обеспеченные декораторами, походят на обычные моральные и социальные идеи, которые «снабжают» рассудок Клегга. Из-за подвала он покупает дом. Думая, что он всегда хотел иметь кое-что «современное» и собирается сказать продавцу недвижимого имущества, что он не хочет дом, когда агент упоминает подвал. Интерес Клегга является немедленным, и он даже возвращается в дом, когда продавец уезжает. Хотя Клегг испытывает недостаток в любом реальном понимании, непосредственно в своих побуждениях, он чувствует себя интуитивно привлеченным в сказочную атмосферу. Подвал – это место, где Клегг может понять свои «фантазии» и создать свой собственный «рай». Но его ум способен оборудовать этот «рай» только инфантильными, клаустрофобными «оборудованиями», что создает демоническую пародию на «рай». Все же, этот «рай» – проектирование подсознательного «подполья». В некоторых исследованиях подвал в романе «Коллекционер» понимается как «ирреальное пространство, воспринимаемое через призму восприятия героев». Интересна в этом отношении соавторская работа О.Лапаньковой и М.Лобан «Концепты «пространство» и «время» в романе Дж.Фаулза «Коллекционер». Исследуя данную

концепцию в романе, авторы передают «информацию об авторском замысле», которая связана с освоением им действительности. Индивидуально-авторская концептосфера реализуется на базовых слоях «Художественным воплощением пространства этого типа становится образ подвала. Вначале он возникает в сознании Клегга как место заточения героини, а затем как место встреч с любимой девушкой, где можно ежечасно ее видеть и даже, по замыслам героя, добиться ответного чувства. Искусственность и неестественность подобного рода отношений, способы их осуществления, навязанные Клеггом, внутренне осознает Миранда» [2, с. 61]. Для Миранды подвал действительно становится «специальным местом», где творческий потенциал и возрождение, связанное с образцом, свидетельствуются в ее реакции на заключение. Она понимает, что это Клегг сам заперт в подвале, у которого нет внутреннего мира. В своем дневнике пишет: «Он не верит, что может существовать иной мир, помимо того, в котором он существует, который видит воочию. По-настоящему это он – заключенный. Заключенный в своем собственном отвратительно узеньком сегодняшнем мирке» [3, с. 225].

Специфическое качество подсознательного «рая» Клегга более точно определено в психологическом отношении. Клегг, как герой-парадоксалист, перестает верить в справедливость миропорядка. Подобно «подпольному» человеку он хочет осуществить свой каприз и полностью отдаться своему «хотению». Но Клегг уже герой XX века, где материальный мир, капиталовложение, власть денег решают все. Он за деньги получает свое «хотение».

В «Записках» Лиза олицетворяет «живую жизнь», а в романе Фаулза – Миранда. В «Коллекционере» как бы борются невежество и образованность, тьма и свет. Для Миранды Клегг представляет темную сторону мужского пола со своей индивидуальностью, которой она должна учиться управлять и творчески использовать. Если она не направит более темные, отрицательные аспекты своей враждебности к положительному использованию, то они разрушат ее. Чтобы управлять темными, иррациональными силами представленной индивидуальностью Клегга, Миранда должна достигнуть его индивидуализации. Фаулзовская героиня хотела выставить на свет духовную и психологическую темноту Клегга, но не смогла.

Достоевский в своем произведении естественность героини противопоставил «логистике» парадоксалиста. В «Записках» тоже борются доброта Лизы и индивидуализм «подпольного» человека, имя которого неизвестно. Ее чувство сострадания побеждает его эгоизм.

Достоевский считал, что оторванность человека от «живой жизни» делает его односторонним. Герой «подполья» говорит: «Мы даже и человеками-то быть тяготимся, – человеками с настоящим, *собственным* телом и кровью; стыдимся этого, за позор считаем и норовим быть какими-то небывалыми общечеловеками. Мы мертворожденные, да и рождаемся-то давно уж не от живых отцов, и это нам все более и более нравится. Во вкус входим. Скоро выдумаем родиться как-нибудь от идеи» [1, с. 550].

Достоевский показывает двойственность человеческой натуры, «подпольное» сознание индивида. Фаулз использует этот прием в изображении

своих героев. Фаулзовские герои как бы продолжают пути героев Достоевского.

Список литературы

1. Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Полное собрание сочинений в 15 томах. Т.4. 1989. – Л.: Наука, 725 с.
2. Лапанькова О.Н., Лобан М.Г. «Концепты «пространство» и «время» в романе Дж.Фаулза «Коллекционер». Материалы III Международной научной конференции «Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин». В 2-х частях. Часть 1. – Мозырь, 2005. С. 61-62.
3. Фаулз Джон. Коллекционер: Роман / Пер. с англ. И.Бессмертной. Предисл. Т.Красавченко. – М.: Известия, 1990. – 288 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ КАК ФОРМЫ ВНЕКЛАССНОЙ И ВНЕШКОЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

Науменко Н.А.

студент факультета романно-германской филологии,
Воронежский государственный университет, Россия, г. Воронеж

Богомолова Н.И.

учитель русского языка и литературы, первая квалификационная категория,
МКОУ «Каширская СОШ», Россия, Воронежская обл., с. Каширское

Наши дети являются наследники богатейшей культуры, изучение традиций в условиях современного образования позволяет школьнику увидеть красоту и неповторимость отечественной культуры, понять, в чем ее уникальность, что помогло выстоять, выжить в самых сложных исторических моментах русскому человеку. В данной статье раскрываются различные формы и методы литературно-краеведческой работы на примере конкретного региона.

Ключевые слова: краеведение, литературная встреча, кружок, краеведческий вечер, читательская конференция, диспут.

На современном этапе развития образования особую роль приобретает краеведческая работа. Она способствует не только повышению качества обучения, но и укреплению связи с жизнью.

Культурные страницы нашей Воронежской области богаты плеядой блестящих литературных имен: Григорий Яковлевич Бакланов, Иван Алексеевич Бунин, Юрий Данилович Гончаров, Владимир Григорьевич Гордейчев, Анатолий Владимирович Жигулин, Николай Алексеевич Задонский, Владимир Александрович Кораблинов, Евгений Дмитриевич Люфанов, Самуил Яковлевич Маршак, Андрей Платонович Платонов, Алексей Тимофеевич Прасолов, Андрей Порфирьевич Сребрянский, Николай Владимирович Станкевич, Юрий Фёдорович Третьяков, Гавриил Николаевич Троепольский, Михаил Иванович Фёдоров, Валентин Тимофеевич Ющенко [3]. Это позволяет организовать плодотворную работу по литературному краеведению. Многие

поэты и писатели любили путешествовать по родному краю, они оставили интересные воспоминания, путевые заметки, поэтические строки, посвященные нашей Воронежской области. Занятия литературным краеведением позволяют учащимся осознать связь литературы с жизнью, увидеть ту среду, которая послужила материалом для творчества писателя, проникнуть в его творческую лабораторию, изучать его творческий метод, вкусы и пристрастия.

Многообразный опыт краеведческой работы раскрывается в докладах и сообщениях учителей, участников научно-практических конференций, и в создаваемых на основе выступлений сборниках статей [2].

Мы считаем, что литературное краеведение как форма внеклассной и внешкольной позволит школьникам глубже осмыслить и личность писателя, и его творчество. Так Л. П. Прессман пишет: "Нельзя не учитывать огромного значения занятий краеведением. Собирая и изучая факты литературной жизни родного края, школьники учатся видеть прекрасное в обыденном, по-новому оценивают пейзажи близкой природы, памятные места, а главное много узнают о людях, живущих и работающих вокруг них. Нужно, чтобы учащиеся точно знали цель своих занятий краеведением, были заинтересованы в этой работе и относились к ней творчески» [1].

Формы и методы литературно-краеведческой работы в средней школе могут быть весьма разнообразны.

Литературная встреча – наиболее простая форма, с точки зрения организации и активности учащихся. Когда в школу приглашают писателя, литературоведа, друга или современника поэта или писателя. А также человека, с которым интересно пообщаться школьникам, который может увлечь ребят. Встречи с писателем требуют определенной подготовки. По совету учителя школьники знакомятся с биографией писателя, читают доступные произведения, читают понравившиеся стихи и отрывки из прозы. Особую значимость имеет выставка книг писателя и с любовью оформленная стенная газета, посвященную этому событию.

Во многих школах систематически практикуются литературные концерты. В школу приезжают мастера художественного слова и выступают с концертной программой. Часто они сопровождают чтение рассуждениями, воспоминаниями. Получается не просто концертное выступление, а встреча, разговор, общение.

Кружок литературных краеведов объединяет учащихся средних или старших классов, интересующихся жизнью родного края, его природой, бытом, историей и культурой. Участие в занятиях кружка дает возможность школьникам проявить себя в роли собирателей и исследователей литературы родных мест, готовит ревностных пропагандистов художественного слова, помогает развитию творческих способностей молодежи. Основными задачами работы литературно-краеведческого кружка являются: углубить и укрепить знания по литературе, полученные на классных занятиях; применять эти знания к изучению литературной жизни местного края; понять органическую взаимозависимость местной и общенациональной литературы; развить уме-

ние связывать изученную в классе литературу прошлого с жизнью своей родины в настоящем; уяснить роль общественной среды, в условиях которой формировались характер, мировоззрение и творчество писателя; осознать значение органической связи писателя с людьми и местом его рождения и воспитания; выявить и усовершенствовать навыки исследовательской работы; развить наблюдательность и умение оперировать фактами жизни при изучении своего предмета [4]. Юные краеведы собирают местный фольклор, читают и обсуждают произведения писателей-земляков, ведут розыски литературно-краеведческого материала, участвуют в разборе творчества кружковцев.

Краеведческие вечера – требуют серьёзной подготовки. Для накопления материала могут быть проведены туристические поездки и походы по литературным местам, организовано изучение литературных произведений местных авторов, переписка и встречи с ними. Такие вечера несомненно, оставляют неизгладимый след в памяти их участников, помогают ближе узнать и полюбить литературу, развивают художественный вкус.

Читательские конференции как форма клубной работы. Главное достоинство читательской конференции в том, что в ней учащиеся выражают свое мнение о книге, аргументируют его, иногда спорят. С этой точки зрения читательская конференция является эффективным средством углубленного изучения литературы. Для этого необходимо организовать массовое чтение книги учащимися, а во время обсуждения книги добиться не пения дифирамбов писателю, а анализа проблемы, поставленной в книге. В читательской конференции имеются элементы диспута.

Диспут является высокоэффективной формой приобщения учащихся к литературе, к искусству, потому что, участвуя в диспуте, учащиеся наиболее активны, острота вопросов и мнений, борьба этих мнений разжигают их интерес и стимулируют вдумчивое отношение к литературе. Однако это требует от организаторов и ведущих, достаточно широких и глубоких литературных знаний.

Перечисленные формы, разумеется, не могут быть ограничены рамками диапазона клубной работы, нашедшего применение в школе. Подходов к проведению клубной работы может быть бесчисленное множество, причем многое зависит от конкретных условий города или села, наличия нужных людей, их характера, склонностей, эрудиции и желания.

Список литературы

1. Аносова Н.А. Нетрадиционные модели обучения / Н.А. Аносова // Проф. образование. 2001. – № 9. – С. 22-29.
2. Белоусов Д.А. Литературно-краеведческий кружок в сельской школе: книга для учителя. Из опыта внеклассной работы / под ред. М.Д. Янко. – М.: Просвещение, 1987. – С. 55.
3. Википедия – сводная энциклопедия [Электронный ресурс] // <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 22.12.2016).
4. Методика преподавания литературы / под ред. О.Ю. Богдановой, В.Г. Маранцман. – в 2 ч. Ч. 2. – М.: Просвещение, 1994. – С. 266.

ФРАГМЕНТИРОВАННЫЙ СУБЪЕКТ В РОМАНАХ Т. МАККАРТИ

Тауснева А.С.

аспирант кафедры исторического языкознания, зарубежной филологии и документоведения, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, г. Калининград

В статье рассматривается актуальный в современную эпоху тезис о субъектной расщепленности, отражающийся не только в постструктуралистской теории, но и на примере художественного творчества писателей-постмодернистов. В данной статье предпринимается попытка изучения романов современного английского писателя Т. Маккарти, в которых претворяется как идея фрагментированного «я», так и тезисы о смерти субъекта и смерти автора.

Ключевые слова: дивид, смерть субъекта, смерть автора, фрагментарность.

Следует отметить, что в представлении о «расколотости» человека является общим местом в постструктуралистской теории. Резкий поворот от субъекта осознающего к субъекту бессознательному показал, что, если раньше «процесс субъективации осуществлялся в актах самосознания, то теперь это происходит через герменевтику желания» [1].

Ж. Лакан, развивая мысль З. Фрейда о «расщепленном я» (“Ichspaltung”), пришел к пониманию того, что субъект испытывает «бесконечную недостаточность целостности» [6, с. 66]. Схожей концепции придерживались также Ж. Делез и Ф. Гваттари. В русле постструктуралистской теории работает и Ю. Кристева, также разделяя идею «"изначальной расколотости" сознания человека» [2, с. 142].

Постмодернистская литература, развивающаяся на фоне постструктуралистских концепций, также демонстрирует тотальную неразрешимость и неопределенность, проявляющуюся прежде всего в принципиальном антицентризме и плюрализме, которые вытекают в свою очередь из понимания того, что «четких границ между познающим субъектом и познаваемым объектом» [1] не существует. Это имеет непосредственное отношение к сложившейся в современном научном дискурсе пониманию, что в квантовой физике, пришедшей на смену ньютоновской картины мира, до сих пор не очевидной является проблема человеческого сознания. Идут споры относительно включенности акта сознания наблюдающего в процесс наблюдения, делающего знание в некотором роде субъективно предзаданным, связанным с интенциями и качествами субъекта познания.

В этом, по мнению А.Н. Ильина, заключается гносеологическая форма скептицизма по отношению к субъекту. Он делает вывод, что, «учитывая <...> в первую очередь изменчивость идентичности, становится неудивительно, почему в основе постмодернизма лежит идея “смерти субъекта”» [1]. Зачастую, характеризуя современного человека, теоретики и исследователи постмодернизма употребляют такие схожие семантические обороты как: частичный человек (К. Ясперс), расколотый человек (Р.Д. Лэнг), человек-дивид (Ж. Лакан) и т.д.

Целью данной статьи также является обращение к творчеству современного английского писателя Т. Маккарти, в чьих романах претворяется постмодернистская идея фрагментированного субъекта. Сам Маккарти в одном из манифестов полу-вымышленного Общества Некронавтов (“International Necronautical Society”), чьим Генеральным Секретарем он является, определяет современного человека не иначе как «дивида»: “We suggested replacing the notion of the individual with that of the «dividual» – a subject always-already ruptured, networked, given over to contingency. This applies to literature and art as much as to politics” (цит. по: [11]).

Главный герой его романа «Когда я был настоящим» (“Remainder”) после несчастного случая теряет память, и после длительного курса реабилитации осознает, что весь мир для него как внешний, так и внутренний, потерял целостность и гармоничность. Предпринимая ряд реконструкций, он лишь «измышляет способы быть реальным» [4, с. 35]: “a moment that would make me better, whole, complete»” [10, с. 2].

Человек в постмодернизме уже не субъект еще и потому, что он жаждет быть поглощенным: субъекта словно взрывают изнутри, одновременно подавляя извне, и он «нивелируется как онтологическая данность» [1]. Это связано с тотальной и катастрофической тенденцией современного «общества потребления», нацеленного прежде всего на удовлетворения потребностей тела. Характер ощущений современного человека, таким образом, зачастую носит лишь соматический характер.

Данная тенденция отражена и в романе Маккарти, где чувства, которые испытывает герой, переданы в большинстве случаев посредством слова “sensation”, реже “feeling” и никогда “emotion”. Слово “sensation” в первую очередь передает ощущения тела человека, в то время как “feeling” – души. На протяжении романа герой испытывает два противоположных состояния: “neutral” и “tingle”, которые чаще всего употребляются для выявления характера «телесного переживания» героя. В частности, лексема «tingle» (пер. как «покалывание», «пощипывание», «звон в ушах») встречается в романе тридцать шесть раз. Приведем лишь некоторые примеры: “felt a tingling creeping up the right side of my body” [10, p. 37], “the tingling sensation crept through my body again” [Там же, p. 59].

Наряду со смертью субъекта (М. Фуко), в XX веке приговор был вынесен и автору (Р. Барт). В XXI веке это становится еще более актуальным, в связи с масштабным развитием интернет сети. Маккарти разделяет точку зрения современных исследователей о том, что текст пишется не автором, и автору остается лишь убедиться в своей несостоятельности: “all-containing Great Report is being written around us, all the time – not by an anthronovelist but by a neutral and indifferent binary system” [9].

Подобным образом герою его последнего романа «Атласный остров» (“Satin Island”) поручают принять участие в написании Большого проекта (“Great project”), который, словно по законам метапрозы, герой именует “Satin Island”. Вся книга таким образом оборачивается в попытку героя выполнить условия договора. Однако в какой-то момент герой осознает всю неле-

пость своих попыток: “the truly terrifying thought wasn’t that the Great Report might be unwritable, but – quite the opposite – that it had already been written by a neutral and indifferent binary system <...> And that we, far from being its authors <...> were no more than actions and commands within its key-chains” [8, с. 153]. Герой также приходит к пониманию того, что ничтожность роли пишущего еще и в том, что у текста уже нет читателя: “But who could read it? <...> None, of course: none and no one. Only another piece of software could do that” [Там же].

Подобным образом и герой романа “С” Серж Карфакс ощущает себя «звучащей коробкой» (“...he were some kind of sounding box” [С, 199]), выступая в качестве передатчика кода, коммуникативного звена: “He is, to me, an emblem of the writer: someone who receives, first and foremost, and re-transmits, but he’s not the origin of the message. He’s the transcriber, the filter” [7].

Сам Маккарти изображает своего героя как квинтэссенцию авторской фигуры, которая лишь получает сигнал, словно находясь в описанной Р. Бартом «эхокамере», где «сталкиваются и переплетаются самые разные голоса, доносящиеся извне, но где трудно расслышать звучание лишь одного голоса – голоса человека, добровольно превратившего себя в эту камеру» [3, с. 25].

Можно заключить, что процесс разрушения «я», будь то «я» субъекта, автора или героя, симптоматичен с точки зрения заданного вектора постмодернистской культуры, рассматривающего мир как децентрированное и лишённое ориентиров пространство, поле «иерархически неупорядоченных фрагментов» [2, с. 205]. Расщепленность субъекта приводит к фрагментарному восприятию бытия, в литературе это находит выражение в феномене «рассыпающегося романа» [5], отражающем, по мнению А. Кирби, сдвиг от постмодернизма к цифродернизму. Господствующую роль в новой культурной парадигме занимает интернет с его ризомным принципом отображения пространства и передачи информации.

Список литературы

1. Ильин А.Н. Субъект в пространстве философии постмодернизма // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2010. № 1. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/Pyin_Subject/ (дата обращения: 22.12.2016).
2. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 210 с.
3. Косиков Г.К. “Человек бунтующий” и “человек чувствительный” (М.М. Бахтин и Р. Барт) // Лики времени: Сб. статей. М.: Юстицинформ; Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009. С. 8-25.
4. Лэнг Р. Д. Расколотовое «Я». СПб.: Белый Кролик, 1995. 352 с.
5. Смолин А. Рассыпающийся роман. М.: Литературно-художественный журнал. 2016. №5. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2016/5/rassypayushijjsya-roman.html> (дата обращения: 22.12.2016).
6. Ставцев С.Н. Язык и позиция субъекта: Лакановская структурно-семиотическая концепция субъективности // Формы субъективности в философской культуре XX века. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 62-78.
7. Armesto F.F. Interview with Tom McCarthy // The White Review, 2011. URL: <http://www.thewhitereview.org/interviews/interview-with-tom-mccarthy-2/> (дата обращения: 22.12.2016).

8. McCarthy T. "C". N.-Y. Random House, 2005. 320 p.
9. McCarthy T. The death of writing // The Guardian, Saturday 7 March, 2015. URL: <https://www.theguardian.com/books/2015/mar/07/tom-mccarthy-death-writing-james-joyce-working-google> (дата обращения: 22.12.2016).
10. McCarthy T. Remainder. Richmond: Alma Books, 2007. 284 p.
11. Vesco S. Like a Signal, Dispersed: Écriture and Technology in Tom McCarthy // Disaster Writing. URL: <http://www.disasterwriting.org/writings/2016/5/10/like-a-signal-dispersed-criture-and-technology-in-tom-mccarthy> (дата обращения: 22.12.2016).

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНОЙ ЛЕКСИКИ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

Федорова Н.Н.

доцент кафедры социально-гуманитарных и философских дисциплин,
канд. филол. наук, доцент, Сочинский государственный университет,
Россия, г. Сочи

В статье с целью выявления, описание и систематизации вербально выраженных лексических средств, стимулирующих эмоциональную сферу аудитории, исследуются рекламные тексты, содержащие эмоционально-экспрессивные лексические компоненты. Предметом исследования явились лексические единицы рекламного текста, функционирующие в качестве средств речевого воздействия на эмоциональную сферу потребителя.

Ключевые слова: рекламный текст, эмоционально-экспрессивная лексика, язык рекламы.

Лексика в рекламном тексте всецело направлена на реализацию его главной коммуникативной установки – побудить читателя (слушателя) купить предлагаемый товар или услугу. Поэтому перед рекламодателем стоит задача создания у потенциального клиента положительного впечатления о своем товаре или предлагаемой услуге. Вследствие этого лексика рекламного текста зачастую наделена выразительностью, экспрессивностью, оценочностью и эмоциональной окрашенностью.

Специалисты отмечают: «смысловое восприятие рекламного текста – это не столько проблема его общего понимания, сколько проблема ориентации реципиента по поводу цели или основного мотива получаемого сообщения. Таким образом, особенность рекламного текста состоит прежде всего в весьма своеобразном сочетании эксплицитной и имплицитной характеристик его смысла. Реклама повествует об объектах желания, поэтому и обладает определённой привлекательностью. Мир желаний – это и есть мир рекламы» [1, с.140].

В рекламном тексте употребительны слова с превосходной оценкой *новейший, современнейшие, лучшее*. Потенциального покупателя эти слова чаще подталкивают к предложению «купить», хотя реально слово *купите* встречается в рекламе не так часто – в одном случае на 300 примеров.

Экспрессия в тексте (его лексическое наполнение) может быть представлена конструкциями, передающими информацию нейтрально, в «ров-

ной» эмоциональной тональности. Например: *Фитнес-центр «Форма» в Сочи. Тренажерный зал, массаж, солярий, йога. Профессиональные тренеры. Звоните!* Информация может передаваться с экспрессивной насыщенностью, с положительной эмоциональной оценкой. Например: *Откройте для себя насыщенный вкус и чарующий аромат кофе Grand, который создан кофейными экспертами мирового уровня из отборных зерен высокого качества.*

Экспрессивность и эмоциональность можно назвать главными особенностями рекламы. Направленность рекламного сообщения – обратить на себя внимание, привлечь потенциального покупателя, вызывать определенные эмоции, используя всевозможные средства. Автору, создающему рекламный текст, надо заявить о предлагаемом товаре или услуге «громко и отчетливо».

Несмотря на то, что часть экспрессии, заключенной в рекламе, приходится на экстралингвистические факторы (создание благоприятного впечатления о продукте с помощью визуализации, использования броских цветов, шрифтов и т.п.), значительная часть эмоциональной картины создается самим текстом рекламного сообщения. При наличии самых разных эмоций, представленных в рекламных текстах, они почти никогда не бывают отрицательными. Исключением, пожалуй, является социальная реклама (Например, в рекламе безопасного дорожного движения встречаем: *Ему повезло: он умер быстро*), преследующая другие цели, нежели реклама коммерческая.

Потенциальный покупатель заранее относится к рекламе настороженно, поэтому еще одна цель рекламы – расположить к себе. С этой целью в рекламных текстах создается положительный эмоциональный фон как средствами эмотивов, так и описанием позитивной ситуации. К примеру: *Легендарная основа под макияж CHANEL, любимый продукт профессиональных визажистов. Она деликатно подсвечивает лицо и идеально выравнивает микрорельеф, облегчает нанесение тонального средства и повышает его стойкость* (ситуация, в которой потенциальному покупателю сулят комфорт).

Реклама в современном мире не только формирует отношение предполагаемого потребителя к какому-либо товару или услуге, но и оказывает непосредственное влияние на развитие языка рекламы, а именно – на динамику языковых норм. В современных рекламных текстах отражаются изменения, которые происходят в современном мире.

Язык рекламы представляет собой не только систему лингвистических и экстралингвистических средств выражения, которые подчиняются сначала правилам массовой коммуникации, а потом уже общелитературным правилам, но это и структура языка, участвующая в формировании восприятия определенной информации адресатом с учетом той языковой среды, в которой данный адресат находится, с ее социолингвистическими, психолингвистическими и лингвокультурологическими особенностями.

Авторы рекламы допускают отступления от языковой нормы и её нарушения, когда считают, что это усилит воздействие на потребителя. Можно сказать, что экспрессия является нормой для языка рекламы. Нарушение не только литературной, но и этической, юридической нормы, веду-

щее к усилению экспрессии в рекламном тексте, является характерной приметой современной рекламы. В рекламных текстах чаще других встречаются отступления от орфоэпических, грамматических и лексических норм. Например: *Будем хохотаца! Последнее живое телевидение*. Или: *Всегда Огромный Выбор Адежды* с подчеркнутой первой буквой в последнем слове (вертикальное прочтение первых букв складывает имя хозяина магазина).

Одной из важных частей рекламного текста является заголовок. Именно в нем чаще всего заключена суть обращения и главный аргумент. Особая роль заголовка объясняется еще и тем, что около 80% читателей просматривают только заголовки, не утруждаясь чтением всего рекламного текста. Следовательно, цель заголовка – привлечение внимания потребителя и повышение его интереса, сегментирование целевой группы, идентификация товара (услуги) и, в конечном счете – продажа товара (услуги). Чтобы заголовок смог привлечь внимание, он должен обладать оригинальностью и иметь информацию, интересную потребителю. Если рекламодавец имеет уникальное торговое предложение товара, это нужно отразить в заголовке или сделать это основным рекламным аргументом. Главное, чтобы заголовок захватил внимание целевой аудитории, чтобы ее представитель от зрителя стал читателем, а потом – покупателем.

Заголовки делятся на две группы: 1) прямого действия (информативные); 2) косвенные заголовки. Первый тип заголовка обращается к целевой аудитории. Он заявляет о преимуществе товара, его категории, дает рекламное обещание. К этой группе можно отнести заголовок рекламы лекарственного препарата «Тайленол»: *Сила, способная прекратить боль*. Нужно иметь в виду, что при недостаточной увлекательности заголовка читатель скорее всего не будет читать текст всей рекламы. Заголовки прямого действия могут содержать: 1) сообщение о новизне или новинке: *Новинки в мире моды*; 2) утверждение, обещание: *Предлагаем скидку на фотооборудование и аксессуары*; 3) команду, просьбу: *Сделай организм чище!*

Косвенные заголовки, характеризующиеся сниженной избирательностью и информативностью, на деле могут быть не менее эффективными. Эти заголовки могут содержать определенную провокацию, интригу, двусмысленность, преследуя главную цель – заинтриговать, завлечь потребителя. Заголовок такого типа работает, так как вызывает интерес у покупателя, его любопытство. Например: *Вот куда стоит вложить сбережения: и это не доллар и не евро*.

Таким образом, следует помнить, что один из главных продуктов рекламы – рекламный текст – должен отвечать основным требованиям: быть понятным, емким, легко запоминающимся, интригующим и убедительным одновременно.

Список литературы

1. Дедюхин А.А. Модели организации вербальной и визуальной информации в тексте рекламы: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. – 152 с.

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ»

«ПРИВИВКА КРИТИЦИЗМА И РЕФЛЕКСИИ»: СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ И ПОСТКОНСТРУКТИВИЗМ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ ИСТОРИИ XXI в.

Агеева В.В.

доцент кафедры истории и философии науки и техники, канд. ист. наук,
Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Россия, г. Томск

В данной статье представлен анализ влияния теорий социального конструктивизма и постконструктивизма в англо-американской историографии и методологии истории 2000-2016 гг. Социальный конструктивизм рассматривается как источник формирования постмодернистской историко-философской и методологической мысли, наиболее заметное влияние которого прослеживается в области историко-культурных исследований. Постконструктивизм при этом выступает не в качестве ответной реакции на социальный конструктивизм, а в качестве самостоятельного теоретико-методологического направления, предметное поле которого включает нетрадиционные для социокультурного исследования феномены.

Ключевые слова: социальный конструктивизм, постконструктивизм, историческая эпистемология, теория истории.

В настоящей статье представлен анализ теоретических моделей социального конструктивизма, а также институциональных и дисциплинарных рамок современного постконструктивизма в англо-американской историографии и теории истории 2000-2016 гг. Опираясь на широкий корпус англоязычных историографических источников, опубликованных в последнее десятилетие и не переведенных на русский язык, автор предпринимает попытку охарактеризовать способы применения и методологические границы теорий социального конструктивизма и постконструктивизма.

Понятие «социальный конструктивизм» объединяет весьма широкое, внутренне неоднородное и слабо интегрированное направление современных социальных и гуманитарных исследований. Многообразные теории социального конструктивизма обнаруживают несходство предметных полей и оперируют разной терминологией, заимствованной из разных научных традиций и дисциплинарных областей.

Тем не менее, все теории социального конструктивизма объединяет постулат о доминирующей роли коллективного и индивидуального сознания в создании и воспроизведении «образа мира», проецируемого на окружающую действительность. Теоретики социального конструктивизма исследуют повседневную практику изобретения и конструирования миров, которые приобретают в некотором роде независимое существование, но при этом сохраняют генетическое родство с социальными акторами.

Несмотря на растущий интерес российского социо-гуманитарного знания к теориям социального конструктивизма, развитие и рефлексия этой теоретической модели не принадлежит к мейнстриму современной англо-американской исторической эпистемологии и социальных наук в целом.

Значение и характер влияния теоретических оснований социального конструктивизма в современной англо-американской историографии наиболее точно сформулировано в науке как «критическая прививка конструктивизма». Теории социального конструктивизма в современной англо-американской историографии, культурной истории выполняют в XXI веке, как и прежде, значительную рефлексивную и критическую функцию.

Роль конструктивистских идей в «демократизации» современного гуманитарного знания, переосмыслении национальной, половой, социокультурной принадлежности и любой другой детерминации индивидов и социальных групп находит активное применение в развитии таких направлений исследований, как гендерная история, история феминизма, история спорта, история массовой культуры и медиа коммуникаций [2, с. 285]. Становление постмодернистской методологической парадигмы и развитие идей социального конструктивизма привело к возникновению конструктивистского подхода к анализу этноса и этничности [3, с. 74].

Постконструктивизм, в противовес привычным и более укорененным в исторической эпистемологии «пост»-концептам (к примеру, постструктурализм, постмодернизм и др.), выступает не в качестве ответной реакции на социальный конструктивизм, а в качестве самостоятельного теоретико-методологического направления, предметное поле которого включает нетрадиционные для социокультурного исследования феномены [4, с. 134-136]. Метафоры «конструкта» и «конструирования» успешно применяются в исследованиях, объединенных под эгидой постконструктивизма. Среди них, в первую очередь, следует отметить теорию сетевого взаимодействия, «прагматический реализм» Эндрю Пикеринга, исследования феминизма Донны Харрэвэй [5, с. 4].

Таким образом, критика социального конструктивизма в современной историографии принята во внимание и синтезирована с другими теоретическими подходами, обращающимися к анализу языка, культуры и акторов.

Список литературы

1. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ в рамках проекта «Современная историческая эпистемология и исследовательские парадигмы западной историографии 2000-2015 гг.» № 15-01-00427а (соисполнитель).
2. Kitada A. Pre-constructionism as post-constructionism on the methodological investigation of history // *Japanese Sociological Review*. 2010. Vol. 55 (2004-2005). No. 3. Pp. 281-297. URL: https://www.jstage.jst.go.jp/article/jsr1950/55/3/55_3_281/_article (дата обращения: 25.12.2016).
3. Каратовская В.В. "Норманнская проблема" и опыт ее интерпретации на основе сравнительного анализа историографии древнерусского и болгарского политогенеза (1990-е – 2000-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2011. 203 с.
4. Lykke N. The Timeliness of Post-Constructionism // *Nordic Journal of Feminist and Gender Research*. 2010. No. 18(2). Pp. 131-136. Пахомов В.И., Петрова Г.П. Логистика. М.: Проспект, 2006. 232 с.
5. Knol M. Constructivism and post-constructivism: the methodological implications of employing a post-constructivist research approach. Trial lecture (as part of the fulfilments for the degree of Philosophiae Doctor), 2011. URL: <http://munin.uit.no/bitstream/handle/10037/4106/article.pdf> (дата обращения: 25.12.2016).

ТРУДОВОЙ И РАТНЫЙ ЭНТУЗИАЗМ МОЛОДЕЖИ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ИЮНЬ-ДЕКАБРЬ 1941 г.): НА МАТЕРИАЛАХ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Гончаров Г.А.

аспирант, Владимирский государственный университет,
Россия, г. Владимир

В статье рассматривается молодежь как наиболее активная социальная группа одного из тыловых районов в первые месяцы Великой Отечественной войны. Анализируются причины и следствия общественного подъема, а также роль патриотического воспитания накануне и в начале войны. В условиях серьезной перестройки экономики и выделения значительных ресурсов фронту трудовой и патриотический энтузиазм стали мощным фактором в деле обеспечения потребностей военного времени.

Ключевые слова: молодежь, патриотизм, труд, война, потребности фронта, тыл.

Начавшаяся 22 июня 1941 года Великая Отечественная война означала новые условия жизненной реальности для всего населения Советского Союза. Наиболее социально активной группой в силу возраста, состояния здоровья, а также вследствие проводимой перед войной государственной политики по воспитанию патриотизма выступала молодежь.

Официально советские граждане узнали о начале войны из выступления В.М. Молотова 22 июня 1941 г. Уже в данной речи прозвучал призыв со всей ответственностью отнестись к своим обязанностям, проявить самоотверженность и патриотизм: «Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что все население нашей страны, все рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един, как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом».

Достаточно высоким уровнем сознательности и глубокой патриотической направленностью отличалось массовое сознание молодежи накануне войны. Если по г. Кирову в 1940 г. подлежало явке на призыв в армию 2144 человека, то явка составила 100 %, при чем отсрочек по болезни (в силу объективных причин) предоставили только 5 % призывников [1, оп. 6, д. 335, л. 199].

Уже 26 июня 1941 г. было созвано совещание секретарей первичных комсомольских организаций, на котором был поставлен вопрос о перестройке комсомольской работы применительно к условиям военного времени и о ближайших задачах [3, с. 204]. С первых же дней войны стали поступать заявления от молодежи об отправке на фронт добровольцами. Только за первые 6 дней войны по области поступило более 2 тысяч заявлений молодых людей, выразивших желание добровольно пойти на фронт.

Со стороны мужской части молодежи наиболее устойчивым было стремление попасть на фронт любыми путями, как то: путем призыва, через мобилизацию или через райкомы комсомола. Комсомольская молодежь считалась наиболее подготовленной к невзгодам военного времени (в первую очередь, идеологически). На первую половину 1941 г. в регионе всего было 73350 членов ВЛКСМ [2, оп. 2, д. 32, л. 1].

Вот пример настроений комсомольцев, отраженный в письме группы молодых людей, подавших заявление в райком комсомола с просьбой «добровольно пойти в ряды Красной армии для защиты границ Социалистического государства». Обращаясь ко всем комсомольцам и молодежи, они писали: «Мы, члены 10-млн., дважды орденоносного Ленинско-Сталинского комсомола нашей великой социалистической Родины, в час, когда кровожадные Гитлеры германского империализма посягнули на неприкосновенность советских рубежей, на мирный труд и великую созидательную работу двухсот миллионного народа, воздвигающего великое здание коммунизма, собравшись сюда, заявляем единым голосом вместе со всем населением нашей могучей Родины, вступаем в Отечественную войну за мир, свободу, счастье народа, полное уничтожение гитлеровских шакалов германского империализма.

Мы помним боевые традиции комсомола во времена гражданской войны, когда все комсомольцы ячеек, райкомов, уездов, уходили на передовые позиции, на разгром иностранной интервенции. Они высоко несли в руках великое непобедимое знамя партии Ленина-Сталина, знамя Великой Октябрьской Социалистической революции и победили под этим знаменем. Становясь под знаменем коммунистической партии, выпестованной Лениным и Сталиным, мы пойдем в бой по первому зову партии и правительства и лично вождя народов т. Сталина на полное уничтожение врага. Не дрогнет рука против фашистских извергов империализма, палачей трудового народа. Мы призываем всех комсомольцев и комсомолок, юношей и девушек вместе с нами встать грудью на защиту нашей любимой матери Родины. Пусть помнит коварный враг, что мы не отдадим ни одного вершка Советской земли никому и никогда, на фронте и в тылу, мы будем помогать любимой Красной Армии всеми силами, всей своей могучей энергией юношеского порыва, укреплять оборону Социалистического государства рабочих и крестьян. Мы обещаем поднять производительность труда и не только выполнять, но и во много раз перевыполнять нормы выработки.

Каждую фабрику, завод, учреждение, предприятие, колхоз, каждый свой участок работы сделаем неприступной крепостью, о которую разобьют себе лбы фашистские заправилы из лагеря империализма. В самое короткое время овладеем одной из военных специальностей, запишемся в санитарные боевые и военные дружины, чтобы на передовых позициях фронта бить врага до полного уничтожения. Как никогда поднимем революционную бдительность, организованность, дисциплинированность. Не допустим ни малейшей расхлябанности и разболтанности. Сделаем революционную дисциплину непреложным законом нашей жизни. Призываем молодежь вступать в ряды

славного Ленинско-Сталинского комсомола, чтобы вместе с нами, под руководством большевистской партии идти широкой дорогой к победе мировой коммунистической революции. Да здравствует Рабоче-Крестьянская Красная Армия, верный страж завоевания Великой Октябрьской социалистической революции. Да здравствует дважды Краснознаменный Ленинско-Сталинский комсомол, верный помощник большевистской партии. Да здравствует Всесоюзная коммунистическая партия большевиков и организатор побед социализма! Да здравствует великое непобедимое знамя Маркса, Ленина, Сталина! Да здравствует великий Сталин! Вперед к коммунизму!» [2, оп. 2, д. 17, лл. 38-39, 76] При всем наличии горячего юношеского порыва молодых людей в первые дни войны подобного рода документы могли приниматься (а тем более публиковаться) только по согласованию с партийным руководством. Поэтому неудивительно, что энтузиазм молодежных масс такого рода содержал следующие основные пункты: коммунистическую идеологию, главенство партии и ее вождя в лице Сталина; ненависть к захватчикам; призыв к беспощадной борьбе с врагом; ударный труд; необходимость военной подготовки; требование жесткой дисциплины; единство общества; обращение к прошлым победам на примере гражданской войны.

За 1941 г. областная комсомольская организация отправила из своих рядов 19289 человек-комсомольцев на фронт, которые стремились попасть в наиболее элитные части Красной Армии: воздушно-десантные войска, гвардейские минометные части, лыжные отряды, Краснознаменный Балтийский флот, в партизанские отряды и т.д. [2, оп. 2, д. 274, л. 41] Партизанские отряды практически полностью формировались из молодежи.

В первые месяцы войны по мере перестройки структуры экономики не хватало элементарных ресурсов для удовлетворения потребностей направляемых на фронт. В августе 1941 г. секретарь обкома партии Лукьянов писал Главному интенданту Красной Армии Давыдову: «Сформированная в Кировской области 34-я запасная стрелковая бригада находится в крайне тяжелом материальном положении. До настоящего времени обмундирование и снаряжение бригада полностью получает только для обеспеченных маршевых батальонов. Весь остальной личный состав бойцов бригады носит собственную одежду, при этом значительная часть красноармейцев не имеет верхней теплой одежды, достаточно годной обуви и второй пары белья. Постельных принадлежностей бригада также совершенно не имеет».

По мере разворачивания призыва и отправки молодых людей на фронт создавалась система обучения и подготовки военному делу. На начало октября 1941 г. в Кировской области было организовано 875 учебных пунктов по всеобучу, охвачено обучением допризывников 1923-1924 годов рождения и запасных 51 734 человека (или 93,5 % от всех, подлежащих первоочередному призыву). Кроме того, обучались военному делу в народном ополчении 1858 человек, в группах Осовиахима 10965 человек [1, оп. 7, д. 38, лл. 43, 109-110].

Начинают привлекаться молодые люди и к социальным проблемам военных будней: заботе о семьях фронтовиков, организации помощи армии, выработке трудовых норм. Например, осенью 1941 г. девушки Сулова, Во-

рончихина, Федянина взяли на воспитание маленьких детей, оставшихся сиротами по причине гибели их родителей на фронте. Их примеру следовали и остальные. [2, оп. 2, д. 112, л. 49] Примечательно, что девушки едва закончили школу, жили в сельской местности и не успели создать свою семью.

Безусловно, государство вынуждено было привлекать детей, подростков и молодежь к различного вида работам помимо обучения. Однако, общенародный подъем и стремление своим трудом внести хотя бы малую лепту в общее дело было зачастую искренним, многократно превосходило устанавливаемые государством минимумы. Так, например, в Медянском районе Кировской области ученики за летний период участвовали в сельскохозяйственных работах по замене рабочей силы, ушедших на фронт. Всего принимали участие 4796 человек учеников, выработав за лето 69768 трудодней. Примером хорошей работы комсомольские власти называли учеников Мурыгинской средней школы, из которых работали 60 человек, выполнив 4143 трудодень, в среднем по 69 трудодней на человека. Некоторые школьники, являвшиеся по сути еще детьми, выполняли по 2 нормы за день: ученик 10 класса Иван Сырчин за 90 дней лета выполнил 150 трудодней, Григорий Поскребышев – 195, Александр Вожегов 160, ученица 9 класса Нина Макарова 150 трудодней. При этом стоит учитывать, что трудодни фактически не оплачивались или оплачивались чисто символически – по несколько грамм зерна. Также с первых дней войны школьники оказывали помощь семьям мобилизованных в Красную Армию (копка картошки и распиловка дров). Принимали активное участие в общественных работах и молодые учителя, всего только по 1 району 159 человек, часть из них представляли примеры практически стахановского труда: учителя-комсомольцы Л.П. Моисеева, С. Кудрявцева, Семашко. За осенний период ученики собрали грибов 1288 кг на сумму 1810 руб., шиповника 255 кг на сумму 765 руб., ягод 25,6 кг. Все это было сдано на государственные склады, а деньги перечислены в фонд обороны [2, оп. 2, д. 37, л. 46].

Таким образом, в самом начале войны молодежь была охвачена сильным патриотическим подъемом, чему в немалой степени способствовала система идеологического воспитания накануне войны, вовлечение подрастающего поколения в комсомол, а также сводки с фронтов. В зависимости от сферы приложения сил молодых людей энтузиазм выливался либо в стремление попасть на фронт, либо в трудовые подвиги. Поскольку для корректировки идеологической работы и появления новых героев требовалось время, в начале войны образцом во многом служила гражданская война как событие, в ходе которого произошло укрепление советского государства.

Список литературы

1. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИКО). Ф. 1290.
2. ГАСПИКО. Ф. 1682.
3. Город, ковавший победу: Киров в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: в 2 кн. Кн. 1. Киров, 2012. 432 с.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКИХ КОЛОНИСТОВ В РЕГИОНЕ КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД

Дарендорф М.В.

зав. кафедрой истории, права и общественных дисциплин, канд. ист. наук,
Филиал государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Ставропольский государственный педагогический
институт» в г. Ессентуки, Россия, г. Ессентуки

Статья посвящена краткому обзору современных исследований истории европейских (шотландских, немецких, итальянских) колонистов в регионе Кавказских Минеральных Вод. В работе называются публикации, вышедшие с середины 90-х гг. прошлого века по настоящее время. Исследованием охвачены монографии, статьи местных и столичных авторов, материалы конференций, сборник документов, а также авторефераты и диссертации.

Ключевые слова: Северный Кавказ, регион Кавказских Минеральных Вод, шотландцы, немцы, итальянцы, колонии, начало XIX в. – середина XX в., история изучения.

Первую колонию в регионе Кавказских Минеральных Вод – Каррас основали в 1802 г. шотландские миссионеры во главе с Генри Брунтоном. Сложные отношения с местным населением, эпидемии и др. неблагоприятные условия привели к сокращению численности шотландских колонистов и приглашению в Каррас немецких крестьян-колонистов из Сарепты. Истории шотландских миссионеров на Северном Кавказе посвящены исследования Л.И. Краснокутской [4; 5; 6] и публикации других авторов [2; 26; 13]. История колонии Каррас в первой трети XIX в. тесно связана с историей близлежащих Костантиногорской крепости и курортного поселка Горячие Воды (с 1830 г. – город Пятигорск) [7; 20]. Деятельность миссионеров в среде местного (ногайского и адыго-абазинского) населения особого успеха не имела, особенно после смерти основателя колонии. В 1835 г. миссия прекратила свое существование, но часть миссионеров и их потомков осталась в колонии.

Постоянный приток немецкого населения и его соперничество с шотландцами привели к тому, что постепенно Каррас превратился в немецкую колонию и вблизи него образовались еще две немецкие колонии – Николаевская и Константиновская. К концу XIX в. в регионе Кавказских Минеральных Вод немцы стали вторым после русских по численности этносом. Это соотношение сохранялось вплоть до 1941 г. [10]. Со второй половины XIX в. немецкие колонии оказывали сильное влияние на развитие курортов Кавминвод [17; 18].

Шотландские миссионеры и немецкие колонисты участвовали в сложных процессах взаимоотношений российских властей и местного (ногайского и адыго-абазинского) населения в регионе Кавказских Минеральных Вод. Об этом говорится в публикациях историка В.А. Фоменко [24; 25; 22; 23; 21].

В 2012 г., к 210-летию основания колонии Каррас (современный пос. Иноземцево), были проведены I Каррасские научные чтения [3]. В материалах этой конференции содержится несколько важных публикаций, в частно-

сти об истории Итальянской колонии, а также соседней немецкой колонии Темпельгоф, расположенных на северной периферии Кавминвод [16].

Немецкие поселения в регионе Кавказских Минеральных Вод были важной и неотъемлемой частью множества немецких колоний Кавказа [11; 12; 14; 1; 9; 27; 28] и европейской России [8; 15; 19].

Список литературы

1. Бабкова В.Ю. Социальная и хозяйственная адаптации меннонитов к условиям Северного Кавказа в 60-е годы XIX – начале XX вв. // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008. 30 с.
2. Боглачева Н.А., Боглачев С.В. Шотландские миссионеры у Бештовых гор // Кавказский край. Пятигорск, 1997. № 52.
3. Каррасские научные чтения. Материалы научно-практической конференции. Пятигорск, 2013. 324 с.
4. Краснокутская Л.И. История Шотландской миссии на Северном Кавказе (1802-1835 годы) // Дисс. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2000. 208 с.
5. Краснокутская Л.И. Иноземцево. Страницы истории (1802-2002). Пятигорск, 2002. 92 с.
6. Краснокутская Л.И. Шотландская миссия на Северном Кавказе. Пятигорск; М., 2005. 140 с.
7. Краснокутская Л.И., Фоменко В.А. Константиногорская крепость // Из истории народов Северного Кавказа. Сборник научных статей. Ставрополь, 2000. С. 76-79.
8. Немецкие населенные пункты в Российской империи. Справочник. М. 2006.
9. Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (последняя четверть XVIII – середина XX в.). Сборник документов / Сост. Т.Н. Плохотнюк. Ставрополь, 2002.
10. Плохотнюк Т.Н. Депортация немцев Северного Кавказа // «Выселить с треском». Очевидцы и исследователи о трагедии российских немцев: сборник научных статей и воспоминаний. М., 2011. С. 147-175.
11. Плохотнюк Т.Н. Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (конец XVIII – середина XX в.) // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 1996. 26 с.
12. Плохотнюк Т.Н. Образование немецких колоний на Северном Кавказе // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. Материалы конференции. М., 1998. С. 109-133.
13. Плохотнюк Т.Н. Образование Шотландской колонии Каррас в контексте миграционной политики России // Каррасские научные чтения. Материалы научно-практической конференции. Пятигорск, 2013. С. 18-27.
14. Плохотнюк Т.Н. Российские немцы на Северном Кавказе М., 2001. 238 с.
15. Плохотнюк Т.Н. Российско-германские трансграничные перемещения населения (1871-1925 гг.): историко-компаративный анализ // Дисс. ... доктора ист. наук. Ставрополь, 2004. 530 с.
16. Скрипник А.В., Скрипник, Л.А. История Итальянской колонии на Кавминводах // Каррасские научные чтения. Материалы научно-практической конференции. Пятигорск, 2013. С. 82-94.
17. Скрипник Л.А. Участие немцев в становлении и развитии курорта на КМВ, 1774-1863 гг. // Дисс. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2001. 175 с.
18. Скрипник Л.А. Историческое значение немцев в становлении и развитии курортов на Кавказских Минеральных Водах. М., 2002. 148 с.
19. Терещенко А.Г., Черненко А.Л. Российские немцы на Юге России и Кавказе. Энциклопедический справочник. Ростов-на-Дону, 2000.

20. Фоменко В.А. Константиногорская крепость. Исторический очерк. Пятигорск, 2002. 24 с.
21. Фоменко В.А. Об адыго-абазинском и ногайском населении Пятигорья в период Кавказской войны // Кавказская война: события, факты, уроки (к 150-летию окончания). Материалы международной научной конференции. Нальчик, 2014. С. 175-185.
22. Фоменко В.А. О некоторых конфессиональных группах восточно-адыгского этноса во второй половине XVI – начале XX в. // Демократия в России: проблемы и перспективы развития). Материалы научно-практической конференции. Кизляр, 2011. С. 285-289.
23. Фоменко В.А. Об одном престижном захоронении на старом кладбище в поселке Иноземцево // Виноградовские чтения. Материалы международной научно-практической конференции. Армавир, 2015. С. 141-144.
24. Фоменко В.А. Пятигорье в XV – середине XVIII в. Пятигорск, 2002. 76 с.
25. Фоменко В.А. Пятигорский некрополь // Провинциальный город в XVIII-XXI вв. (история, экономика, культура). Материалы Международной научно-практической конференции. Кизляр, 2008. С. 158-166.
26. Фоменко В.А. Шотландская колония Каррас и ее памятники // Данилов А.В., Фоменко В.А. Из истории поселка Иноземцево (к 210-летию основания шотландской колонии Каррас). Пятигорск, 2012. С. 23-31.
27. Чернова Т.Н. К истории первых немецких поселений на Ставрополье // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск, 2004. № 4. С. 157-162.
28. Чернова-Дёке Т.Н. Немецкие поселения на периферии Российской империи. Кавказ. М., 2008. 208 с.

РУЙМОН И САМЕЛИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДВУХ ПЕРСОНАЖЕЙ ОСЕТИНСКОЙ МИФОЛОГИИ

Дарчиев А.В.

старший научный сотрудник отдела этнологии, канд. ист. наук,
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра Российской академии наук,
Россия, г. Владикавказ

Статья посвящена рассмотрению малоизученных персонажей осетинской мифологии: Руймону и Самели. Сравнительный анализ выявляет между ними черты значительного сходства. Автор приходит к выводу, что обнаруженные между Руймоном и Самели соответствия объясняются влиянием, которое оказала на формирование данных образов иудейская мифология.

Ключевые слова: осетинская мифология, иудейская мифология, Руймон, Самели, Левиафан, Самаэль.

Легенды о змеевидном чудовище по имени Руймон содержат ценные сведения для реконструкции традиционных религиозно-мифологических представлений осетин, поэтому их всестороннее исследование представляется весьма актуальной задачей.

Важным аспектом изучения образа Руймона является установление его связей и аналогий внутри осетинской фольклорной традиции и за её пределами. Исследователи уже обратили внимание на тот факт, что Руймон в не-

которых чертах сближается с другим демоническим персонажем осетинской мифологии по имени Самели [7]. Хотя в сохранившемся в изложении В.Ф. Миллера предании Самели не наделяется змеевидными, или какими-либо иными зооморфными чертами, он, так же как и Руймон, грозит уничтожением всему человечеству [5, с. 299]. Небесные силы, спасая людей, «нейтрализуют» обоих очень похожим, если не одинаковым, способом. Самели был поднят в небо самим Богом, и там его приковали железными цепями к луне, отчего на ней и видны пятна [5, с. 299]. Но и Руймона также поднимает на небо железными цепями Белый Елиа, где дракона рассекают на части небожители [5, с. 295-296]. Существовали, по-видимому, и другие варианты, согласно которым, Белый Елиа приковывает поднятого в небо Руймона к луне – абсолютно так же, как и Самели. Обнаружить такие варианты нам не удалось, однако Ф.М. Таказов и З.К. Кусаева неоднократно их упоминают в своих работах, хотя, к большому сожалению, нигде не приводят ссылок на источники, из которых они почерпнули эти сведения [8, с. 91; 7; 9; 10]. Во всяком случае, отношение Руймона к представлениям о лунных затмениях подтверждается и таким выдающимся учёным-осетиноведом, собирателем и знатоком осетинского фольклора, как Г.А. Дзагуров. В глоссарии к изданию текстов осетинских народных сказок он пишет: ««Руймон – (диг.) – дракон. С ним связан ряд народных поверий и сказаний о затмении луны» [6, с. 537].

Итак, в образах Руймона и Самели прослеживается определённое сходство. Этот факт не может не вызывать вопросов, учитывая, что оба персонажа имеют довольно слабые связи внутри осетинской традиции, а по некоторым своим характеристикам и вовсе находятся в изолированном положении. Закономерно возникает вопрос: чем объясняется близость этих персонажей? Рассматривая ранее оба этих образа в отдельности, безотносительно друг к другу, мы высказали мнение, что они несут на себе явные следы влияния иудейской мифологии. При этом Руймон во многом соответствует иудейскому дракону Левиафану [3], а Самели – иудейскому повелителю демонов Самаэлю [4]. Не кроется ли здесь причина особой близости между Руймоном и Самели? Чтобы ответить на этот вопрос, нам необходимо выяснить, имеются ли подобные точки соприкосновения у иудейских Левиафана и Самаэля.

Считается, что в еврейских народных верованиях Левиафан представлялся великим небесным драконом, который враждует с солнцем и луной и потому стремится проглотить их, погрузив всё во тьму. Иными словами, здесь содержится аллюзия на хорошо известное суеверие относительно солнечных и лунных затмений, встречающееся у многих народов [11, р. 316-317; 14, sp. 1042].

Согласно раввинистическим представлениям, Самаэль выступает в образе змея, и уже этот факт, несомненно, сближает его с драконом Левиафаном. Приняв облик змея, Самаэль склоняет Еву ко грехопадению, последствием которого стало убывание луны [12, р. 370], и появление на ней пятен [13, р. 198-199]. Как видим, Самаэль так же как и Левиафан, оказывается участником лунарного мифа, причём в одинаково негативном аспекте, то есть нанося ущерб ночному светилу. Выше мы отмечали, что в аналогичной роли в осетинской мифологии выступают Руймон и Самели.

Самаэля и Левиафана объединяет ещё одна весьма специфическая черта. Во многих текстах, еврейских и нееврейских, имя Самаэль толкуется как «Слепой бог». Данное представление, берущее начало в еврейской традиции, о Самаэле получило особое развитие в близких к иудейским кругам гностических сектах [18, р. 719]. Но и Левиафан также представлялся «Слепым драконом». Более того, в гностической секте офитов и позднее в каббалистическом учении Самаэль прямо отождествлялся с Левиафаном [17, с. 260; 16, р. 246] (Ср. слепоту Руймона в осетинской легенде [5, с. 295-296]).

Наконец, оба персонажа обнаруживают ещё одно немаловажное совпадение: и Самаэль, и Левиафан ассоциируются с Римом, как олицетворением злейшего врага всех иудеев. Само возвышение Рима еврейская мифология связывает с Самаэлем, считая его покровителем греховного города [15, р. 361; 2, с. 331; 17, р. 463]. В первых веках новой эры в иудейском мифотворчестве прослеживается также тенденция к отождествлению Рима и Левиафана: враждебное иудеям государство наделяется теми же эпитетами и характеристиками, которые присущи чудовищному Левиафану [2, с. 331-332] (Ср. предложенную В.И. Абаевым этимологию имени Руймон – «Римлянин» [1, с. 430-431]). Как видим, между образами Левиафана и Самаэля прослеживается несомненная близость, доходящая у гностиков и каббалистов до их полного отождествления.

Подведём итог. Два персонажа осетинской мифологии – Руймон и Самели – несут на себе явные следы иудейского влияния. Руймон во многом соответствует дракону Левиафану, а Самели – повелителю демонов Самаэлю.

Причины особой близости в характеристиках Руймона и Самели, на наш взгляд, объясняется именно этими иудейскими связями данных образов, поскольку в иудейской мифологии Левиафан и Самаэль обнаруживают ещё более значительные черты сходства, отчасти совпадающие по содержанию с аналогиями между Руймоном и Самели.

Список литературы

1. Абаев В. В. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1973. 448 с.
2. Библиейские сказания и легенды / А. И. Немировский, А. П. Скогорев. М.: Литература, Мир книги, 2004. 432 с.
3. Дарчиев А.В. Осетинские легенды о Руймоне: происхождение и мифологическая основа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2015. № 6. Ч. I. С. 57-62.
4. Дарчиев А.В. Осетинское предание о Самели, прикованном к луне: происхождение и мифологическая основа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2014. № 12. Ч. II. С. 46-50.
5. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. М.: Типография А. Иванова (б. Миллера), 1882. Ч. II. 304 с.
6. Осетинские народные сказки. Запись текстов, перевод, предисловие и примечания Г.А. Дзагурова. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1973. 598 с.
7. Таказов Ф.М. Луна в фольклоре осетин // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=8879> (дата обращения: 28.12.2016).

8. Таказов Ф.М. Очерки демонологии народов Северного Кавказа. Владикавказ, 2008. 103 с.
9. Таказов Ф.М., Кусаева З.К. Образ Артауза в религиозно-мифологических воззрениях осетин // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15883> (дата обращения: 28.12.2016);
10. Таказов Ф.М., Кусаева З.К. Этиологические мифы о происхождении небесных светил в фольклоре осетин // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23683> (дата обращения: 28.12.2016).
11. A commentary on the Holy Scriptures: critical, doctrinal and homiletical, with special reference to ministers and students. New York: Charles Scribner's sons, 1872. 633 p.
12. Dan J. Jewish mysticism. The modern period. Northvale, N.J.: Jason Aronson, 1999. Vol. III. 448 p.
13. Eisenmenger J. A., Stehelin J. P., Buxtorf J. Rabbinical Literature: or, the traditions of the Jews, contained in the Talmud and other Mystical Writings. London: J. Robinson, 1748. Vol. I. 337 p.
14. Imschoot P. van. Leviathan // Bibel-Lexikon. Herausgegeben von Prof. Dr. Herbert Haag. Leipzig: Sankt-Benno, 1981. Sp. 1042-1043.
15. Patai R. Gate to the Old City: a book of Jewish legends. Detroit: Wayne State University Press, 1981. 807 p.
16. Patai R. Hebrew Goddess. Third enlarged edition. Detroit: Wayne State University Press, 1990. 368 p.
17. Pintel-Ginsberg I. Samael // Encyclopedia of Jewish Folklore and Traditions. Armonk; London: M.E. Sharpe, 2013. P. 463-464.
18. Scholem G. Ursprung und Anfänge der Kabbala. 2 Aufl. Berlin-New York: Walter Gruyter, 2001. 446 s.
19. Sholem G. Samael // Encyclopedia Judaica. Jerusalem: Keter, 1972. Т. XIV. P. 719-720.

АВТОРСКИЕ СТАТЬИ Н.И. КУЗНЕЦОВА В ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ БРОКГАУЗА И ЕФРОНА

Егорова В.П.

профессор кафедры истории России с древнейших времен до конца XIX в.,
канд. ист. наук, доцент, Дагестанский государственный университет,
Россия, г. Махачкала

В статье характеризуется деятельность ученого-ботаника Н.И. Кузнецова как сотрудника редакции Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, которая ранее не исследовалась. В ней дан обзор таких его значительных статей, как «Дагестан», «Дербент», «Военно-Грузинская дорога», «Военно-Осетинская дорога», а также небольших заметок о некоторых населенных пунктах северокавказского региона.

Ключевые слова: Н.И. Кузнецов, Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Дагестан, Дербент, Военно-Грузинская дорога, Военно-Осетинская дорога, населенные пункты, Северный Кавказ.

В своей предыдущей статье о профессоре Николае Ивановиче Кузнецове мы проанализировали его работу «В дебрях Дагестана» и показали, какой конкретный вклад он внес в изучение и охрану природы Дагестана, историю и этнографию народов его населяющих [6, с. 88-100]. В настоящей рабо-

те мы попытались осветить еще одну сторону его интеллектуальной деятельности, малоизвестную и не затронутую исследователями, дать обзор некоторых его статей, опубликованных им в уникальном справочном издании конца XIX века – многотомном энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (далее: «Словарь»), в списках сотрудников которого он состоял в течение 1892-1894 гг.

В «Словаре» была опубликована большая статья Н.И. Кузнецова о Дагестане [18, т.Х, п/т.19], в которой он систематизировал материал в следующей последовательности. Начинается его изложение с определения географического положения Дагестанской области, в котором были конкретно указаны ее границы, то есть названы пограничные водоразделы, горные хребты и их вершины, перевалы [18, п/т.19, с.26-27]. Подводя итог детальному орографическому описанию границ, автор статьи пишет: «Дагестан представляет из себя треугольник, с северо-запада и юго-запада резко ограниченный труднопроходимыми хребтами, с третьей же стороны, с востока, уединенный морем, с весьма слабо изрезанной береговой линией. Такое обособленное положение Дагестана среди остальных прилежащих местностей Кавказа должно было отразиться на своеобразном характере, как природы Дагестана, так и его населения». Он подчеркнул, что «единственными более доступными местами в Дагестане являются его северо-восточные и юго-восточные углы, т.е. полоса Каспийского моря, с севера и юга для свободного доступа к ней. Этот единственный проход на крайнем востоке Дагестана служил путем сообщения Европы с Азией с древних времен» [18, п/т.19, с. 27].

Затем в статье указана площадь (25 787 квадратных верст) Дагестана, который отнесен «к числу самых гористых местностей земного шара» и в который, «насколько трудно проникнуть снаружи, настолько же, если еще не труднее, передвигаться внутри его». Исходя из этого, автор заявил: «Эта дикость и скалистость Дагестана еще больше повлияла на характер его населения, разбив дагестанский народ на целый ряд отдельных племен [18, п/т.19, с. 27], что в свое время вызвало отрицательную реакцию у Е.И. Козубского. Далее автор продолжил экскурс в орографию Дагестана, а затем в примечании сказал об его административном делении на 9 округов: Темир-Хан-Шуринский, Аварский, Андийский, Гунибский, Даргинский, Казикумухский, Кайтаго-Табасаранский, Кюринский и Самурский [18, п/т.19, с. 27].

В статье есть подробная информация и о речных системах региона. Она давала возможность читателям «Словаря» узнать, что Сулак состоит из 4-х рек, называемых Койсу: 1) Андийское Койсу длиной в 180 верст; 2) Аварское Койсу длиной в 170 верст; 3) Кара-Койсу или Черное Койсу; 4) Казикумухское Койсу длиной в 90 верст. Сообщается также, где и как они протекают. Площадь земель, орошаемых бассейном Сулака приблизительно составляла 9800 кв. верст [18, п/т.19, с. 28]. Вторая речная система (Самурская) включала бассейн Самура (длина 190 верст), который «течет в море несколькими рукавами, образуя дельту шириною в 2 версты». В Каспийское море «непосредственно впадают речки «значительно меньшей длины» – Рубас-чай, Кусар-чай, Кудиял-чай, Кара-чай, Бяльбяла-чай и «множество других» [18, п/т.19, с. 28].

Климат региона характеризуется как «континентальный, суровый, на дне долин летом жаркий, на вершинах и верхних частях склонов гор холодный», вследствие чего «растительность Дагестана весьма скудна», «так бедна, так невзрачна и своеобразна» [18, п/т.19, с. 28-29]. Представить ее можно по следующему описанию ученого, лично наблюдавшего во время первой своей экспедиции в некоторых районах Дагестана подобное состояние флоры: «только в щелях» между «голых накаленных солнцем утесов» «торчат иногда неприхотливые, колючие, сухие кустарники, по берегам рек ютятся серебристый лох или колючее держи-дерево, да на значительных высотах, все на тех же голых скалах, торчат уединенно сосны» [18, п/т.19, с. 29].

Иной характер растительного покрова отмечен ученым около ледников Диклас-Мта или Богосского хребта, где «природа оживляется, появляются березовые рощи, альпийские луга, заросли рододендрона» [18, п/т.19, с. 29]. Большие сосновые леса находились в местах с более влажным климатом (Тушинская, Дидойская, Анкратльская и частично Самурская котловины). Растительный мир на Прикаспийской низменности и прилегающих к ней высотах гораздо богаче, о чем свидетельствует факт наличия в Темир-Хан-Шуринском и Кайтаго-Табасаранском округах дубовых лесов. В статье определены общая площадь лесов (277700 десятин) и их собственники («48291 дес. леса принадлежит казне, остальные находятся в частном и общественном владении») [18, п/т.19, с. 29].

По составу населения автор статьи разделил Дагестан на две части – западную и восточную. В первую им включены жители Андийского, Аварского, Гунибского и Кази-Кумухского округов – «исключительно лезгины». В остальных округах (Темир-Хан-Шуринский, Даргинский, Кайтаго-Табасаранский, Кюринский и Самурский) население было смешанное – «лезгины, кумыки, азербайджанские татары, таты, чеченцы, грузины». Кроме того во всех округах жили 10 тыс. евреев, 1072 армян и 5 тыс. русских [18, п/т.19, с. 29].

Н.И. Кузнецов привел интересный материал об экономическом положении Дагестана, о хозяйственной деятельности его населения. На первое место он поставил земледелие, отметив при этом, что удобных для него земель было не более 150 000 десятин. Этим исследователь и объяснял наличие террасного земледелия, к которому жители прибегали для увеличения площади возделываемой земли, сожалел, что «нередко этот с трудом созданный клочек земли уничтожается каменным или снеговым обвалом, или сносится горным потоком во время таяния снегов» [18, п/т.19, с. 29]. Он подчеркнул, что «поля и сады в Дагестане большей частью требуют искусственного орошения», что за счет оросительных каналов и канав во всех округах, кроме Андийского и Казикумухского, поливные земли «насчитывали 780850 десятин». Из возделываемых зерновых культур названы рис, кукуруза, пшеница в Прикаспийской низменности, озимые зерновые хлеба в нагорной части, а в альпийской области – «только ячмень и моор (голый ячмень)».

По этим же зонам, но в другой последовательности (не сверху вниз, а снизу вверх) приводятся сведения о садоводстве. Так, на юге Каспийского

побережья выращивали персики, абрикосы, миндаль, виноград, в нагорной части сады разводили «только в местах, защищенных от ветра». Автор статьи сделал оговорку о том, что в более благоприятных условиях для развития садоводства находились три округа: Темир-Хан-Шуринский (в нем под виноградники было занято 660 дес. земли, а под фруктовыми деревьями – 248 дес.), Кайтаго-Табасаранский и Кюринский, «славившийся разведением черешневого дерева» [18, п/т.19, с. 29].

Из минеральных богатств Дагестана («мало исследованных») названы такие, как «серебро, медь, железо из руд, сера, каменная соль», а также районы известных в то время их месторождений: Самурский округ – серебро-свинцовые руды, Андийский округ – сурьмяная руда, Темир-Хан-Шуринский округ – никелевая руда, Гунибский округ – каменная соль, Андийский и Кайтаго-Табасаранский округа – добыча соли из соленых источников. Кроме того зафиксировано наличие в Дагестанской области «руды ртутной и мышьяковой, серного колчедана, каменного угля, горючего сланца, торфа, нефти, гипса, известняка, доломита и других строительных камней, аспидного сланца, огнеупорной глины» [18, п/т.19, с. 29-30]. «Фабричная и заводская деятельность», по мнению автора, была сосредоточена «главным образом в городах: Дербенте, Темир-Хан-Шуре и Петровске» [18, п/т.19, с. 30].

Но все же «главным источником благосостояния жителей Дагестана» Николай Иванович считал кустарные промыслы, которыми «занимаются как мужчины, так и женщины, первые обрабатывают металлы, дерево, кожу, глину; занятия женщин – пряжа, тканье, выделка сукон, ковров и бурок, войлоков, вышивание по шелку, бархату, сукну и коже; отчасти они занимаются и гончарным промыслом» [18, п/т.19, с. 30].

Что же касается сути отхожего промысла, то он, как писал Кузнецов, был «сильно развит; ежегодно по окончании уборки хлеба большая часть жителей Дагестана, преимущественно Нагорного, уходят на заработки в соседние губернии, в Закаспийскую область и даже во внутренние губернии России, нанимаются чернорабочими, сторожами; ремесленники устраивают временные мастерские, переходят с ними из города в город...». В доказательство широкого развития отхожих промыслов им был приведен тот факт, что ежегодно отходникам выдавалось от 35 до 40 тыс. отпускных билетов. Он особо подчеркнул: «Имея самые примитивные орудия, горцы достигли усидчивостью и упорным трудом той чистоты и изящества, какими отличаются их изделия, расходящиеся по всей России» [18, п/т.19, с. 30].

Развитие рыболовства естественно было ограничено побережьем Каспийского моря, где им «занималась лишь небольшая часть жителей» Темир-Хан-Шуринского, Кайтаго-Табасаранского и Кюринского округов, что объяснялось автором статьи «незнанием морского дела, а отчасти и тем, что жители – мусульмане не употребляют в пищу рыбу» [18, п/т.19, с. 30].

Большая роль «в благосостоянии населения шести нагорных округов» отведена скотоводству и «преимущественно овцеводству». Грубошерстные овцы мелкой курдючной породы «зимой перегоняются с гор на плоскость и в соседние области и губернии». О видовом разнообразии домашних животных

в Дагестанской области свидетельствуют следующие приведенные автором статьи статистические сведения: «В 1891 г. в области было: лошадей 46692, ослов 32287, катеров (мулов) 757, быков и коров 292591, буйволов 24926, овец 1486647, коз 168766 и свиней 161» [18, п/т.19, с. 30].

Торговля в области «исключительно внутренняя, мелочная; ввоз и вывоз товаров сравнительно невелик; в 1891 г. привезено всего 1336412 пуд., вывезено 666100 пуд.»

Автором статьи приводятся сведения о наличии в Дагестанской области храмов различных конфессий: православных 8, армяно-григорианских 3, католических (костелов) 2, мусульманских мечетей – «у суннитов 1198, у шиитов 33, джами 154», еврейских синагог 22, молитвенных домов 5 [18, п/т.19, с. 30]. По конфессиональному признаку определено и число жителей Дагестана (590356 – всего): «магометан суннитов – мужчин 299657, женщин 286772; православных – мужчин 6370, женщин – 3194; армяно-григориан 1573 человек, иудеев – мужчин 5586, женщин 4955; католиков и лютеран немного, равно как и сектантов» [18, п/т.19, с. 31].

По этносам выделены: аварцы – 59837 чел., кюринцы – 54482 чел., даргинцы – 54303 чел., кумыки – 32087 чел., казикумухцы – 2382 чел., табасаранцы – 14463 чел., азербайджанские татары – 11473 чел. С ними связана информация и о языках народов Дагестана. «Самостоятельных, хотя и родственных между собой языков, – писал Н.И. Кузнецов, – считается шесть; наречий же насчитывается столько, насколько различных обществ дробятся горцы Дагестана» [18, п/т.19, с. 31].

В статье дается характеристика следующим языкам: аварскому, лакскому или «казикумухскому», кюринскому и «родственным с ним» рутульскому и цахурскому, даргино-кайтагскому («четвертый господствующий язык Дагестана», в котором по Услару выделены акушинская, хайдакская и буркунская группы) [18, п/т.19, с. 31], табасаранскому («господствуют по бассейну р. Рубас-чая», андийскому.

«Вдоль берега Каспийского моря, в южной части его, в Дербентском округе поселились» азербайджанские татары. «На севере до самой границы Дагестана и далее в Терской области до р. Терека находятся кумыки». «Близ Дербента расположились отдельными слободами евреи (татский язык) [18, п/т.19, с.32].

Читатели «Словаря» знакомились и с организацией существовавшей тогда в Дагестане системой военно-народного управления, схема которого была приведена в статье Кузнецова. В ней также была дана краткая характеристика состояния системы медицинского обслуживания населения: «окружных врачей 9; при каждом фельдшер, он же и аптекарь, и по два оспопрививателя из туземцев. Больниц в области нет, за исключением приемного покоя на 5 кроватей в сел. Касумкент Кюринского округа. Военные госпитали учреждены в трех городах, но жители могут ими пользоваться только за установленную плату. В 1891 г. за медицинской помощью к окружным врачам обращалось 19405 чел.» [18, п/т.19, с. 30-31].

Здесь же говорится и о том, что в области отсутствуют благотворительные заведения и богадельни, поэтому «беднейшие жители» содержались благодаря «закяту», то есть мусульманскому обычаю, по которому «0,1 часть произведений земли отдавалась в пользу неимущих». «В 1891 году таким образом, – писал Кузнецов, – было прокормлено более 15 тысяч человек» [18, п/т.19, с. 31].

В статье был затронут вопрос и о состоянии народного образования в Дагестанской области, в которой в то время имелось всего 8 начальных училищ («два двухклассных, содержимых на средства министерства народного просвещения с небольшой помощью со стороны населения, на остальные расходуются штрафные деньги»), 698 школ при сельских мечетях и 8 при синагогах. Отмечались характерные черты религиозного образования.

Еще раз подчеркнем, что анализируемая нами статья действительно была большая. Если ее текст перевести в современный типографический формат (увеличить шрифт, интервалы между строками, убрать сокращение слов, допускаемое в справочной литературе), то объем статьи Н.И. Кузнецова «Дагестан» составит не менее одного печатного листа. Не случайно редакция 19-го полутома «Словаря» включила ее в рубрику «Более значительные по объему статьи».

Представленное Кузнецову редакцией «Словаря» печатное пространство позволило ему дать читателю достаточно полное представление о Дагестане – территории, мало знакомой россиянам. Однако следует отметить, что его материалы, краткий обзор которых мы выше привели, почти сразу после выхода в свет соответствующего тома «Словаря» подверглись резкой критике со стороны Е.И. Козубского – преподавателя истории и географии Темир-Хан-Шурина реального училища, который наряду с преподавательской деятельностью активно занимался наукой [11]. Она касалась фактического материала, который рецензент зачастую дополнял и исправлял, что у нас не вызывает возражения. Однако в настоящей статье мы позволили не согласиться с некоторыми критическими замечаниями Козубского относительно содержания статей Кузнецова в словаре Брокгауза и Ефрона, а также несколько откорректировать оценки, содержащиеся в наших предыдущих публикациях [5, с. 107; 6.].

Особой критике была подвергнута та часть статьи, которая посвящена этнографическому обзору Дагестана [11, с. 445-446]. Он резко выступил против утверждения Кузнецова о том, что «дикость и скалистость Дагестана еще более повлияла на характер его населения, разбив и без того уже своеобразный Дагестанский народ на целый ряд отдельных племен». (Подчеркнутое нами Козубским выделено курсивом). Считаем, что здесь критик несколько увлекся в пылу разоблачения. «Дагестанский народ» – выражение, употребленное Кузнецовым, вполне правомерно, так как под термином «народ» здесь подразумевается общность людей, различающихся по характерным признакам, о чем собственно и писал Кузнецов, употребив не совсем подходящее понятие «племена» к малым народностям Дагестана.

Здесь же Козубский категорически не согласился с Кузнецовым, который говорил «о коренных обитателях Дагестана», об их языках, о наречиях, которых «насчитывалось столько, на сколько различных обществ дробились горцы Дагестана» [11, с. 448]. Нам кажется, что в данной ситуации тезис Николая Ивановича «о соответствии числа языков и наречий числу обществ» можно считать вполне приемлемым. Сошлемся на современные исторические исследования и энциклопедические издания, в которых фигурируют такие коренные народы Дагестана, как андийцы, каратинцы, тиндинцы, годоберинцы, ботлихцы, хваршины, кубачинцы, рутульцы и многие другие, названия которых непосредственно связаны с наименованиями тех населенных пунктов, где они жили, тех сел, которые являлись центрами сельских обществ [8, с. 6]. Если к этим языкам прибавить еще и диалекты, также связанные с конкретными населенными пунктами, то число местных наречий значительно увеличится. Для примера возьмем ахвахский язык, в котором различают цекобский и тлянубский говоры, а чамалинский язык распадается на гакваринский и гигатлинский диалекты, названия которых также происходят от названий сел [12, с. 677-678].

Не можем согласиться с замечанием нашего оппонента и относительно утверждения Кузнецова, что «жители Темир-Хан-Шурина и Даргинского округов уходят в извоз» [18, п/т.19, с.30; 11, с. 446]. Козубский в своей статье объясняет, что значит «заниматься извозом», то есть «специально жить промыслом, иметь для сего особые перевозочные средства». Но Кузнецов говорил лишь об «уходе в извоз», а не о постоянном занятии им. Отметим, что оба наши фигуранта (автор и критик) пользовались одним и тем же источником – материалами «Кавказского календаря на 1893 год», где не только утверждалось, что «извозом занимаются преимущественно жители Темир-Хан-Шурина и Даргинского округов», но и объяснялось, в чем это выражалось, что составляло предмет извоза («перевозятся товары, получаемые морем из Астрахани и Баку, а также провиант, доставляемый в части войск»), как этот промысел был обеспечен средствами передвижения (участники извоза названы «арабщиками»), указывались маршруты извоза (Петровск, Темир-Хан-Шура, Гуниб, Хунзах, Дешлагар, Дербент, Чир-юрт), которые не ограничивались пределами Дагестанской области [10, с. 154].

Относительно замечания Козубского о «скитальческой жизни» лакцев следует сказать, что повод для критики ему был дан автором статьи, который не совсем правомерно расширил содержание понятия «отходничество». Он писал, то казикумухцы «вследствие бедности и неплодородия страны, принуждены вести скитальческую жизнь...» [18, п/т.19, с. 31]. Нам кажется, что Николай Иванович в выражение «скитальческая жизнь» внес эмоциональный акцент, сочувствуя многочисленным отходникам Казикумухского округа, которые на длительное время ежегодно покидали свои «деревни», добывая на чужбине средства для обеспечения своих семей. Их жизнь вне дома не была легкой.

Завершая анализ статьи Н.И. Кузнецова «Дагестан», отметим, что Е.И. Козубский зачастую верно исправлял и дополнял сведения автора статьи

в «Словаре», конкретизировал их, о чем мы раньше уже говорили [5, с.104-108]. Между тем мы полагаем, что формат словарной статьи, статус самого справочного издания не позволили Николаю Ивановичу в деталях показать положение Дагестанской области в конце XIX века.

В словаре Брокгауза и Ефрона Н.И. Кузнецов опубликовал статью «Дербент» [18, п/т.19, с. 423]. В ней сообщалось, что этот «портовый город Дагестанской области» расположен «на западном берегу Каспийского моря, под 42° 4' с.ш. и 66° 33', в расстоянии 143 ½ верст от Темир-Хан-Шуры и 714 верст от Тифлиса», что Дербентский проход – «это единственный удобный естественный путь... из Предкавказья в Закавказье». Именно через него, по словам автора, «в древние времена происходили постоянные передвижения народов», среди которых он назвал гуннов, хазар, арабов, персов, «полчища Тамерлана». В статье приведено около полутора десятков наименований Дербента, имевшихся у «классических писателей», «армянских историков», у лакцев, даргинцев, кайтагцев, персов, арабов, турок, грузин. Хронология событий, посвященных процессу присоединения Дербента к России, начинается 1722 г. («персидский поход Петра I») и заканчивается 1813 г. («Гюлистанский договор»).

Завершив этот исторический экскурс в прошлое, Николай Иванович дал следующее описание города: «В настоящее время Дербент – оригинальный, живописный городок, расположенный узкой полосой по склону гор; длина его 3 версты, наибольшая ширина по берегу моря не превышает 320 саж. С севера и юга Дербент обнесен высокими стенами, которые заканчиваются с западной стороны цитаделью (Нарын-кале), расположенной на вершине горы и обнесенной стеной; камни, из которых сложены стены, имеют от 4 ½ до 6 сажен вышины и от 4 до 7 футов толщины; на стенах видны арабские и сасанидские надписи» [18, п/т.19, с. 423].

Из сказанного видно, что читатели «Словаря» в конце XIX – начале XX вв. получали вполне адекватное представление о внешнем облике города Дербента, об особенностях его древней застройки, о крепостных стенах и башнях, развалины которых были видны «на протяжении 80 верст к западу от города». Им сообщалось также о мусульманском кладбище, «где по преданию, погребены предводители первого отряда арабов, пришедшего в Дагестан для водворения ислама». Очевидно речь шла о Кырхляре – «одном из древних захоронений на Кавказе» [11, с. 451; 4, с. 276].

Автор статьи посчитал необходимым привести статистику народонаселения города, которое он классифицировал по религиозному и этническому признакам. Говоря о занятиях жителей Дербента, он ограничил их только садоводством, считая его «главным занятием жителей Дербента», в окрестностях которых имелось «до 1500 садов, где разводились персики, абрикосы, груши, сливы и другие фрукты, а также виноград, из которого приготавливали вино и водку» [18, п/т.19, с. 423].

Отметим, что по поводу и этой статьи Козубский сделал ряд верных замечаний, касавшихся персоналий, статистических данных об армянском населении города, о суннитах и шиитах [18, п/т.19, с. 423; 11, с. 451-452]. Од-

нако мы считаем, что пропуск 1806-го года в хронологии процесса присоединения Дербента к России не является фатальной ошибкой автора статьи, ибо он верно назвал две его крайние даты: поход Зубова 1796 г. и «окончательное присоединение» Дербента в 1813 г.» [18, п/т.19, с. 423; 11, с. 451-452].

Козубский считал, что на кладбище Кырхляр, которое Кузнецов назвал просто «мусульманским кладбищем близ города», были «похоронены не предводители арабов, а предводитель и 40 воинов, павших с ним» [11, с. 453]. Замечание это не можем считать существенным, так как до сих пор по этому вопросу нет единого мнения. Некоторые исследователи и сейчас отмечают, что сообщения арабских историков о происхождении захоронения Кырхляр «довольно путаные», и связывают «данный памятник с тюрками-огузами». Не случайно автор «Энциклопедии города Дербента» подчеркивает, «что еще в древние времена арабы считали погребенных здесь своими сыновьями, персияне – своими соплеменниками, азербайджанцы – своими сородичами» [4, с. 279-280].

Насколько верно Н.И. Кузнецов определил место города Дербента в истории кавказского региона, можно судить по новейшим справочным изданиям. Так, например, в своем «Справочнике» С.М. Нурмагомедов пишет: «Известно более 200 названий города в древних языках, исторических памятниках, но почти все названия включают слова «ворота», «затвор», «дверь» ... И это не случайно». Он подчеркнул главные особенности застройки города Дербента и его местоположения. «Выстроенный в самом узком месте прохода между скалами и морем, – пишет он, – город-крепость с мощными фортификационными сооружениями, стенами и башнями, массивными железными воротами был высшим для своего времени достижением военно-инженерного искусства». Он назвал место расположения Дербента «перекрестком миров, через который всегда пролегали самые удобные маршруты мировой торговли» [12, с. 172].

Одну из своих маленьких статей в «Словаре» Кузнецов посвятил дагестанскому селению Гимры [18, п/т.16, с. 713]. В ней четко определены географические ориентиры этого селения («Гимры – аул в Дагестане в Аварском округе, на реке Аварское Койсу, близ слияния его с рекой Андийское Койсу; находится при выходе из Гимринского ущелья, на высоте 926 футов»). Далее даны сведения исторического характера, связанные с Кавказской войной. В статье верно отмечено, что Гимры – место рождения Шамиля, что 17 октября 1832 г. Гимры были «заняты русскими войсками», что «во время штурма аула» Кази-мулла был убит. Николай Иванович указал еще на два эпизода Кавказской войны, свидетельствовавших о месте в ней села Гимры: 1) «В 1834 г. Гимры был разрушен отрядом Клюки-фон-Клюгинау как главный притон мюридов» и 2) в конце 1843 г. царские войска оставили Гимры. Завершаются военные сюжеты концом 1843 года, когда «войска наши оставили Гимры и еще три укрепления, которые перешли во владения Шамиля». В конце статьи речь идет о том, что это село в «то время» «славилось своими фруктовыми садами» [18, п/т.16, с. 713].

Козубский, упоминая последний военный сюжет в своей статье, задает Кузнецову вопрос: «Разве только три укрепления, кроме Гимр перешли к не-

приятелю в конце злополучного 1843 года?», оставляя его без ответа. Очевидно критик должен был пояснить, что «1843 год оказался ... плачевным для царских войск», которые, по словам одного из генералов, «были деморализованы и стыдились своего бессилия», так как в это время «Шамиль захватил 12 русских крепостей, много трофеев, в том числе 35 орудий [16, с. 105].

Сотрудничество Н.И. Козубского с редакцией Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона не ограничивалось публикациями статей о Дагестане. На его страницах нашлось место для статей и по другим регионам Северного Кавказа. Особого внимания заслуживают те из них, которые посвящены двум шоссейным дорогам, связывавшим Россию с Грузией, – Военно-Грузинской и Военно-Осетинской.

В первой из них [18, п/т.12] Н.И. Кузнецов в самом начале пояснил, что дорога, «известная под именем Военно-Грузинская» пролегла между Владикавказом и Тифлисом» и имела протяженность 200 верст. И в наши дни оба эти города считаются конечными пунктами названной дороги [7]. Однако здесь следует отметить, что по вопросу о начальном пункте Военно-Грузинской дороги были и другие мнения. Так, А.С. Пушкин, подробно описав в «Путешествии в Арзрум» свой путь следования на Кавказ, сообщал, что из Георгиевска он со своими спутниками прибыл в Екатериноград, «бывший некогда наместническим городом». Он утверждал, что именно «с Екатеринограда начинается военная Грузинская дорога». Здесь заканчивался почтовый тракт и «путешественники» нанимали лошадей до Владикавказа [15, с. 300]. В конце 80-х годов XIX в. В.А. Потто в своем пятитомном труде, посвященном Кавказской войне, дословно процитировав А.С. Пушкина, присоединился к его мнению [14, с. 558].

Очевидно они были правы. В 1822 г. Екатериноград утратил статус города и превратился в станицу. Однако в коллективном труде по истории народов Северного Кавказа он упомянут как город, в котором в 1847 г. 3519 человек «приняли участия в торговых операциях на Кавказской линии» и через который «кабардинцы, осетины и балкарцы вывозили лес» на продажу. В 1847 – 1852 гг. через екатериноградский карантин было перевезено 17916 арб лесоматериалов [9, с. 82] Эти факты – свидетельство того. Что Екатериноград (независимо от его статуса) в течение всего XIX века вполне мог выступать в качестве начального пункта Военно-Грузинской дороги.

В «Словаре» Н.И. Кузнецов сформулировал тезис о том, что «при прокладке Военно-Грузинской дороги приходилось бороться и с природой, и с горскими племенами». Именно первому объекту этой «борьбы» и посвящен основной текст статьи. Так, говоря о трудностях строительства дороги, он писал: «Огромные куски горных масс были отрываемы от скал, чтобы сделать спуск более пологим, складывали параллельно им искусственную стену и промежуток заполняли камнями» [18, п/т.12, с. 843].

Большую опасность представляли и снежные обвалы, которых в XIX веке произошло три – в 1808-м, 1817-м, 1832-м годах. «Особенно ужасным» был последний, который так детально описан в статье: «12 августа обрушилась такая масса снега, льда и камней, что засыпала дно ущелья на протяже-

нии 2-х верст, высотой в 50 сажен. Терек в некоторое время остановился в своем течении, образовав выше обвала большое озеро, а у Владикавказа переходили реку вброд. Эта свалившаяся масса льда и снега загоразживала дорогу в продолжение двух лет; переходили ее пешком по вырубленным в снегу ступенькам».

Другим «опасным местом» на дороге был назван перевал между станциями Коби и Млеты, где «в зимние месяцы стоит только небольшому комку снега оторваться, как вслед за ним обрушивается целая масса снега». Среди мер борьбы с «завалами» названо строительство на склонах гор горизонтальных площадок и каменных галерей.

Далее в статье характеризуется сама дорога Владикавказ-Тифлис, представлявшая собой широкое шоссе, шедшее «по ущельям Терека и Арагви и водоразделу между ними». На этом ее пути располагалось 11 станций (4 на северном склоне и 7 за перевалом). «Верст пять, – писал ученый, – дорога идет по равнине, прежде чем вступить в горы. Затем она подходит к самому берегу, извиваясь с ним среди утесов». На этом ее пути названо 2 небольших укрепления (Редант и Дусераховское), ранее служивших князьям Дударовым, местом пребывания которых было селение Ларс со сторожевой башней, где они (до начала XIX в.) «ни одного путника не пропускали без выкупа», представлявшего собой «кусочек грубого полотна на рубаху» [18, п/т.12, с. 843-844].

«Проезд от Ларса, – отмечал Кузнецов, – до станции Казбек, – один из замечательнейших по величию и дикости скал, образующих Дарьяльское ущелье». В конце ущелья на высоте 4122 футов на правом берегу Терека располагалось небольшое Дарьяльское укрепление. Следующая станция Казбек находилась «вблизи аула князей Казбеков», а на противоположном берегу Терека – аул Гергеты. «Над всем этим пейзажем царила снежная вершина Казбека», с которой спускался ледник Степан-Цминда. Станция Коби – последняя остановка перед перевалом. Дорога к ней шла «по плодородной долине Терека», расширявшейся с обеих сторон за счет впадавших в него рек. На боковых отвесных скалах располагались осетинские аулы, жители которых по возможности очищали клочки земли от камней и засеивали их ячменем.

В 6-ти верстах от станции Коби начинался подъем на высоту более 7700 футов над уровнем моря, куда вела дорога, проложенная вдоль притока Терека – небольшой речки Байдар, по имени которой названы ущелье и аул. В статье сообщается, что в сел. Байдар сложилась интересная традиция, в соответствии с которой его жители считали своей неременной обязанностью «оказывать путникам помощь в случае завалов», происходивших здесь в зимнее время. На перевале, на вершине Крестовой горы, по приказанию А.П. Ермолова в 1824 г. был поставлен каменный крест. Отсюда (от карниза Гуд-горы) начинался спуск на южную сторону – в «Чертову долину», представляющую «с одной стороны – отвесные высочайшие скалы, с другой – пропасть, на дне которой, на глубине 2000 футов, течет Арагва». Здесь названы станции Гудаур и Млеты. У станции Млеты, располагавшейся на высоте 4961 футов, в отвесных скалах был вырублен Земамлетский спуск, строительство которого связывали с именами инженера Статковского и кав-

казского наместника князя Барятинского, в память о которых в скале была «вделана мраморная доска».

На южном спуске располагались горные аулы, окруженные «группами деревьев и заповедными рощами», а также станции Пасанаури (с небольшой церковью), Ананур, Душет, Цилканы, село Мухран («славящееся своими виноградниками»), «станция и городок Мцхет» («некогда бывший столицей Грузии»). На крутом правом берегу реки Веры стоял «чугунный крест в память избавления от опасности императора Николая I, проезжавшего здесь в 1837 г. по неоконченной еще дороге» [18, п/т.12, с. 844].

Автор анализируемой статьи не только перечислил станции, располагавшиеся вдоль Военно-Грузинской дороги, и дал характеристику некоторых ее участков, но и рассказал о сохранившихся до конца XIX века исторических памятниках и памятных местах. Так, среди них он обратил внимание на следующие историко-культурные объекты: сторожевые башни князей Дударовых; Александровский мост, «заложенный в 1850 г. наследником престола», будущим Александром II; развалины башни царицы Тамары, располагавшейся на левом берегу Терека напротив Дарьяльского укрепления; церковь святой Троицы на вершине горы Квенем-Мта, построенную царицей Тамарой. Особо выделен аул Сион, где стоял храм, «построенный во времена могущества Грузии», «небольшая церковь в русско-византийском стиле» возле станции Пасанаури; развалины крепости и двора бывших наместников Грузии, внутри которых находились две церкви. Одна из них была датирована IV веком («временем введения христианства в Грузии»), другая – XV веком. В 5-ти верстах от станции Цилканы стояла старинная церковь VI века («в память Богоматери»), одна из икон которой была «писана евангелистом Лукою на доске, взятой из яслей Спасителя», и доставлена сюда из Царьграда [18, п/т.12, с. 844].

Наш краткий обзор статьи Н.И. Кузнецова, опубликованной в словаре Брокгауза и Ефрона, показывает, что содержащийся в ней материал не только давал достаточно полное представление о Военно-Грузинской дороге как пути сообщения между Владикавказом и Тифлисом, но и был источником интересных сведений по географии, ботанике, истории, этнографии и культуре населения региона, по которому она проходила. Однако нам кажется, что в ней следовало бы хронологически определить основные этапы ее строительства, которые были обозначены в литературе XIX века. Так, например, в 1874 г. М. Владыкин в своем «Путеводителе» писал, что «первым начал отделять Военно-грузинскую дорогу Ермолов». При нем в течение пяти лет «разрабатывалось Дарьяльское ущелье; множество утесов и скал были взорваны и выровнены; построены мосты через Терек и проч.». «Ермолова в то время справедливо называли строителем русского Симплона» – знаменитого перевала в Швейцарии, высшая точка которого находилась на высоте 6 147 футов, а осетинское село на Крестовой – на высоте 8 732 ф., т.е. на $\frac{3}{4}$ версты выше [1, с.234-235]. Следующий этап строительства дороги связывают с именами кн. Воронцова и кн. Барятинского, при которых «утомительный переезд из Коби на Кайшаур (16 верст) заменен был удивительным спуском на Млеты» [1, с. 234].

Строительство знаменитого в 200 м Млетского спуска было начато в 1857 г. по проекту талантливого инженера Б.И. Статковского, который перед этим в течение 15 месяцев ознакомился в Западной Европе «с методами строительства горных дорог и троп». В соответствии с проектом «в скальных стенах, образованных лавами вулкана Сакоха-Садзели, было вырублено пять ярусов – площадок, укрепленных подпорными стенками из извести». Решение строительных проблем на всем перевальном участке считалось более совершенным, чем «перевальные пути в Швейцарских Альпах». На Млетском перевальном участке не только было проложено дорожное полотно, но и возведены и «другие инженерные и гражданские сооружения: каменные арочные мосты, ... казармы и бани для рабочих, дорожные караульные будки». Строительство было закончено к 1 ноября 1863 г. В этом же году состоялось и официальное открытие дороги, которая вместо «Дарьяльской» стала называться «Военно-Грузинской», начиналась она в Моздоке, а заканчивалась в Тифлисе [7].

Отметим также, что М. Владыкин, перечислив, подробно описав все 11 станций и указав расстояние между ними, подчеркнул, что все они «каменные, хорошо выстроенные и с обширным помещением» [1, с. 226].

Очевидно Кузнецову следовало бы сказать о том, что Военно-Грузинская дорога в конце XVIII – XIX вв. имела важное военно-стратегическое и экономическое значение, что в 1834 г. по ней «было открыто регулярное конно-почтовое сообщение», связавшее Санкт-Петербург с Тифлисом [7].

Современные ученые полагают, что достоинством Военно-Грузинской дороги было соединение Северного Кавказа с Закавказьем, а ее недостаток заключался в том, «что она требовала практически постоянного ремонта», для чего использовались не только специальные воинские команды, но и жители сел, располагавшихся вблизи дороги. Последнее оценивается как «возможность заработка местным народам», которая «способствовала налаживанию экономических связей между горцами и кавказской военной администрацией» [3].

В отличие от значительной по объему (более трех колонок) статьи Н.И. Кузнецова о Военно-Грузинской дороге, его публикацию в «Словаре» под названием «Военно-Осетинская дорога» мы можем классифицировать как небольшую заметку [18, с. 85]. Тем не менее отметим, что в ней ему удалось на ограниченном печатном пространстве дать значительную информацию о данном объекте. В частности, он четко определил путь дороги: Алагир → долина Ардона → Мамиссоновский перевал → долина Риона → Кутаиси. При этом читателю «Словаря» сообщалось, что «Алагир славился своими фруктовыми садами, в особенности грушевыми», что дорога от него «проходила мимо серебро-свинцового завода», а в «узком, извилистом ущелье Нахаз», склоны которого покрыты богатой растительностью, «встречается много сернистых источников». Далее называется «живописное Касарское ущелье», после которого долина Ардона расширяется вплоть до аула Тиб, где начинается Мамиссоновское ущелье, с лугами и пастбищами на склонах».

После Мамиссоновского перевала дорога шла «по берегу речки Джанджахи». Здесь между населенными пунктами Грушевка и Глола раскинулся лес, «состоявший из исполинских елей и пихт». В конце этой дороги названо «местечко Они», ставшее после «улучшения» дороги «торговым пунктом» [18, п/т.12, с. 851].

Как видно, информации здесь мало, а даны лишь важнейшие ориентировочные сведения. Отметим, что в настоящее время эта дорога начинается от железнодорожной станции Дарг-Кох (Осетия) и заканчивается в Кутаиси (Грузия), ее протяженность 275 км. Начало строительства дороги относят к 1858 г., а открытие по ней регулярного движения в современном путеводителе хронологически определяют 1888 годом [13]. В нем же на правом берегу реки Ардон называют «большое селение Унал с замечательными фруктовыми садами». О том, как создавались условия для их разведения, сообщается, что «многие поколения горцев выносили со склонов камни, выравнивали площадки, завозили навоз и плодородную землю», «а чтобы не было нужды во влаге, рыли каналы, арыки для полива» [13].

Приведенные выше хронологические выкладки об этапах строительства Военно-Осетинской дороги не сходятся с мнением авторов статей о Военно-Осетинской дороге, помещенных в некоторых энциклопедических справочниках, изданных в 80-х годах XX в. В них дата «постройки» или «проложения» дороги определяется 1897-м годом [17, с. 237; 1, с. 108], чего явно не может быть, поскольку том словаря Брокгауза и Ефрона, в котором помещена заметка Кузнецова об этой дороге как об уже функционирующем объекте, вышел в свет в 1892 г. Не мог же он писать о ней в таком надежном издании, если бы эта дорога к тому времени не была бы еще построена.

В словаре Брокгауза и Ефрона есть и другие авторские статьи Н.И. Кузнецова, которые посвящены некоторым географическим объектам Северного Кавказа. Это маленькие его заметки о Владикавказской равнине, о станции Воздвиженской Кубанской области, об укреплении Воздвиженском в Чечне, о станции Вознесенской Кубанской области [18, п/т.12], об окружном городе Грозном [18, п/т.19]. В них, как правило, приводятся сведения об их географическом расположении, статистические данные об их экономическом состоянии и пр. Формат нашей статьи не позволяет нам дать им характеристику.

Проанализированные нами статьи профессора Н.И. Кузнецова, опубликованные в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, позволяют нам не согласиться с выводами Е.И. Козубского о том, что он «не может служить надежной справочной книгой» по истории и этнографии Кавказа [11, с. 452]. Приведенный им фактический материал дает полное представление о местоположении населенных пунктов на довольно широкой части территории Кавказа (Дагестан, Чечня, Осетия, Грузия, Кубанская область), об истории, об экономическом положении, о культурной жизни и быте жителей Кавказа, об их традициях.

При оценке вклада Н.И. Кузнецова в изучение проблем Кавказа надо помнить, что его сотрудничество с редакцией словаря Брокгауза и Ефрона являлось важной вехой в его научно-исследовательской деятельности. Ведь к

подбору авторского коллектива данного издания предъявлялись строгие требования, о чем в предисловии к данному изданию говорил редактор Заслуженный ординарный профессор И.Е. Андреевский. «Все статьи, касающиеся России, – писал он, – представляют обширный и свежий материал, самобытно и совершенно заново обработанный почтенными русскими учеными». Он подчеркивал, что в «Словаре» будет предоставлено место для «самостоятельных научных сочинений и специальных работ», в которых будет отражено «все важное и выдающееся в физическом, этнографическом, археологическом, историческом, политико-юридическом, экономическом и социальном отношениях» [18, т. I]. Полагаем, что профессор Н.И. Кузнецов при подготовке кавказских материалов для «Словаря» добросовестно следовал наставлениям редактора.

Список литературы

1. Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. – М., 1874. – 520 с.
2. Географический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 592 с.
3. Герман Р.Э. Формирование дорожно-транспортной инфраструктуры на Кавказе и в Кавказской (Ставропольской) губернии в конце XVIII – начале 60-х годов XIX в. // <http://budetinteresno.narod.ru/geologia/evgd/iz-istori-vgd.htm>
4. Гусейнов Гусейнбала. Энциклопедия города Дербента. – М., 2009. – 551 с.
5. Егорова В.П. Дагестанский рецензент Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона // Вестник Дагестанского государственного университета. Вып.4. – Махачкала: изд. ДГУ, 2012. – С. 104-108.
6. Егорова В.П. Дагестан конца XIX – начала XX вв. в исследованиях Н.И. Кузнецова // Современные тенденции развития науки и технологий. № 10. Ч.4 / Периодический научный сборник по материалам XIX международной научно-практической конференции. – Белгород, 2016. – С. 88-100.
7. Из истории Военно-Грузинской дороги / <http://stephousledopyt.narod.ru/geologia/evgd/iz-istorii-vgd.htm>
8. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х томах. Т.2. // Махачкала: Изд-во «Юпитер», 2005. – 664 с.
9. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – М.: Наука, 1988. – 660 с.
10. Кавказский календарь на 1893 г. – Тифлис, 1892.
11. Козубский Е.И. О русском энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (по отношению к Кавказу) // Русский архив. Кн.1. Вып.3. 1894. – С. 437-452.
12. Нурмагомедов С.М. Все населенные пункты Дагестана: Энциклопедический справочник. – Волгоград: изд. «Югполиграфиздат», 2013. – 736 с.
13. По Военно-Осетинской дороге / <http://www.kmvline.ru/lib/osetia/18.php>
14. Потто В.А. Кавказская война. В 5 т. Т.4. Турецкая война 1828-1829 гг. – Ставрополь: Кавказский край, 1994. – 576 с.
15. Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Пушкин А.С. Собр. соч. в десяти томах. Т. 7. – М.: Изд. «Правда», 1981. – 400 с.
16. Рамазанов Х.Х. Эпоха Шамиля. – Махачкала: Исламская тип. «Ихлас», 2003.
17. Советский энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1983. – 1600 с.
18. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т.1. – СПб., 1890; Т. VI А, полутом 12. – СПб., 1892; Т. VIII А, полутом 16 – СПб., 1893; Т.Х, полутом 19. – СПб., 1893.

О РЕАЛЬНОСТИ ОДНОГО ПОХОДА

Зеленский Ю.В.

старший научный сотрудник отдела археологических фондов,
Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник,
Россия, г. Краснодар

В статье рассматривается вопрос о реальности похода 1029 г. против ясов. С помощью анализа письменных источников был сделан вывод, что похода не было.

Ключевые слова: поход, ясы, летописный свод, Ипатьевская летопись, Лаврентьевская летопись, Никоновская летопись.

В летописных сводах с различной степенью подробности сообщалось о походах русских князей против различных стран и народов. Иногда об этих походах сообщалось в одних летописных сводах и умалчивалось в других.

В Никоновской летописи XVI в. под 1029 г. сообщалось: «Ярослав ходи на ясы и взят их» [2, с. 168]. Из этого летописного сообщения историки делают вывод, что в 1029 г. Ярослав Владимирович Мудрый совершил поход против ясов.

В 1023 г. тмутороканский князь Мстислав Владимирович начал войну против своего брата Ярослава Владимировича. В сражении у Листвена в Черниговской земле Мстислав одержал победу. В 1026 г. братья съехались в Городце и заключили мирный договор. Произошёл раздел русских земель по Днепру. Левобережье Днепра отошло под власть Мстислава, правобережье было закреплено за Ярославом. Таким образом, было установлено соправительство двух князей. При этом следует отметить, что до смерти Мстислава Владимировича в 1036 г. Ярослав Владимирович предпочитал жить не в Киеве, а в Новгороде.

Ещё до этой войны в 1022 г. Мстислав Владимирович совершил поход против касогов и победил в поединке их князя Редедю. По условиям этого поединка касоги признали власть тмутороканского князя. Большинство историков по традиции продолжают отождествлять касогов и адыгов. После удачного для себя сражения у Листвена Мстислав Владимирович покинул Тмуторокань¹ и ушёл княжить в Чернигов.

В адыгских преданиях, записанных в XIX в. Ш.-Б. Ногмовым утверждалось, что воспользовавшись отсутствием Мстислава касоги (адыги) захватили и сожгли Тамтаракай (так они называли Тмуторокань). Скорее всего, адыги просто выдавали желаемое за действительное. После гибели Редеди касоги не предпринимали никаких попыток выступить против Мстислава Владимировича и вместе с хазарами вошли в состав его дружины.

Опираясь на весьма ненадёжные данные адыгского эпоса, Л. Н. Гумилёв предположил, что касоги в союзе с ясами (в сказания – опсами) действи-

---

¹ Я придерживаюсь именно такого написания названия этого города.

тельно захватили Тмуторокань. В этом случае поход Ярослава против ясов, по мнению Л. Н. Гумилёва был направлен именно для отвоевания Тмуторокани [1, с.281]. При этом Мстислав не участвовал в этом походе, хотя поход против поляков в 1031 г. соправители совершили вместе.

Однако о походе 1029 г. умалчивали наиболее информативные Лаврентьевская летопись и Ипатьевская летопись. Более того, они писали, что «лето» 6537 (1029 г.) было мирным. Следует также отметить, что ясов размещают не только в Предкавказье, но и в Подонье. И даже если поход и состоялся, непонятно против каких ясов он был направлен. Реальность этого похода весьма сомнительна.

Если учесть, что Лаврентьевский летописный свод и Ипатьевский летописный свод ничего не сообщали о походе Ярослава Владимировича против ясов и об этом повествовал только поздний летописный свод, следует признать, что поход не состоялся.

Список литературы

1. Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1993. 781 с.
2. Цит. по Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времён до второй половины XIV века). СПб.: Наука, 2002. 415 с.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОГО ГОСАППАРАТА И КРЕСТЬЯНСТВО ПРИАНГАРЬЯ В 1920-е ГОДЫ

Иванов В.В.

соискатель кафедры истории и культуры,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Россия, г. Иркутск

В статье рассматривается процесс формирования советских органов власти в 1920-х годы в Приангарье, эволюция их развития, имеющиеся у них недостатки, а также взаимоотношения органов власти с местным сельским населением.

Ключевые слова: крестьянство, ревкомы, советы, органы власти, бюрократия.

В начале 1920 г. большевики восстановили контроль над территорией Иркутской губернии. Власть управ и земств перешла к большевистским ревкомам.

Создание волостных и сельских Ревкомов осуществлялось в соответствии с положениями, инструкциями, циркулярами и указаниями губернских и уездных чрезвычайных органов. Временные инструкции Иркутского губревкома предписывали, чтобы местные Ревкомы выбирались населением при содействии комячеек в составе 3 человек. Если же имелся Исполком Советов, то он должен был выделить Ревком из своего состава. В иркутских инструкциях определялся контингент лиц, которые могли быть избранными в Ревкомы: члены РКП(б) или беспартийные «известные местному населению как определенно стоящие на советской платформе».

На практике эти положения реализовались следующим образом: Например, «в Черемховском уезде специальная группа инструкторов во многих деревнях предварительно создала комячейки, которые затем выдвинули своих кандидатов в Ревкомы. Предложенные комячейками кандидатуры утверждались либо на общих собраниях населения в присутствии инструкторов, либо только инструкторами, если возникало опасение, что кандидаты коммунистов не наберут большинства голосов. Там, где комячеек создать не удалось, Ревкомы выбирались на общих собраниях граждан сел и деревень».

В отличие от гражданских «конституционных органов Советской власти» аппарат Ревкомов был более централизованным, его члены преимущественно назначались сверху, реже выбирались, а также строго подчинялись революционной дисциплине [6, с. 217-218]. По мере упрочения Советской власти и изменения военной и политической обстановки в Сибири в пользу большевиков начался процесс перехода от Ревкомов к Советам. Уже весной 1920 г. проведены выборы в Советы Западной Сибири.

В Иркутской губернии Советы выбирались на полгода позднее. Большевики объясняли это «чрезвычайной обстановкой в прифронтовом Прибайкалье» [5, с. 153]. По всей видимости, большевики опасались, что пока их власть на местах еще окончательно не укрепилась, то на выборах в Советы могут попасть нежелательные им лица. Поэтому для того чтобы этого избежать и создавались Ревкомы. Сами крестьяне негативно восприняли образование Ревкомов, считая, что они не выражают их мнения, так как члены этих Ревкомов были назначены сверху вышестоящим начальством.

Ревкомы являлись не только административными органами, выполняли декреты и постановления центральной власти, но и пытались руководить хозяйственной деятельностью подведомственной территории. В связи с этим их административный аппарат разросся. Ревком обычно состоял из отдела управления, труда, здравоохранения, социального обеспечения, продовольствия, земельного отдела, народного образования, секретариата, статбюро и т.д.

Громоздкий бюрократический аппарат оказался крайне неэффективным и привел к полной бесхозяйственности на территории региона. От этого пострадало местное население. В июне 1920 г. сообщалось, что в Губернском земельном отделе около 400 членов. «Большинство из этого персонала за отсутствием средств не занимаются своими прямыми обязанностями, а марают бумагу. Бесконечно составляются сметы. Для поднятия производительности труда одним заведующим подотделом взята пишущая машинка, обслуживающая три отделения. Таким «мудрым» приказом сразу нашлась работа для всех техников. Одни шлифуют подошвы для бумаги, копии и т.д., другие носят бумагу из одной части города в другую» [1, № 187, 26 июня 1920 г., с. 2]. «Нижнеудинский уездный земельный отдел в июне 1920 г. создал земельную комиссию по распределению сенокосов, за неработоспособностью комиссии вся работа пала на Уездный Земотдел. Но население все равно неудовлетворенно сенокосами. В распоряжении Райкомсена не имеется никаких сельхозорудий. Требований было на 4000 кос, а получено только 200. В Комунохозе

недостаток лошадей, а потому и нет ассенизационного обоза» [3, ф. Р-42, оп.1, д. 54, л. 40].

В сентябре 1920 г. в Иркутской губернии прошли выборы в Советы, повсеместно победу одержали коммунисты. Это символизировало переход власти от чрезвычайных органов Ревкомов к конституционным государственным органам: городским и сельским Советам, Исполнительным комитетам Советов.

Первоначально Советы мало чем отличались от Ревкомов. Члены Советов избирались населением. Выборы были многоступенчатыми и основанными на принципах делегирования и представительства. Частные торговцы и наиболее зажиточные крестьяне были лишены избирательных прав. Выборы должны были проводиться не реже двух раз в год. В остальном структура Советов и их функции оставались прежними, а работоспособность была на прежнем уровне. Стать эффективным инструментом исполнительной власти Советы не могли в силу частой сменяемости их состава, периодичности созывов, некомпетентности их членов, а также необходимости выполнять распоряжения вышестоящих партийных инстанций.

Усольский волисполком в октябре 1920 г. сообщал, что не может решить топливный вопрос. «Учреждения, школы и больница без топлива. Беднейшее население испытывает в топливе нужду. Лесное хозяйство, за неимением средств, в тяжелейшем положении» [3, ф. Р-42, оп.1, д. 474, л. 138].

С переходом к НЭПу советское руководство принимает ряд законодательных актов, направленных к усилению роли Советов, повышению заинтересованности в них крестьян. «Постановление X съезда Советов РСФСР указывало на необходимость перестройки местных советских аппаратов с учетом возникших условий их работы, невозможностью содержать на государственном снабжении местные Советы и их исполкомы. 26 января 1922 г. были приняты положения «О Советах губернских, уездных и заштатных городов и поселков городского типа», «О сельских Советах».

Новые законы о Советах расширяли компетенцию их низовых звеньев (волостных, сельских). Сократилось обеспечение из средств государственного бюджета. В 1922 г. низовые Советы получили возможность в известных границах облагать население налогами, им передавалась часть государственных налогов. Переход на местный бюджет способствовал частичному сокращению аппаратов управления. Исполкомы могли использовать находящиеся на их территории имущества (за исключением переданных центральным органам и предприятиям) в интересах своих бюджетов и на началах хозрасчета. Все это создавало предпосылки для «раскрепощения» инициативы местных Советов» [2, с. 47-49].

Чтобы сократить разросшийся советский аппарат проводилась реорганизация отделов исполкомов Советов. Отделы и подотделы упразднялись или сливались в один. Уменьшить госаппарат пытались и путем проведения окружного районирования. Однако кардинально ничего не изменилось. В 1922 г. ОГПУ отмечало, что сокращение штата совучреждений несколько оживляет работу аппарата. «Но во многих хозяйственных учреждениях не-

редко приходится видеть, что за счёт сокращаемых, новый подбор служащих производится по родству, по знакомству, по спекулятивным связям и т.п. И менее всего по строго деловым рекомендациям. Ясно, что такая постановка дела по приему и увольнению служащих ничуть не гарантирует от вошедших в обычаи должностных преступлений, а наоборот будет покровительствовать» [4, ф. 1, оп. 1, д. 1073, л. 150].

Работа советских чиновников была медлительной, неэффективной, государственные деньги нередко расхищались. Так на ремонт тракта Тулун–Братск в 1925 г. по сообщению ОГПУ было отпущено из госбюджета 25 тысяч руб. и 7 тысяч руб. из губбюджета. «Но работа велась из рук вон плохо, бесхозяйственно, растянуто, без всякого плана и системы, ремонтируемые участки сразу не балансировались на ремонтируемые укатки, благодаря дождливой погоде тракт был совершенно непригодным для проезда. Крестьяне роптали на строителей и вместе с тем проклинали Советскую власть» [4, ф. 270, оп. 1, д. 162, л. 172].

«В Куйтунском Волисполкоме работа в новом составе оказалась окончательно разваленной. Новый состав Сенников, Полищук и Крицкий, не имея малейших познаний в работе, к тому же будучи технически малограмотными окончательно усугубили развал. Постройка дома не имела сметы и велась бесхозяйственно. В делах административного стола запущенность. Не было секретаря волисполкома» [4, ф. 270, оп. 1, д. 233, л. 106].

Отмечались и случаи взяток. Так «весной 1925 г. в Парилковский сельсовет явились буряты Коха-Ангарского булука П. Куликов и Н. Баиров для засвидетельствования расписок на купленных ими у гражданина Хлыстова (с. Парилово) в деревню Суворово, но так как не было учетных книжек засвидетельствования быть не могли. Хлыстов всё же указанные расписки засвидетельствовал, взяв за это 1 руб.» [4, ф. 270, оп. 1, д. 233, л. 106].

Многочисленными были хищения. Например, «кассир Нижнеудинском уезде кассир волисполкома похитил из кассы 5349 руб., принадлежащие для дорожного строительства» [4, ф. 270, оп. 1, д. 233, л. 138]. В июне 1926 г. ОГПУ отмечало случаи растрат и злоупотреблений, произошедших из-за халатности волисполкомов. Факты растраты и хищения денег отмечались на почве разгульной жизни некоторых ответственных сотрудников. Кроме того, ОГПУ отмечало массовые случаи бездеятельности волисполкомов и сельских советов: «Бездеятельность председателей сельсоветов ярко прорисовывается в период летнего времени, когда почти все председатели заняты хозяйством и работе не уделяют внимания. Запущенность в делопроизводстве, благодаря чему допускались ненормальности в подсчётах, неаккуратное исполнение требований волисполкомов и уездных исполкомов» [4, ф. 270, оп. 1, д. 233, л. 134].

Отмечались массовые случаи пьянства, грубости в отношении крестьян со стороны членов волостных Исполкомов, сельсоветов и членов комячеек. К примеру, «1 февраля 1925 г. в Черемховском районе члены РКП(б) В. Сморжевский поссорился с гражданином Скрябиковым и хотел ударить его бутылкой, наполненной самогоном. Промахнулся и разбил бутылку об колоду

двери. Тогда Смержевский начал бить Скрябикова кулаками. Председатель Жигаловского волисполкома Новопашный занимался систематическим пьянством. Были случаи, когда он в пьяном виде ездил по волости по делам службы. Крестьяне, указывая на него говорили: «Сам пьёт, а другим пить запрещает». Разъезжая с налоговой комиссией, он требовал себе у сельсовета тройку лошадей. Население было возмущено, что поставило об этом вопрос на беспартийной конференции. Член Куйтунского волисполкома кандидат РКП Шевцов во время разъезда по волости проводил у себя дома по нескольку дней. Командировочные и суточные он получал, пользуясь своим служебным положением. Он составил акт о павшей у него лошади. Получил 25 рублей страховки» [4, ф. 1, оп. 1, д. 2200, л. 138].

Центральное советское руководство предпринимало попытки ослабить массовый чиновничий произвол. III съезд Советов СССР в мае 1925 г. поручил Президиуму ВЦИК принять законодательный акт об ограничении взимания штрафов с населения, а также рассмотреть вопрос о контроле за деятельностью руководителей на местах. Такие юридические акты принимались, но их эффект был невелик. Неэффективной была и работа рабоче-крестьянской Инспекции, которая должна была следить за работой государственных органов. Единичные случаи привлечения сотрудников местных учреждений к ответственности не могли в корне улучшить состояние госаппарата [2, с. 93-94].

Советский административный аппарат ложился также тяжким бременем на крестьянство. Именно за счет него стали высокими налоговыми ставки, ведь расходы на содержание административных учреждений составляли – 22,9% всех расходов губернского бюджета. Для сравнения, расходы на народное образование составляли 20,7%, здравоохранение – 13,2% [1, № 1080, 27 июня 1923 г, с. 3].

Злоупотребления, происходящие в советских учреждениях, а также всеобщая бесхозяйственность, сохранявшаяся на протяжении всего описываемого периода, отрицательно сказалась на развитии сельского хозяйства и вызывала массовое недовольство со стороны крестьян.

ОГПУ в мае 1926 г. отмечало, что неподготовленность Волисполкомов и посевкомов ярко сказывается в период посевов. Чувствовалось слабое руководство со стороны Кресткомов, сельскохозяйственной кредитной организации и агрономов. «В Нижнеудинском уезде наблюдалось плохое руководство со стороны Кресткомов, кредитной организации и агрономов. Сев начался по указаниям волости с 15 мая. Стоявшая погода не давала возможности начинать сев и наступившая оттепель сразу среди крестьянства вызвала панику. Крестьяне сеяли все сразу, начиная от пшеницы и кончая ячменем. Чувствовался острый недостаток в машинах. В некоторых местах, как например, в Шерагуле, на сеялки 10-12 очередей. В некоторых местах от неправильного распределения у бедняков нет семян» [4, ф. 270, оп. 1, д. 233, л. 119].

В течение 1920-х гг. Сельские Советы и Волостные исполкомы в основном занимались сбором налогов и выполнением распоряжений вышестоящих органов. Тем не менее, отношение крестьянства к Советам и активность на выборах менялись. Сначала крестьяне были политически пассивны-

ми, не придавали большого значения Сельским Советам как органам власти, поэтому серьезного участия в выборах не принимали, считая, что от их голосов ничего не зависит, коммунистам легко удавалось проталкивать в органы власти лояльных себе людей.

Затем советское руководство решило, что работу Советов необходимо приблизить к широким народным массам для повышения эффективности их работы, а также направить политическое брожение и активность крестьянства по легальному каналу Советской власти.

В октябре 1924 г. пленум ЦК принял решение организовать кампанию по «оживлению Советов». Предполагалось, что эта кампания увеличит поддержку крестьянством Советской власти. В это же время ВЦИК принял новое положение об уездных, волостных и сельских Советах, расширявшее их административно-хозяйственную сферу деятельности и укреплявшее их финансовую базу.

16 января 1925 г. Президиум ЦИК СССР утвердил два общесоюзных закона «О порядке отмены выборов в Советы» и «Об общесоюзной избирательной инструкции». Согласно этим законам устанавливался минимум явки избирателей в 35% для признания выборов состоявшимися. Избирательные права получили кустари, ремесленники, у которых работал один наемный рабочий и крестьяне, использовавшие в своем хозяйстве батраков, если их труд носил подсобный характер и т.д. Число лиц лишенных избирательных прав сократилось до 1% [7, с. 62].

Эта политическая либерализация изменила настроение крестьян, они поняли, что с помощью Советов можно влиять на власть. Поэтому на выборах в сельские Советы Иркутской губернии зимой 1925 г. крестьянство проявило небывалую активность. Эта активность постоянно возрастала, если в 1924 г. в выборах участвовало 26,39% избирателей, то в 1925 г. в выборах участвовало 44% избирателей, а в 1926 уже 50%. Зажиточные крестьяне активно вели агитацию против списка бедноты и коммунистов. «В Советы нужно выбирать хозяйственных мужиков, но никак не бедняков, которые будут защищать только свои интересы». «Коммунистов не надо, иначе пройдут в Советы и зажмут крестьянина в кулак» [4, ф. 1, оп. 1, д. 2200, л. 217].

«В Зиминском уезде на Тагнинской беспартийной конференции в январе 1925 г. беспартийный крестьянин говорил о том, что коммунисты не считаются с крестьянством во время выборов Советов. «Они не дают выставлять крестьянству своих кандидатов, а навязывают свои списки. Нет ни одного сельсовета, где не было бы коммунистов». На эти слова аудитория реагировала возгласами: «Не мы выбираем, а коммунисты»» [4, ф. 1, оп. 1, д. 2200, л. 134 об].

В 1926 г. за счет расширения прав круга избирателей число коммунистов избранных в Советы значительно уменьшилось. Всего по губернии избрано 5106 членов сельсоветов, в которые попало 4,88% членов и кандидатов ВКП (б). По сравнению с 1925 г. процент коммунистов понизился на 0,54%. На волостных съездах Советов отмечалось большое недовольство городом,

как символом центральной власти, а также большим штатом в советских учреждениях.

В общем целом в низовых сельских советах доля выбранных коммунистов была крайне невелика. В 1924 г. их было 10%, а в 1925 г. 5,42%. Сократилось и число коммунистов председателей сельских Советов—в 1924 году их было 34,4%, то в 1925 г.—14,4%. Делегатов волостных съездов в 1924 г.—23,7%, в 1925 г.—11,05%. Уменьшился и процент коммунистов среди членов Волисполкомов, в 1924 году их было 57,78%, то в 1925 г.—всего 22,03%. Однако коммунисты прочно сохраняли ключевые посты и старались не допускать туда крестьян. Число членов партии председателей Волисполкомов сократилось всего лишь со 100% в 1924 г., до 88% в 1925 году [4, ф. 1, оп. 1, д. 2201, л. 319].

Тем не менее, политическая либерализация отчасти приблизила Советы к массам. Советы низового уровня стали более самостоятельными, так как в них увеличилась доля людей, отстаивающих интересы крестьянства. Благодаря наличию своих людей в Волисполкомах и Сельских Советах крестьянам удавалось облегчить свое положение и в ряде случаев саботировать политику центральных коммунистических властей. ОГПУ в сводках говорило о том, что часть сельсоветов взяли линию потворствования зажиточным и ущемления бедняков. «В феврале 1925 г. в селе Холмогой зажиточный Быков с причитавшиеся ему с налога суммы 122 рубля заплатил всего 4 копейки и сельсоветом никаких принудительных мер к нему применено не было» [4, ф. 1, оп. 1, д. 2201, л. 319-320]. «Некоторые председатели сельсоветов апеллировали к сельским сходам по поводу проведения в жизнь того или иного мероприятия, подписанного той или иной инстанцией. Так весной 1925 г. «в селе Каразей Тулуновского уезда председатель сельсовета, чтобы реабилитировать себя перед высшими инстанциями в том, что он не является виновником неуплаты сельхозналога, взяв с собой список налогоплательщиков собрал с собой подписки в отказе от уплаты налога в срок, что дало повод зажиточным крестьянам повести агитацию о необходимости поддержки и солидарности односельчан. В результате, собрано масса подписок об отказе от уплаты налога в срок под различными предложениями» [4, ф. 1, оп. 1, д. 2201, л. 321].

Полностью противостоять советской политике крестьяне таким способом не могли, так как Советы обязаны были беспрекословно подчиняться руководящей линии ВКП(б).

В конечном итоге кампания по «оживлению Советов» кардинально не улучшила их функционирование и политическую значимость. Они продолжали работать по указке партийных органов, их эффективность по — прежнему оставалась на низком уровне. Но, опасаясь потерять свой контроль над Советами, партийное руководство вновь решило «закрутить гайки». Президиум ВЦИК СССР и ЦИК СССР осенью 1926 г. отменили «либеральные» инструкции о выборах в Советы и утвердили новые, расширявшие категории лиц, лишаемых избирательных прав. Число «лишенцев» возросло с 1,1% до 3,3% в сельской местности [2, с. 226]. После этого коммунистическое руководство укрепило Советы, но только как орудие проведения своей политики

и органы контроля за деятельностью крестьян. Усилился надзор за сходами крестьян, которые ранее нередко принимали нежелательные для власти решения. ВЦИК и СНК РСФСР 14 марта 1927 г. утвердили «Положение об общих собраниях (сходах) граждан в сельских поселениях». Организаторами и руководителями сходов объявлялись сельские Советы, они определяли вопросы, выносимые на сход. 23 июня 1927 г. ЦИК СССР принял постановление «О правах и обязанностях местных органов Советской власти», расширявшие права Советов по административному и общему управлению. В 1926 и 1927 гг. увеличились бюджеты и уточнялись сферы деятельности исполкомов советов. В конце 1927 г. в период хлебозаготовительного кризиса, от Советов требовали искать врагов, саботажников, кулацких элементов. В то же время усилился контроль за деятельностью самих Советов. Списки кандидатов в Советы составлялись партийными организациями и согласовывались в райкомах ВКП(б). Таким образом, следует прийти к выводу, что Советское руководство в 1925-1926 гг. с целью упрочнить свое положение в деревне, приблизить местные органы власти вынуждено было пойти на частичную «либерализацию» избирательного законодательства. Крестьянство восприняло это решение как возможность повлиять на состав местных Советов. Опасаясь за свое положение, власти вновь вынуждены были ужесточить избирательное законодательство. На этом политические уступки в годы НЭПа по отношению к крестьянству закончились, а Советы были превращены из формально избираемых органов власти в органы государственного контроля.

Список литературы

1. Власть труда
2. Гимпельсон Е.Г. НЭП и советская политическая система 20-е годы. – М., 2000. – 439 с.
3. Государственный архив Иркутской области.
4. Государственный архив новейшей истории Иркутской области.
5. История Сибири. Т. 4, Ленинград, 1968. – 505 с.
6. Шишкин В. И. Революционные комитеты Сибири в годы Гражданской войны 1919-1921. – Новосибирск, 1978. – 333 с.
7. Угроватов А.П. НЭП и законность (1921 – 1929). – Новосибирск, 1997 – 106 с.

ФОРМИРОВАНИЕ КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКОВОГО УПРАВЛЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Мухеев П.С.

студент, Филиал Омского государственного педагогического университета в г. Таре, Россия, г. Тара

Процесс реформирования управления казачьих войск как неотъемлемая часть стабилизации социально-экономического развития Российской империи.

Ключевые слова: казачество, войско, реформы, управление, воинская повинность.

История казачества неотделима от истории России, на протяжении многих столетий казачий пояс надежно защищал рубежи государства Рос-

сийского. Казаки были не только воинами, но и рачительными хозяевами, они пахали землю, растили хлеб, воспитывали детей.

Выходцы из российской «глубинки», казаки никогда не порывали связей со своей исторической Родиной, шли на защиту ее интересов, зачастую жертвуя сотнями, тысячами жизней и постепенно «впрягались» в колесницу военной российской машины.

1861 г. стал поворотным в жизни войска: Положение о Сибирском казачьем войске, разработанные под руководством генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х.Гасфорда, войсковая организация была реформирована по образцу казачьих войск. Очередной порядок отбывания воинской повинности, отмена обязательного труда на войсковых хозяйственных заведениях, подлежащих упразднению, предоставляли казакам возможность заниматься своим хозяйством, а их самоснаряжение при выходе на службу освобождало государство и войско от значительных расходов. Эти изменения сопровождались коренным преобразованием войскового управления. Произошло его разделение на военное и гражданское, реорганизована структура и введены новые принципы формирования и функционирования войсковых административных органов: коллегиальность управления, выборность большинства должностных лиц, замещение почти всех должностей лицами войскового сословия. Новое Положение регламентировало порядок создания и функционирование станичного самоуправления, отдельные элементы которого были введены в войске в 1859 г. Однако Сибирское войско сразу же стало готовиться к новым реформам [1].

В ходе активного реформирования казачьих войск, начавшегося во второй половине 1860-х гг., правительство пыталось приспособить войсковое население к новым социально-экономическим реалиям. Предложенная в 1868 г. в процессе реорганизации Степных областей модель управления в Сибирском войске была крайне неудачной. С передачей казачьего населения в полицейском и судебном отношении в ведение областных властей, при единстве войскового хозяйства и капиталов, непосредственном подчинении войска Западно-Сибирскому генерал-губернатору, ставшему его войсковым наказным атаманом, структура войскового управления была разделена на две части [4]. Создание новых органов войскового управления (двух войсковых хозяйственных правлений, четырех управлений военных отделов), подчинение войска в военном отношении областным штабам неоправданно увеличило численность войсковой администрации, расходы на ее содержание и требовали значительных усилий по координации совместной деятельности.

Не оправдало себя и введение в 1871 г. «жеребьевого» порядка отбывания воинской повинности, недостатки которого не могло компенсировать даже сокращение сроков казачьей службы. Создание в казачьей среде новой категории войсковых граждан, при увеличении полевого разряда почти на 20 % привело к переносу всей тяжести военной службы только на часть войскового населения, к усиливавшемуся разорению хозяйств служивых казаков, т.е. тех, кто должен был исправно выходить на службу [5].

Корректировка реформ привела к воссозданию единой структуры военного и гражданского управления в Сибирском казачьем войске и оконча-

тельному оформлению его высшего и среднего звеньев – одного войскового хозяйственного правления и трех управлений военных отделов, которые в дальнейшем лишь совершенствовались.

В соответствии с Положением об общественном управлении в казачьих войсках (1870 г.) местное самоуправление было организовано по образцу крестьянского с учетом “казачьей” специфики. Статичным и поселковым управлениям была предоставлена большая самостоятельность при формировании своих выборных органов, они получали больше прав в распоряжении общественными денежными средствами, пользовании общинной землей, ведении общественных дел. Надзор за санкционированием казачьего самоуправления осуществляли областное и уездное начальство, войсковым органам власти – управлениям военных отделов – станичные правления подчинялись только в военном отношении.

Положение о военной службе казаков Сибирского казачьего войска (1880 г.), организовавшее казачью службу на основах введенной в стране всеобщей воинской повинности, носило переломный характер. Оно не только восстановило выгодную для казаков уравнительность службы, но и предоставило им возможность после 4-летней действительной службы заниматься своим хозяйством. Несмотря на сохранение факторов, сдерживающих хозяйственную деятельность и личную инициативу казаков (снаряжение на службу за свой счет, лагерные сборы, прописка к станицам с ограничением свободы передвижения и т.д.), можно отметить, что этот закон наряду с другими реформами 1860-1870-х гг. положил начало процессу естественно-исторического разложения казачьего сословия – расказачиванию [6].

Последнее положение 1891 года, которое было принято в период правления Александра III, завершило 30-летний период реформирования, в результате которого в войске наступила «новая эра жизни» и который сформировал образ жизни казачества, без существенных изменений сохранившийся до гибели войска в годы Гражданской войны.

Контрреформы 1880-1890-х гг., направленные на консервативную стабилизацию ситуации в стране, закрепление феодальных устоев государственного управления, не могли не коснуться казачьих войск. Подчинение казаков общей областной или губернской власти не давало войсковому начальству рычагов воздействия на хозяйственную и общественную жизнь общин, выступающих гарантами исправного выхода казаков на службу. Причину негативных процессов, проявившихся в последнее десятилетие XIX в. и являвшихся объективными последствиями капиталистической модернизации, правительство видело не в сохранившихся феодальных пережитках, а в отсутствии должного контроля и опеки за казачьими общинами со стороны государственных и войсковых органов власти.

Возможности станичного самоуправления были существенно ограничены. Объем прав сбора выборных представителей, заменившего собой сход всех домохозяев, был сокращен. При этом роль станичного атамана в рамках низового самоуправления резко возросла. Казачье население в административно-гражданском отношении окончательно перешло в подчинение войско-

вых органов управления. Осуществление надзора за станичным самоуправлением по административной, хозяйственной, военной части было передано атаманам военных отделов.

Этой контрреформой, в целом, завершается формирование структуры управления в Сибирском казачьем войске.

Во второй половине XIX – нач. XX вв. в России происходили глубинные политические, социальные и культурные изменения, повлиявшие на Сибирское казачье войско. В данный период в стране наступает денежный кризис, который полностью лишает Сибирское казачье войско финансового обеспечения. В свою очередь казачество становится самообеспечивающимся сословием. Реформы Александра II дали толчок к процессу постепенного разложения казачества как военно-служилого сословия докапиталистической России.

Список литературы

1. ИАОО. Ф. 67 – Военное управление атаманами и отдела сибирского казачьего войска.
2. ИАОО. Ф. 75 – Штаб Сибирского казачьего войска.
3. Самосудов В.М. Сибирские казаки. // Омский вестник 22 января. 1993. С. 10.
4. Цветков В. Казачество земли сибирской. //Былое. № 7. 1997.С. 16-17.
5. Чириков М.Г. Систематический сборник законоположений о Сибирском казачьем войске с 13 марта 1861г. По 1-е октября 1892г. Т.1. – Омск, 1893. – С 1-658.
6. Чистякова О.И. Отечественное законодательство XIX – XX вв. В 2-х частях. М., 2000. С. 362-462.

РЫЦАРСКАЯ КАВАЛЕРИЯ КОНТАДО (ИТАЛ. – CONTADO) В СТРУКТУРЕ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ ФЛОРЕНЦИИ XIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XV вв.

Тимченко В.В.

ст. преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин, канд. истор. наук, Ставропольский краевой институт развития образования, повышения квалификации и переподготовки работников образования, Россия, г. Ставрополь

В статье рассмотрены основные особенности организации вооружённых сил Флоренции в XIII – первой четверти XV вв. При этом, особое внимание уделяется конному ополчению феодалов городской округи-контадо (итал. – contado). Исследуется его место в структуре войска города на Арно, роль, которую оно могло играть в полевых сражениях и операциях, связанных с осадой и обороной укреплённых пунктов. На основе широкого круга письменных источников изучается также эволюция значения этого рода войск на итальянском театре военных действий и его соотношения с другими вооружёнными формированиями, подчинявшимися флорентийским властям.

Ключевые слова: рыцарство, феодалы, ополчение, коммунальная милиция, «компании Удачи».

При изучении флорентийской военной истории в эти столетия представляется возможным выделить разнообразные, взаимосвязанные и сочета-

ющиеся друг с другом вооружённые формирования различного происхождения, социального состава и тактико-стратегического потенциала [15, р. 109]. Например, составители написанных на латинском языке флорентийских статутов, касающихся войны против Сиены 1259-1260 гг., изданных итальянским исследователем Чезаре Паоли в виде единой «Книги Монтаперти», в качестве основной силы, принимавшей участие в походе 1259 г. выделяют коммунальную милицию [21, р. 369-370], набирающуюся из горожан [4, р. 374-376]. Кроме того, в этих документах упоминается ополчение из жителей сельской округи-контадо (итал. – *contado*) [13, р. 41]. В качестве одной из составных частей войска в «Книге» также называются наёмники [10, р. 96]. Нашли в этих нормативно-правовых актах своё отражение также вооружённые отряды из феодалов флорентийского контадо, их клиентов, вассалов и консортов [6, р. 97]. В рамках настоящего исследования последним будет уделено основное внимание.

Степень разработки этой проблематики на сегодняшний день позволяет реконструировать в общих чертах характеристики флорентийских войск, XIII-XV вв. [15, р. 109].

Прежде всего, как уже говорилось выше, фиксируется коммунальная милиция. О ней, например, имеется упоминание у небезызвестного флорентийского купца, хрониста и государственного деятеля Джованни Виллани (1274-1346) в связи с конфликтом 1229-1230 гг. между его родным городом и Сиеной: «...флорентийцы собрали всеобщее ополчение и 31 мая 1230 года выступили с карроччо (итал. – *carroccio* от *carro* – телега – повозка со знаменем, в военных походах сопровождавшая войска некоторых итальянских городов [16, – р. 7-9] – В.Т.) против Сиены» [1, с. 137].

В качестве одной из главных составляющих войск как города на Арно, в соответствии с приведёнными ранее документами [10, р. 96], можно назвать наёмные войска. С XIV в. наиболее распространённой формой их организации стали «компании Удачи» (итал. – *compagnie di Ventura*) [7, р. 498]. Они представляли собой вооружённые отряды, возглавляемые капитанами-кондотьерами, состоявшие как из конных, так и из пеших воинов [2, с. 498]. По словам продолжившего хронику старшего брата Маттео Виллани (ум. 1363), в 1351 г. сражавшийся в войне 1350-1447 гг. на стороне Милана против Флоренции капитан наёмников Джованни да Оледжо располагал «5000-ми копий («копьё» (итал. – *lancia*, франц – *lance*, англ. – *lance*) – возглавлявшаяся тяжёлым конником тактическая единица, занесённая в Италию приблизительно в середине XIV в. английскими воинами, отработавшими её в битвах Столетней войны, в зависимости от периода времени, целей и финансовых возможностей нанимателя могла включать от двух до семи воинов [15, р. 149] – В.Т.), и 2000-ми других всадников, и 6000-ми пеших» [23, р. 127-129].

Позднее пехота, ранее входившая в состав подобного рода вооружённых формирований, начала объединяться в самостоятельные наёмные отряды. Последние, согласно своеобразному дневнику-отчёту, принадлежащему перу выдающегося государственного деятеля Флоренции первой трети XV в., политика и дипломата Палла ди Нофри Строчи (1373-1462), город на Арно

собирался нанять в июне-июле 1423 г. для войны с герцогством Миланским, когда требовалось «добыть [наёмных пеших] солдат тем способом, какой предоставится... Поскольку очень нужна пехота» [17, р. 26].

Кроме того, стоит сказать, что в рассматриваемый период в городе на Арно также отмечается наличие лёгкой кавалерии. Термин «*bergoviere*» (итал. – булавоносцы), применявшийся для обозначения этого рода войск, известен с третьего десятилетия XIII в. Эти сражавшиеся верхом воины обычно рекрутировались из числа горожан или жителей контадо [19, р. 128]. Так, в 1425 г, если верить П. Строщи, кондотьеру мессеру Ринальдо ди Провенца флорентийскими властями были посланы «400 флоринов, и булавоносец понёс их для безопасности и чтобы ускорить выход этого Ринальдо» [17, р. 169].

В XIII-XV вв., как самостоятельный род войск продолжала использоваться и рыцарская кавалерия, представлявшая собой вооружённые отряды феодалов сельской округи. Упоминания о ней встречаем, например, у Джованни Виллани. По словам этого автора, в 1218 г. «флорентийцы привели к присяге на верность коммуне всё контадо. До этого большая часть его населения подчинялась графам Гвиди, а другие – графам Мангоне, Капрайя и Чертальдо», а также их вассалам, «получившим свои владения как пожалованные» [1, с. 133]. Таким образом, уже в первой четверти XIII в. власти города на Арно были заинтересованы в использовании человеческих ресурсов контадо, в том числе, военного потенциала знати и рыцарства. В другом месте хронист, повествуя о введённых в 1250 г. военных знамёнах своего родного города, сообщает, что «Знамена рыцарям и войску, по древнему обычаю, выдавались всегда в день пятидесятницы на площади Нового рынка» [1, с. 160]. Таким образом, с одной стороны мы можем видеть, что тяжёлая кавалерия, по всей видимости, активно использовалась властями Флоренции в середине XIII в., с другой – что автор источника отделяет этих рыцарей от остального войска, призывавшегося в порядке, регламентировавшемся коммунальными статутами [21, р. 369-374]. Следовательно, упоминаемые купцом-хронистом рыцари являлись не входившей в состав городского ополчения конной милицией [12, р. 2], а интересующей нас кавалерией, состоявшей из феодалов округи.

В рассматриваемый период тяжёлая конница не ограничивалась каким-то одним, полностью стандартизованным типом воина [22, р. 26]. Прежде всего, благодаря имевшей место в этот период эволюции наступательного вооружения и защитного снаряжения [7, р. 168]. При этом стоит помнить о том, что в одно и то же время у разных людей, в зависимости от их финансовых возможностей, снаряжение различалось по качеству и стилю [18, р. 43]. Так, Джованни Виллани говорит нам о том, что не «всякий, кто оседлал подкованную или неподкованную лошадедку» и при этом «причисляет себя к рыцарям» имеет на это моральное право, но лишь тот, чей скакун относится к числу «добрых коней, покрытых железной кольчугой (итал. – *giaco*)...» [1, с. 177]. Из этих слов хрониста можно сделать вывод о том, что экипировка современных ему тяжёлых конников могла иметь различные качественные характеристики, в зависимости от материального благосостояния своих вла-

дельцев. Ещё один купец-хронист, Бонакcorso Питти (1354-1430), сообщает, что добротная экипировка тяжеловооружённого всадника (следовательно, существовали и иные варианты) помогла ему с несколькими спутниками избежать вооружённого столкновения и ареста. В 1378 г. этот автор с несколькими компаньонами «узнали, что во Флоренции многие граждане-гвельфы собираются поднять восстание» [3, с. 34] и решили присоединиться к сформированному неподалёку от места их пребывания небольшому отряду «из числа сосланных, и изгнанных во главе с Джованни делло Шельто и Бернардо ди Липпо» [3, с. 35]. Уже на подступах к городу отряд столкнулся с флорентийской милицией, однако, так как сам Бонакcorso «был в кирасе и с копьем в руке» [3, с. 35-36], ему и нескольким его спутникам удалось безопасно её миновать.

Кроме того, следует принять во внимание и тот факт, что кавалерист, командовавший воинским соединением, служивший в качестве знаменосца, либо имевший титул графа или барона имел обычно не только лучшую экипировку, более сильную, быструю, породистую лошадь, чем простой рыцарь, но и более многочисленную свиту [2, с. 30]. Так, судя по распоряжениям флорентийских властей, датированным девятым февраля 1259 г., каждого знаменосца-гонфалоньера (лат. – *gonfalonero*), возглавлявшего или замыкавшего каждый отряд рыцарей, обозначая точки сбора воинов [11, р. 127], должны были сопровождать «окружение и советники» (лат. – *Distringitores et Consiliarii*) [11, р. 2]. Например, при гонфалоньере по имени Стольдо Берингьери Якоппи в этом качестве состояли Полтроне де Чипперелло, Лотерио Якопини, Коппо де Манелли и Уголино Руффи де Петроио [11, р. 2-3]. То есть, одних только рыцарей (на что указывает титул «*Dominus*» (лат. – господин) перед каждым из перечисленных имён [11, р. 2-3]) в свите данного знаменосца было четверо. В то же время, вооружённых слуг простых рыцарей входящие в «Книгу» нормативно-правовые акты почти не упоминают. Лишь в одной строке одного из множества включённых в неё распоряжений, касающихся войска, содержится информация о наказании для кавалеров, «которых не было в данном войске, когда были необходимы конница и пехота» [21, р. 37], т.е. косвенно упоминаются их пешие слуги [9, р. 299]. Таким образом, свита рядовых тяжёлых кавалеристов, по-видимому, была столь малочисленной, недостаточно обученной и вооружённой, что, по мнению флорентийских властей, не могла оказать серьёзного влияния на ход боя.

Несмотря на ряд изменений, произошедших в военном деле Италии в XIII – XIV вв., например, концентрацию боевых действий вокруг небольших, но хорошо укрепленных пунктов – замков и крепостей [1, с. 137], и связанное с ней возрастание тактической роли пеших воинов [12, р. 130], тяжёлая конница, в том числе, и набиравшаяся из феодалов контадо, окончательно не утратила своего значения в вооружённых силах Флоренции [24, р. 261-265].

О той важности, которую набиравшиеся в округе города на Арно рыцари играли в боевых действиях, свидетельствует, например, тот факт, что флорентийским военачальникам необходимо было специально оговаривать даже боевое применение происходивших из контадо тяжёлых конников, ли-

шившихся верховых лошадей, т.е. потерявших значительную часть своего преимущества на поле боя [5, р. 289-291]. Так, 4 июня 1260 г., «Постановили мессер Якопо Рангони, а также капитаны войска, исключая синьора (здесь в рукописи имеется лакуна – В.Т.), которого не было: те рыцари контадо, которые потеряли своих коней на службе у Коммуны, за исключением тех, что принадлежали Флоренции, должны постоянно находиться во Флоренции, с оружием, лошадьми (возможно, имеются в виду вьючные – В.Т.) и другим имуществом на случай вражеского нападения» [6, р. 97]. Таким образом, с одной стороны, потерявшие лошадей кавалеристы из контадо могли нести гарнизонную службу, с другой, – и в полевых сражениях они были, по видимому, настолько важны, что коммуна в некоторых случаях снабжала их скакунами, как это следует из процитированного отрывка.

Видимо, по этой же причине предводители флорентийского войска специально оговаривали и вооружение подчинявшихся им рыцарей, отдельно упоминая, что подобным образом должны быть экипированы и тяжёлые конники из контадо: «каждый, владеющий лошадыю, находящейся на содержании Коммуны Флоренции, её гражданина или жителя контадо, должен в этом войске сражаться верхом, с конским защитным снаряжением, в панцире или кольчуге, поножах или башмаках из железа, стальном шлеме, с копьём, со щитом большим или малым» [21, р. 373-374]. Причём, санкции за отсутствие тех или иных элементов экипировки были одинаковыми и для горожан, обязанных службой в конной милиции, и для рыцарей, происходящих из флорентийской округи [21, р. 374]. Следовательно, по крайней мере, в рамках крупных походов, значение рыцарской кавалерии контадо было сравнимо с таковым конной милиции.

Касательно боевого применения рассматриваемого рода войск в XIII-XIV вв. стоит сказать, что, по словам Дж. Виллани, в 1251 г., когда «изгнанные из Флоренции гибеллины вторглись вместе с немецкими отрядами и взбунтовали против флорентийской коммуны замок Монтайя в Вальдарно» [1, с. 166], власти города на Арно, в свою очередь, собрали «ополчение из народа и рыцарей» [1, с. 166-167]. Как и в отрывке о знамёнах, в данном случае о рыцарях говорится отдельно от «конницы четырёх сестъер» [1, с. 166-167], т.е. организованных по сестъерам – шести частям, на которые в этот период делился город [11, р. 2], флорентийских нобилей, обязанных служить в милиции, согласно коммунальным статутам [21, р. 105]. Следовательно, в этом походе принимала непосредственное участие рыцарская кавалерия контадо. Так что, отчасти благодаря ей «Замок был обложен со всех сторон, так что никто не мог войти в него или выйти» [1, с. 167], и в конечном итоге «защитники замка сдались в плен и связанными были уведены во Флоренцию, а крепость разрушена и скрыта» [1, с. 167]. М. Виллани пишет, что после захвата флорентийским войском в 1348 г. альпийской крепости Монтеджеммоли, оборонявшейся Магинардо да Сузинана и его сыновьями – членами враждебного по отношению к городу на Арно феодального клана Убальдини «коммуна (Флоренция – В.Т.) приняла клятву обещания верности, предоставила им (Магинардо и его сыновьям – В.Т.) дружбу и гражданство, и устано-

вила для них обещанное снабжение: и даны им были кавалеры и пешие, чтобы они могли воевать с другими Убальдини» [23, р. 32-33]. Процитированный отрывок говорит нам, во-первых, о том, что в сферу применения военного потенциала феодалов контадо, лояльных по отношению к Флоренции, входила борьба с владетелями, недружелюбными к ней. Во-вторых, заинтересованные в сохранении их боеспособности власти города на Арно в ряде случаев устанавливали для рыцарей городской округи определённое довольствие и обеспечивали подкреплением из числа других доступных им вооружённых формирований.

У Маттео Виллани мы также можем встретить упоминание об опасностях, которые несло с собой использование вооружённых отрядов феодалов городской округи. Хронист отмечает, что в 1351 г., во время войны между Флоренцией и Миланом, о которой говорилось выше, «Мессер Пьеро Саккони со своими Тарлати, вышедшими из Ареццо, и епископ Ареццо из Убертини со своими консортами, и Бустаччо с Пацци ди Вальдарно, долгое время находились в мире и под протекцией коммуны Флоренции, но узнав о предприятии мессера Джованни Висконти д' Оледжо (командующего миланскими войсками – В.Т.) с великим войском под Пистойей (ранее принадлежавшей Флоренции, незадолго же до описываемых событий захваченной миланцами – В.Т.), собрались со всеми своими силами пеших и конных войск в Биббиене, и от архиепископа (правителя Милана архиепископа Джованни Висконти (1290-1354) – В.Т.) получили 250 копий, чтобы они смогли начать большую войну. В настоящее время, внезапно напав на флорентийцев, они начали выступать против них, и против графов Гвиди, друзей, верных коммуне Флоренции, и сегодня проникают из одной земли и области в другую, убивая и захватывая добычу, и ведя жестокую войну» [23, р. 125-126]. Как видим, феодалы городской округи, изначально считавшиеся благонадёжными, в случае внешней угрозы могли обратить оружие против Флоренции и *contadini*, сохранивших ей верность. Причинами подобной ситуации являлись противоречие между интересами коммуны и владетелей контадо, а также распри между этими, последними. Кроме того, действия этой категории вооружённых людей на флорентийской службе хуже других поддавалась контролю и регламентации со стороны властей [14, р. 163-164].

Касательно эволюции роли этого рода войск в вооружённых силах Флоренции следует сказать, что, хотя, как мы могли видеть при анализе письменных источников, относящихся к более раннему периоду, вплоть до середины XIV в. её роль в сражениях могла быть довольно значительной, позже она подвергается определённой редукции. Например, ещё один купец-хронист родом из города на Арно, Грегорио Дати (1362-1435) в части своего произведения, датированной 1388 г., следующим образом описывает подготовку своей родины к очередному обострению уже упоминавшейся войны с Миланом: «В это самое время был граф Орманьяк из королевства Франции великим предводителем вооружённых людей с многочисленным, добрым, и сильным войском, богатым и хорошо снабженным по всем пунктам, отчего он отправился в Каталонию и захватил там земли и людей, приобретя честь и

великое сокровище, и Флорентийцы приняли его к себе на службу со всеми его людьми, которые насчитывали 1500 копий и прошли в Ломбардию, по дороге через Савойю и поместились в городе Алессандрия делла Палья. С другой стороны в землях Бреши и Мантуи был Капитаном от флорентийцев мессер Джованни Агуто с 2000 копий добрых англичан и итальянцев» [8, р. 38]. Как видим, подготовка к этому крупному военному конфликту с флорентийской стороны заключалась в найме «компаний» двух известных кондотьеров этого периода – графа Орманьякка и Джона Хоквуда (1320-1394), которого итальянцы называли Джованни Агуто (Акуто). О возобновившихся вскоре после этого боевых действиях читаем: «граф Орманьякк и все его войско были захвачены и убиты за два часа (сражавшимся на противной стороне кондотьером-веронезцем Якопо дель Верме – В.Т.), и это было одно из величайших событий, которые в то время были известны» [8, р. 39]. Как видим, «одним из величайших событий» войны 1350-1447 гг. было поражение, которое потерпела одна «компания Удачи» от другой. При этом, о сколь-нибудь значительном участии конницы феодалов флорентийского контадо в отрывке не говорится. Далее, автор объясняет причины поражения тем, что «это случилось вопреки всем советам и предложениям Джованни Агуто, который очень старался письмами и посольствами к графу Орманьякку, чтобы тот перешел оттуда к нему и не доверялся фортуне» [8, р. 40]. Другими словами, по мнению Грегорио Дати, на этом этапе войны Флоренция потерпела поражения из-за несогласованности между действиями двух кондотьерских отрядов. С ростом значения последних на территории Апеннинского полуострова [16, р. 109], очевидно, и связано снижение роли в них рыцарской кавалерии контадо.

Таким образом, на основе вышеизложенного мы можем утверждать, что в отличавшейся неоднородностью структуре вооружённых сил Флоренции XIII-XV вв. конное ополчение феодалов городской округи-контадо играло определённую роль.

Судя по данным письменных источников, несмотря на ряд изменений, произошедших в военном деле Италии в XIII – XIV вв.: концентрацию боевых действий вокруг укреплённых пунктов и возрастание тактической роли пеших воинов, этот род войск окончательно не утратил своего значения в вооружённых силах города на Арно.

Спектр их применения включал в себя блокаду подступов к осаждаемым укреплениям, участие в полевых сражениях, охрану рубежей подконтрольной коммуне территории и поддержание на ней правопорядка.

Эффективность их в вышеперечисленных видах операций, по видимому, была достаточно высока для того, чтобы коммунальные власти в своих статутах регламентировали не только действия рыцарей контадо в бою и на марше, но и характеристики их снаряжения, в некоторых случаях – заботились о предоставлении им боевых коней и особенностях несения службы рыцарями, таковых лишившихся.

Использование феодалов контадо в качестве военной силы было сопряжено с риском измены, объясняющимся конфликтом интересов города и

знати округи, частыми конфронтациями в среде этой, последней и слабой контролируемостью её действий. Такая ситуация, вероятно, послужила одной из причин перехода со второй половины XIV в. к массовому использованию кондотьерских «компаний Удачи».

В свою очередь, распространение этих, последних способствовало дальнейшей редукции значения отрядов рыцарей контадо. Так что, к XV в. упоминания об ополчении феодалов городской округи перестают встречаться на страницах флорентийских источников.

Список литературы

1. Виллани Дж. Новая хроника или история Флоренции / пер. с ит. М. А. Юсима. М., 1997.
2. Контамин Ф. Война в Средние века СПб., 2001.
3. Питти Б. Хроника / пер. с ит. З. В. Гуковской. Отв. ред. В. И. Рутенбург. Л., 1972.
4. *Alia ordinamenta // Libro di Montaperti*. Pubbl. di Cesare Paoli. Firenze, 1889. (Documenti di storia italiana. T. IX). P. 374-376.
5. Contamine Ph. *La Guerra nel medioevo*. Bologna, 1986.
6. *Contra milites comitatus // Libro di Montaperti*. Pubbl. di Cesare Paoli. Firenze, 1889. (Documenti di storia italiana. T. IX). P. 97.
7. Da Mosto A. *Ordinamenti militari delle soldatesche dello Stato Romano dal 1430 al 1470*. Roma, 1903.
8. Dati G. *Istoria di Firenze di Goro Dati dall'anno 1380 all' anno 1405*. A cura di Luigi Pratesi. Norcia, 1904.
9. *Delle bocche della piazza: Diario di anonimo fiorentino (1382-1401)*. Firenze, 1986.
10. *De solvendo equitatoribus de Romanea per Camerarios // Libro di Montaperti*. Pubbl. di Cesare Paoli. Firenze, 1889. (Documenti di storia italiana. T. IX). P. 96
11. *Gonfalonerii Militum // Libro di Montaperti*. Pubbl. di Cesare Paoli. Firenze, 1889. (Documenti di storia italiana. T. IX). P. 2-3
12. Grillo P. *Cavalieri e fanti negli eserciti comunali italiani // Cavalieri e città a cura di Franco Cardini, Isabella Gagliardi, Giuseppe Ligato. Atti del III Convegno internazionale di studi. Volterra 19-21 giugno 2008*. Pisa, 2009. P. 121-136.
13. *Quod omnes homines comitatus esse et redigi debeant et servire cum illo sextu de quo sunt in faciendis servitils de balistis arcis et palis et marris et mercato // Libro di Montaperti*. Pubbl. di Cesare Paoli. Firenze, 1889. (Documenti di storia italiana. T. IX). P. 41
14. Koenig J. *Il "popolo" del' Italia del Nord nel XIII secolo*. Bologna, 1986.
15. Mallet M. *Mercenaries and their masters. Warfare in Renaissance Italy*. London, 1974.
16. *Milites Carroccii // Libro di Montaperti*. Pubbl. di Cesare Paoli. Firenze, 1889. (Documenti di storia italiana. T. IX). P. 7-9.
17. Palla di Nofri Strozzi. *Diario // Archivio Storico Italiano*. Bologna, 1884, XIII
18. Pieri P. *L' evoluzione delle milizie comunali italiane // Scritti rari*. Torino, 1966. P. 31-90.
19. Settia A. A. *Comuni in guerra. Armi ed eserciti nell' Italia delle città*. Bologna, 1993.
20. Settia A. A. *«Viriliter et competenter». L' Uomo di Guerra // Ceti, modelli, comportamenti nella società medievale (secoli XIII-metà XIV)*. Pistoia, 2001. P. 99-122.
21. *Statuta et ordinamenta // Libro di Montaperti*. Pubbl. di Cesare Paoli. Firenze, 1889. (Documenti di storia italiana. T. IX). P. 369-374.
22. Trease G. *The condottieri soldier of Fortune*. N.Y., 1977.
23. Villani M. *Cronica // Croniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani*. I-X. Trieste, 1858.
24. Violante C. *La società Milanese nell' eta precomunale*. Roma-Bari. 1974.

МОБИЛИЗАЦИЯ СИЛ АСТРАХАНСКИХ ЮРТОВСКИХ ТАТАР В ПЕРИОД РУССКО-ПЕРСИДСКОГО КОНФЛИКТА В СЕРЕДИНЕ XVII в.

Торопицын И.В.

доцент кафедры истории России, кандидат исторических наук,
Астраханский государственный университет, Россия, г. Астрахань

В статье рассматриваются события 1651–1653 гг., связанные с военным конфликтом между Персией и Московским государством за влияние на Северном Кавказе. Особое внимание уделяется мерам, предпринимаемым астраханскими властями по защите от возможного нападения Терского городка, а также участию в этих событиях астраханских юртовских татар.

Ключевые слова: русско-персидская война, Терский городок, Сунженский острог, астраханские юртовские татары, XVII век.

Военная служба была неотъемлемой обязанностью астраханских юртовских татар. Как показали проведенные нами исследования, с середины XVI в. на протяжении последующих полутора столетий юртовцы участвовали практически во всех войнах, которые вело Московское государство с внешними врагами [9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18]. Однако в историографии данная тема не получила должного освещения. Не стало исключением из этого и рассмотрение научным сообществом русско-персидской войны на Северном Кавказе в середине XVII в.

Авторы с разной степенью полноты описывают происходившие на Северном Кавказе в 1651 и 1653 гг. военные действия, характеризуют непосредственных участников русско-персидского противостояния с той и другой стороны, уделяя особое внимание тем группам, которые составляли предмет их исследования. Вследствие этого в их работах нашло отражение участие в русско-персидском военном конфликте середины XVII в. как русских и персидских военных сил в целом, так и их составляющих, в частности, представителей различных народов Кавказа, гребенских казаков и т.д. [1, с. 81-82; 3, с. 39-41; 4, с. 144-146; 5, с. 111-112; 6, с. 89-90; 7, с. 75-76; 19, с. 25; 20, с. 343; 21, с. 62].

В исследованиях, посвященных данному конфликту, основное внимание уделяется участникам борьбы за Сунженский острог. Однако только этими событиями русско-персидское противостояние в середине XVII не исчерпывалось. Вокруг Терского городка также ощущалась напряженная обстановка. В период конфликта с Персией даже в окрестностях Астрахани население не чувствовало себя в эти годы в полной безопасности. Но об этом практически ничего не известно.

Для многих авторов основной источниковой базой служат документы, опубликованные в 1-м томе сборника «Кабардино-русские отношения» (1957). Уже в них имеется указание на то, что на помощь гарнизону Терской крепости в 1653 г. были направлены из Астрахани наряду со стрельцами

«конных и пеших приказов с твоими государевыми ратными людьми и мурз и татар» [2, с. 313]. Однако эта тема не получила развития в историографии. Архивные документы позволяют внести ясность в этот вопрос. Они свидетельствуют, что о готовящемся нападении в 1651 г. персов и кумыков на Сунженский острог в Астрахани стало известно в середине октября. Терский воевода стольник М.И. Щетинин писал в Астрахань, что приехавший в их городок тезик Абдрахман сообщил, что персидские войска идут на Сунженский острог и на Терский город [8, л. 183]. Астраханский воевода сразу же дал указание на Терек, «что они в Терском городе жили с великим береженьем и про приход воинских людей проводывали всякими мерами накрепко, чтоб воинские люди Терскому городу и Сунженскому острогу безвестно не пришли и дурна какова не учинили...». Для усиления военных сил на Кавказе воевода М.П. Пронский «велел быть на Терке конных приказов головам стрелецким Василью Пояркову да Автоному Репьеву с стрельцы и с татары, которые посланы были для обереганья грузинского царевича Николая, да на Терек же послал пешего приказу голову стрелецкого Михайла Маматова с приказом» [8, л. 184-185]. Таким образом, первой группой юртовцев, которым выпала судьба участвовать в противостоянии с Персией на Северном Кавказе, стала та, что сопровождала из Астрахани грузинского царевича на обратном пути домой. Впрочем, обстановка заставляла астраханские власти вносить коррективы в предпринимаемые действия. Стрельцам из приказа М. Маматова велено было немедленно выступить на Терек «водяным путем», а «конного приказу голову стрелецкого не послал... для того, – писал М.П. Пронский царю, – что на Терке конскими кормами скудно» [8, л. 202].

Между тем угроза нападения на Сунженский острог воплотилась в реальность. В начале ноября 1651 г. кабардинский князь Муцал Черкасский сообщил, что для помощи защитникам острога терский воевода направил на Сунжу стрелецкого голову Воина Голикова с сотниками и стрельцами, «сотенного» голову Василия Вышеславцева с детьми боярскими, окочанами и новокрещенами, а также табунного голову Тлева Тугашева с юртовскими татарами [8, л. 123].

Как только в Астрахани получили новые ведомости о нападении персов и кумыков на Сунженский острог, астраханский воевода М.П. Пронский отправил 2 ноября того же года голову стрелецкого Панкрата Герасимова с приказом (полком) и мурз: едисанского Канбулата Тинбаева, ногайского Уруса Чубармаметева и юртовского Мурзабека Аллашева, «а с ними четвереста татар». Кроме того, из Астрахани были посланы на Терек «водяным путем в струге» два сотника и двести пеших стрельцов. Воевода велел им «на Терке для обереганья от приходу кумыцких людей стоять в Терском городе с великим береженьем неоплошно, чтоб кумыцкие и кизылбашские люди над Терским городом какова дурна не учинили». Сообщая об этом в отписке царю от 16 ноября, астраханский воевода отметил, что «больше, государь, того твоих государевых астраханских ратных людей на Терек послать было неково, многие твои, государь, ратные люди по своим государевым службам в разсылках, а которые государь ныне в Астрахани за посылками остались в остатке и их послать было опасно для прихода калмыцких людей» [8, л. 135].

Отправляя с этими отписками в Москву астраханских юртовских татар Кошумбета Келимбетева из табуна Янтугана Танатарова «с товарищи» (трех человек), астраханский воевода велел им ехать по Крымской стороне реки Волги «днем и ночью крепкими местами с великим береженьем». Большого числа людей в «станции» отправить из Астрахани было невозможно «за калмыцкими людьми».

В 1651 г. планам Персии и ее вассалов на Северном Кавказе не суждено было сбыться. Защитникам Сунженского острога удалось его отстоять, нападения на Терский городок не предпринималось. После отхода персидских войск ряд правителей Дагестана решили нормализовать отношения с Московским государством. 13 декабря 1651 г. джетисанский Янмамет-мурза Янаев из рода Тинбаевых объявил в Астраханской приказной избе, что получил с Терка от мурзы Танжехала Арасланова через его узденя сообщение, что участники нападения на Сунженский острог тарковский шамхал Сурхай и андреевский мурза Казаналп хотят принести повинную царю и «у тебя, государя, в холопстве по прежнему и шерть подкрепить и аманаты дать». Из Астрахани приказали терскому воеводе вступить с обоими дагестанскими владельцами в переговоры [8, л. 212].

В конце зимы 1653 г. ситуация на Северном Кавказе вновь обострилась. Вернувшийся из Тарков в Терский городок посланник местных воевод сообщил, что тарковский шамхал и другие кумыкские владельцы вышли к реке Аксай и стоят в одном дне пути от Терков. В их отряде насчитывалось около двух тысяч воинов. У них на вооружении имелось четыре пушки, у каждого воина было по топору и заступу. Кроме того, ожидался подход к ним других кумыкских сил. Все они собирались под Терский городок. Терские воеводы укрепили оборонительные рубежи, местных служилых людей «по деревянному и по земляному городу расписали по местам, где кому быть в приход воинских людей» и запросили помощь у астраханских воевод, которые сразу же послали к ним астраханского стрелецкого голову Герасима Жеринского с приказом, а также юртовских мурз и татар [8, л. 221-224].

В начале марта 1653 г. в Астрахань «прибежали» астраханские юртовские татары Эльшай с «товарищи» (4 человека), которые в феврале того же года были посланы в Терский городок с воеводскими отписками. Они заявили, что по пути в Терки в одном дне пути от городка на реке Кизлярке наткнулись на кумыкскую заставу. По их словам там стояли «кумыкские воинские большие люди». Помимо этого, во многих местах до Белого озера кумыками были поставлены караулы. Юртовцы не смогли из-за этого проехать в Терскую крепость. Более того, кумыки «гоняли» за ними и смогли захватить одного из их товарищей. Юртовцы утверждали, что «государевым астраханским ратным людем в Терский город за кумыкскими воинскими людьми пройти будет не мочно» [8, л. 224].

14 марта из Астрахани были направлены на Терек «от приходу кумыцких и кизылбашских воинских людей» дополнительные силы под началом письменного головы И.П. Долгова-Сабурова. Из опубликованных источников известно, что в их числе были конные и пешие стрельцы, а также мурзы

и татары [2, с. 313]. Однако архивные данные дают нам более полный перечень этих сил. Так, наряду со стрельцами в отряд вошли дворяне и дети боярские из Астрахани и других городов. Перечисляя состав астраханских мурз и татар, направленных вместе с И.П. Долговым-Сабуровым, астраханский воевода указывал, что направил на Терек «мурз едисанских Янмамета Янаева сына Тинбаева, да Ислама княж Алеева сына Урусова, да нагайского Тударыка мурзу Ищерекова и иных мурз и табунных голов, а с ними татар 1500 человек» [8, л. 227-228].

Перед отрядом И.П. Долгова-Сабурова была поставлена задача по защите Терского городка и деблокаде Сунженского острога. «Будет кумыцкие и кизылбашские люди придут под Терский город и им... над воинскими людьми промышлять», – говорилось в воеводском наказе. При этом астраханский воевода «в дальние места в степь за воинскими людьми ходить им не велел, чтоб малыми людьми на больших людей не найти и ... государевым людем дурна какова не учинить». И.П. Долгов-Сабуров должен был освободить от осады Сунженский острог, а если угроза вражеского нападения минует, то ему приказано было со всеми астраханскими ратными людьми, в том числе с мурзами и татарами, возвратиться в Астрахань [8, л. 228-229].

Несмотря на предпринимаемые со стороны царских воевод действия и мужество защитников Сунженского острога, удержать его не удалось. 25 марта 1653 г. в Терки приехали сидевшие в осаде на Сунже стрельцы и терские казаки, которые рассказали о том, как протекала борьба за Сунженский острог и чем она завершилась [2, с. 314–315]. Эти сведения подтвердил впоследствии Шангирей-мурза Урусханов Черкасский, также находившийся вместе со своими людьми в осаде в Сунженском остроге. Посланные из Терского города разведчики доложили по возвращении, что русский острог на Сунже разрушен, но его можно восстановить. При этом персидские и кумыцкие войска покинули его окрестности. Сообщая подробности произошедших на Сунже событий, астраханский воевода запросил инструкций из Москвы на случай продолжения конфликта с Персией, отмечая: «А будет, государь, кизылбашские ханы со многими воинскими людьми и кумыцкие владельцы с своими кумыцкими воинскими людьми под Терской город придут, и мне, холопу твоему, твоими государевыми астраханскими служивыми людьми Терскому городу больши того помочи учинить неким» [2, с. 317].

Русско-персидский конфликт серьезно осложнил взаимоотношения между двумя государствами. На его преодоление потребовались годы. Нам же остается только отметить, что в ходе него астраханские воеводы вынуждены были мобилизовать все имеющиеся в их распоряжении силы для отражения внешней агрессии. Наряду со стрельцами, дворянами и детьми боярскими на Терек были направлены и значительные силы астраханских татар во главе с мурзами и табунными головами. Воинские силы, прибывшие из Астрахани и вернувшиеся из Сунженского острога вместе с артиллерией, значительно повысили оборонную мощь гарнизона Терского городка. Персидские и кумыцкие войска так и не решились в середине XVII в. напасть на него. И это можно в полной мере считать следствием усиления военной

группировки царских войск на Северном Кавказе, в рядах которых астраханские юртовские татары играли немаловажную роль.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Астраханские юртовские татары в орбите внутренней и внешней политике России в XVII–XVIII вв.», проект № 14-01-00054/а.

Список литературы

1. Абдусаламов М.-П.Б. Кумыкские феодальные владения в контексте русско-иранского противоборства на Кавказе в 50-х гг. XVII в. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2014. № 172. С. 80-88.
2. Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Том 1. М. АН СССР. 1957.
3. Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества (XVI – XVIII). Изд. второе. испр. и доп.. СПб.: Историческая иллюстрация, 2002.
4. Магомадова Т.С. Брагунское княжество – феодальное владение в Чечне в XVII в. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2010. № 1 (12). С.142-146.
5. Магомадова Т.С. Первые русские крепости в междуречье Терека и Сунжи в XVI –XVII вв. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2010. № 2. (13). С. 106–113.
6. Магарамов Ш.А., Шихмагомедова Ф.М. Формирование пророссийской ориентации дагестанских правителей в условиях борьбы против Ирана в 50-60-е гг. XVII в. // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2012. Т. 8. № 6. С. 89-92.
7. Потто В.А. Два века Терскаго Казачества (1577-1801). Т. I-й. Владикавказ, 1912.
8. Российский государственный архив древних актов. Ф. 121. Оп. 1. 1651 г. Д. 1.
9. Торопицын И.В. «Без легкой и подвижной иррегулярной конницы... русской армии пришлось бы тяжело». Участие астраханских (юртовских) татар в боевых действиях против шведов (1701–1705 гг.) // Военно-исторический журнал. М., 2014. Вып. 1. С. 8-12.
10. Торопицын И.В. Астраханские татары в первые годы после присоединения к Московскому государству // Астраханские краеведческие чтения: Сборник статей / под ред. А.А. Курапова, Е.И. Герасимиди, Р.А. Тарковой. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2015. Вып. VII. С. 246-250.
11. Торопицын И.В. Участие астраханских юртовских татар в войнах Московского государства // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки: Материалы Всероссийской научной конференции, Астрахань, 29 апреля 2016 г. / Отв. ред. А.О. Тюрин. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич. Астрахань, 2016. С. 37-41.
12. Торопицын И.В. «За полтора часа до свету пришли на город Терек неприятельские люди» // Военно-исторический журнал. М., 2016. №. 3. С. 70-73.
13. Торопицын И.В. Участие астраханских юртовских татар в русско-польской войне 1609-1618 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2016. № 8. С. 248-254.
14. Торопицын И.В. Участие астраханских юртовских татар в отражении шведской агрессии против Московского государства в 1615 году // Современные тенденции развития науки и технологий: сборник научных трудов по материалам XVIII Международной научно-практической конференции г. Белгород, 30 сентября 2016 г.: в 7 ч. / Под общ. ред. Е.П. Ткачевой. Белгород: ИП Ткачева Е.П., 2016. № 9. Ч. 5. С. 119-123.
15. Торопицын И.В. Донская служба астраханских юртовских татар в 1646 году // Современные тенденции развития науки и технологий: сборник научных трудов по материалам XIX Международной научно-практической конференции г. Белгород, 31 октября 2016 г.: в 13 ч. / Под общ. ред. Е.П. Ткачевой. Белгород: ИП Ткачева Е.П., 2016. № 10. Ч. 4. С. 123-131.

16. Торопицын И.В. Малоизвестные факты по военной истории астраханских юртовских татар: участие в войне с Польшей за воссоединение Украины с Россией в XVII в. // Европа: актуальные проблемы этнокультуры. Древность, средние века, новое и новейшее время: материалы IX Междунар. науч.-теорет. конф., Минск, 10-11 ноября 2016 г. / Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол.: А.В. Касович (отв. ред.) [и др.]. Минск: РИВШ, 2016. С. 152-157.

17. Торопицын И.В. Участие астраханских юртовских татар в походе в Крым в 1675 г. под началом князя К.М. Черкасского // Современные тенденции развития науки и технологий: сборник научных трудов по материалам XIX Международной научно-практической конференции г. Белгород, 30 ноября 2016 г.: в 13 ч. / Под общ. ред. Е.П. Ткачевой. Белгород: ИП Ткачева Е.П., 2016. № 11. Ч. 8. С. 30-36.

18. Торопицын И.В. Военные действия астраханских татар на Украине в ходе 2-го Чигиринского похода в период русско-турецкой войны 1676–1681 гг. // Материалы за 12-а международна научна практична конференция «Бъдещето въпроси от света на науката – 2016». Т. 9. История. Политология. Философия. София: ООО «Бял ГРАД-БГ», 2016. С. 15-22.

19. Умаханов М.-С.К. Дагестано-русские отношения в средневековый период (XV-XVIII) // Вестник института истории, археологии и этнографии. Махачкала, 2009. № 18. С. 20–34.

20. Хумигов А.Э. Северо-восточный Кавказ в российско-иранских отношениях в середине XVII в. // Труды Грозненского государственного нефтяного технического университета им. академика М.Д. Миллионщикова. 2008. № 8. С. 342-348.

21. Хумигов А.Э. Российско-иранские отношения и Восточный Кавказ в 50-60-е гг. XVII века // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 12 С. 61-67.

О ВРЕМЕНИ ПРЕКРАЩЕНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНСТАНТИНОГОРСКОЙ КРЕПОСТИ

Шульгина О.Ю.

студентка гуманитарно-технического факультета, Филиал Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки, Россия, г. Ессентуки

В работе кратко характеризуется завершающий этап существования Константиногорской крепости как укрепления, построенного для охраны границ Российской империи на Северном Кавказе. Используются основные современные статьи и книги, посвященные истории Константиногорской крепости, а также опубликованные материалы современников ее существования.

Ключевые слова: Северный Кавказ, последняя четверть XVIII – середина XIX в., Азово-Моздокская линия, Константиногорская крепость, завершающий этап функционирования.

Константиногорская крепость [5, с. 76-79] была построена в 1780-1783 гг. для усиления группы земляных российских укреплений Азово-Моздокской (позднее Кавказской) линии [14, с. 23-24] на границе с Кабардой. Основная задача Константиногорской крепости состояла в предотвращении связей между населением Кабарды и Закубанья [6, с. 14; 11, с. 10]. Народы Закубанья придерживались в то время протурецкой ориентации [10, с. 29-36].

В конце XVIII и начале XIX в. военно-стратегическое и военно-административное значение Константиногорской крепости было максимальным и ее дополнительно укрепляли, благоустраивали и ремонтировали [4, с. 16-20]. Однако фортификационные сооружения оставались земляными, а постройки внутри вала – саманными и деревянными.

В первой половине 20-х гг. XIX в. крепость начала утрачивать свое военное значение. По инициативе А.П. Ермолова происходил перенос Кордонной линии на юг, на Малку. Константиногорская, а также соседние Марьинская [3, с. 32] и Павловская крепости с этого времени находились не на передовой, в глубине линии (7, с. 15, 20). Более мощная Георгиевская крепость (к тому времени – город Георгиевск) [2, с. 5-11], где имелись военные склады, сохраняла свое военно-стратегическое значение. Близко расположенная Кисловодская крепость осталась на краю линии и потому в 30-50-х гг. XIX в. продолжала сохранять важное военное значение и официально была упразднена только в 1862 г. [8, с. 38-39].

Уже летом 1823 г. И. Радожицкий писал о Константиногорской крепости: «... небольшая, едва приметная крепостца, которая ныне по безопасности места оставлена и выключена из числа вооруженных ...». К 1824 г. Тенгинский пехотный полк был переведен из этой крепости в другие укрепления. Фортификационные сооружения Константиногорской крепости довольно быстро разрушились. Летом 1827 г. П. Савенко писал: «Константиногорская крепость есть не что иное, как развалившийся земляной вал, окруженный засыпавшимися рвами. Внутри нее имеется несколько домиков, принадлежащих местным поселянам, коих большая часть переселилась в Горячеводск. В южной части крепости расположены ветхие казармы и госпиталь для военной команды, служащей защитой сей крепости. Прочее место внутри пусто и заросло бурьяном». В 1838 г. П. Хицунов констатировал: «... ныне можно заметить слабые остатки крепости Константиногорской – развалины казарм, несколько опустелых разрушенных домиков и заглохших садилов. Скоро нельзя будет отыскать и следов бывшей крепости» [1, с. 78-79].

К середине XIX в. от бывшей крепости осталось только военное кладбище на курганах [12, с. 19-20; 13, с. 62-64]. В начале XX в. в этой местности начал застраиваться новый жилой район города Пятигорска – Новопятигорск. В 1968 г. на ул. П. Тольятти рядом с остатками заплывшего рва Константиногорской крепости был разбит сквер и установлен кирпичный памятный знак в виде стены [9, с. 39-40].

Список литературы

1. Боглачев С.В., Кузнецов В.А., Маркелов Н.В. Пятигорск в исторических очерках. Пятигорск, 2010. 288 с.
2. Дорофеев Г.Л., Фоменко В.А. Крепость Святого Георгия // Крепости Азово-Моздокской линии. Пятигорск, 2003. С. 5-11.
3. Дорофеев К.Г., Фоменко В.А. Крепость Святой Марии // Крепости Азово-Моздокской линии. Пятигорск, 2003. С. 31-33.
4. Коваленко А.Н., Савенко С.Н. и др. Воинская слава Пятигорска: очерки истории. Пятигорск, 2015. 352 с.
5. Краснокутская Л.И., Фоменко В.А. Константиногорская крепость // Из истории народов Северного Кавказа. Сборник научных статей. Ставрополь, 2000. С. 76-79.

6. Польский Л.Н. Константиногорская крепость и Горячеводское поселение // Константиногорская крепость. Исторические очерки. Пятигорск, 2007. С. 6-37.
7. Рудницкий Р.Р. История возникновения и функционирования крепостей Азово-Моздокской линии (1777-1829 гг.) // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2004. 24 с.
8. Рудницкий Р.Р., Фоменко В.А. Кисловодская крепость // Крепости Азово-Моздокской линии. Пятигорск, 2003. С. 34-41.
9. Семендяев М.В. Военно-исторические памятники города Пятигорска. Пятигорск, 2012. 112 с.
10. Фоменко В.А. Башня Адиух // История и культура народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Пятигорск, 2007. С. 29-36.
11. Фоменко В.А. Константиногорская крепость. Исторический очерк. Пятигорск, 2002. 24 с.
12. Фоменко В.А. Короткая история Константиногорска // Вдохновенный Пятигорск. Кавказские Минеральные Воды. К 200-летию юбилею. 1803-2003. СПб.: Наследие народов Российской Федерации, 2003. С. 18-20.
13. Фоменко В.А. Курганы в Ново-Пятигорске и кладбище Константиногорской крепости // Материалы III региональной научно-практической конференции «Дни науки». Пятигорск, 2002. Вып. 16. Часть 3. С. 62-64.
14. Фоменко В.А. Пятигорье в XV – середине XVIII в. Пятигорск, 2002. 76 с.

РАЗВИТИЕ РЕМЕСЛЕННОСТВА В МАВЕРАННАХРЕ В XI-XII ВЕКАХ

Яркулов А.А.

Главное научно-производственное управление по охране и использованию объектов культурного наследия, Узбекистан, г. Ташкент

Эшматова Н.О.

учительница, колледж агропромышленности Зангиатинского района, Узбекистан, г. Ташкент

Зарипов Т.Ш.

Главное научно-производственное управление по охране и использованию объектов культурного наследия, Узбекистан, г. Ташкент

Самарканд, Бухара, Термез, Узган, Ташкент, Карши и Ахсикат древних исторических городов Центральной Азии. Эти города находилась в Центральной Азии на перекрестке важных путей, которые вели в среднеазиатское Междуречье из Ближнего и Дальнего Востока. В данной статье авторы излагают свои мнения по поводу развития ремесленничества в Мавераннахре и историческое развитие в эпоху средневековья.

Ключевые слова: керамическое производство, средние века, ремесло, историческое развитие, гончарное дело, стеклотуф, медник, кузнечное дело, ткачество, Великий шелковый путь, Мавераннахр, товарно-денежные отношения.

В XI-XII веках города расширялись, увеличивалась численность населения. Города, как Самарканд, Бухара, Термез, Узган, Ташкент, Карши и Ахсикат стали высокоразвитыми центрами товарно-денежных отношений, выпускающие разнообразные продукции для внутреннего и внешнего рынка. В

городах и за пределами городов появились торгово-ремесленные ряды, караван-сарай, ремесленные поселки. В городах развивались такие промыслы как гончарное дело, стеклотуф, медник, кузнечное дело и ткачество.

Развитие Великого шелкового пути оказало огромное влияние на развитие ремесленничества в Мавераннахре. Ввоз и вывоз разной продукции в другие страны дало мощное развитие многих видов ремесленничества.

В средние века, крупные города и кишлаки будучи торгово-ремесленническими центрами, находились на пути караванов. Вокруг Мавераннахра проходило множество торговых путей. Таких как, Китай, Алтай, Восточная Европа, Индия, Иран и Афганистан, Бухара, Самарканд, Ташкент и Ферганская долина, которые были связаны между собой. Помимо этого были дороги местного значения.

С древних времен самым развитым видом ремесленничества считалось гончарное дело. Этот вид ремесленничества можно разделить на подвиды: 1) изготовитель кувшинов; 2) тандыров; 3) ваз; 4) посуды.

В развитые средние века традиции, возникшие в древние и раннесредние века, получившее широкое распространение глазурованных гончарных изделий, считается относящейся к этому периоду.

В гончарном деле XI-XII веков, керамическая посуда богатая разными узорами, отличалась своей разнообразностью и высоким уровнем изготовления. На разнообразную керамическую посуду наносились узоры желтым, голубым, зеленым, красным, коричневым, черными цветами и покрывались глазурью.

На керамическую посуду наносились разнообразные узоры в виде листьев и цветов, эпиграфические, зооморфические узоры.

На глиняные изделия наносились эпиграфические записи, в которых отражались мудрые слова, хадисы, пословицы и пожелания.

Начиная с X века можно увидеть возрождение изобразительного искусства средних веков. Придя к XI-XII векам они развивались на уровне искусства.

На фрагментах найденных в Шахрисябзе на белом фоне голубым и черным цветами изображена птица с длинным клювом (сохранилась только задняя часть птицы, клюв полностью не сохранен, это может быть павлин).

На фрагментах, найденных в Ахсикете, в комплексе АК-15 изображены попугай, петух и львенок [1, с. 444]. Как было отмечено выше, фрагменты, найденные в комплексе АК-15, относятся к концу X века и первой половине XI века. Такие зооморфические узоры были найдены и в Афрасиабе, на керамических изделиях схематически изображены разные птицы и животные. Их относят к периоду конца X и первой половине XI века. Относящиеся к первой половине X века изображены более схематично. Относящиеся к XI-XII векам достигли уровня искусства [2, с. 140-142].

Несмотря на то что, изображения на керамических изделиях широко распространены во всех регионах Мавераннахра, на каждом из них можно увидеть опыт художника, кругозор и представления.

В XI-XII веках, в Мавераннахре, стекловодство стояло на ряду 33-х самых важных ремесел города [3, с. 100].

Придя к развитым средним векам стекловодство стало одним из основных видов ремесленничества. В XI-XII веках стеклянные изделия получили широкое применение в быту и разделялись на несколько видов: 1) утварь для парфюмерии; 2) аптечная утварь; 3) кухонная утварь; 4) утварь для стола; 5) санитарно-гигиеническая утварь; 6) оконные стекла.

Как в гончарном деле, так и в стекловодстве использовались разные орнаменты. В них много встречаются геометрические формы, орнаменты из цветов и листьев.

Широкое распространение стеклянных изделий в этот период говорит о том, что во всех крупных городах имелись стеклодувные ремесленники.

Кузнечное дело в XI-XII веках считалось ремеслом, имеющим особое стратегическое значение. Это ремесло было разделено на несколько видов. Изготовление военного оружия имело для государства важное стратегическое значение. С этой точки зрения нужно отметить, что основным заказчиком было государство. В центральных городах Мавераннахра, в частности, в Самарканде, Бухаре, Ташкенте, Карши и в других городах имелись отдельные поселки кузнечных дел мастеров.

На ряду с этим, в городах для развития этого промысла огромное значение имел тот факт, что запасы сырья имелись в горных районах Центральной Азии (Фергана, Зарафшан, Нурота, Гисар и других горах)

Великий венгерский путешественник Арминий Вамбери в 1863 году путешествовавший по Средней Азии так представил кузнечное дело Карши: “индустрия Карши прославилась производством ножей, в соседнем Гисаре тоже можно увидеть высокое развитие этой индустрии. Разные виды ножей распространялись по всей Средней Азии, помимо этого отправлялись в Иран, Аравию и Турцию, где продавались в три-четыре раза дороже” [4, с. 106].

Была издана научная монография в двух томах по Панжикентской металлургии [5, с. 51-54]. В этих монографиях подробно описаны кузнечные мастерские, рынки, начиная от хозяйств и до железных изделий и орудий, применяемых в повседневной жизни, из военных орудий от простого накопника стрелы до меча, щита и кольчуги.

В XI-XII веках в Мавераннахре было высоко развито ткачество. Наличие сырья хлопка, шерсти, шелка дал толчок к развитию этой сферы. Ковры, разные ткани не только во внутреннем рынке, но и за границей были востребованы.

И так, города развиваются с формированием Централизованных государств. Это в свою очередь дает развитие ремесленничества и торговли. Основной составляющей считалось наличие сырья и достаточный спрос на рынке.

Список литературы

1. Анарбаев А. Ахсикет столица древней Ферганы. Ташкент, издательство «Tafakkur», 2013.

2. Шишкина Г.В. Ремесленная продукция средневекового Согда. Ташкент, издательство «Фан», 1986.
3. Амиджанова М. Средневековые стеклянные сосуды из музеев Ташкента и Самарканда. ИМКУ вып. 3. Ташкент, 1962.
4. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии, М.: Восточная литература.
5. Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.

СЕКЦИЯ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗОВСКОГО ПРОФСОЮЗА

Блохина М.В.

доцент кафедры социологии и соц. технологий, канд. социол. наук, доцент,
Тверской государственной технической университет, Россия, г. Тверь

Григорьев Л.Г.

профессор кафедры социологии и соц. технологий, канд. филос. наук, доцент,
Тверской государственной технической университет, Россия, г. Тверь

В статье раскрываются особенности деятельности профсоюзной организации современного вуза, рассматриваются проблемы профсоюзной работы в высшей школе. Анализируются данные прикладных социологических исследований, проведенных в Тверском государственном техническом университете. Обосновывается необходимость социологического сопровождения деятельности профсоюзной деятельности в современном вузе.

Ключевые слова: высшая школа, профсоюзная организация, социологическое сопровождение.

В современном российском обществе все большее внимание уделяется развитию социального партнерства, которое рассматривается как эффективный механизм обеспечения экономического благополучия, социального мира и политической стабильности. Система социального партнерства предполагает взаимодействие трех субъектов: работников, работодателей и государства. Права и интересы работников в этой схеме призваны отстаивать профсоюзы.

В постсоветской России развитие социального партнерства характеризуется противоположными тенденциями. С одной стороны, формируется нормативная правовая база, институционализируются передовые практики, укрепляется корпоративная социальная ответственность, с другой стороны, не в полной мере выполняются положения правовых документов, партнерские процедуры бюрократизируются, невысок уровень взаимного доверия сторон трипартизма [2].

Одной из главных особенностей современной российской модели социального партнерства является недостаточная активность профсоюзного движения как основного защитника законных прав и интересов трудящихся. Кризис профсоюзного движения в России проявился в значительном снижении численности членов первичных организаций, падении авторитета профсоюзных структур, пассивности их руководителей, чрезмерном влиянии государственных и административных органов на их деятельность, монополии «официальных» профсоюзов в сфере защиты прав трудящихся и их вражде с «нетрадиционными» профсоюзными организациями.

Все это в полной мере касается профсоюзной работы в образовательных организациях высшего образования. Среди проблем социального парт-

нерства в высшей школе следует особо отметить следующие трудности: слабая нормативная правовая база; незаинтересованность руководства вузов в развитии социального партнерства; недостаточная активность вузовских профсоюзных организаций в отстаивании интересов сотрудников вузов; неучастие значительной части трудовых коллективов вузов в профсоюзной жизни; низкий уровень доверия педагогических коллективов вузов к администрации учебных заведений. В этих условиях особенно актуальны вопросы развития социального партнерства в сфере высшего образования, совершенствования деятельности профсоюзных организаций вузов.

Одним из самых массовых отрядов профсоюзного движения в стране выступает профсоюз работников образования и науки РФ, объединяющий в своих рядах работников различных образовательных и научных организаций, в том числе трудовые коллективы вузов. Первичная профсоюзная организация действует и в Тверском государственном техническом университете (ТвГТУ) [1]. Опыт работы профсоюзного комитета ТвГТУ показывает, что важным условием повышения эффективности профсоюзной деятельности в вузе является ее социологическое сопровождение. Система социологической поддержки профсоюзной работы должна включать в себя проведение как мониторинговых, так и разовых исследований, посвященных возникающим в жизни университета проблемам.

Примером регулярных исследований, проводимых в ТвГТУ, является социологический опрос преподавателей и сотрудников, посвященный отношению к деятельности профсоюзной организации вуза, который традиционно проводится в начале учебного года. Исследование, организованное в сентябре 2015 года, вскоре после выборов нового состава профкома университета, позволило получить его членам важную информацию. Всего по репрезентативной выборке с помощью метода анкетирования было опрошено 250 человек. Выяснилось, что 56% участников опроса на момент проведения исследования являлись членами профсоюза, почти каждый третий респондент по каким-то причинам «вышел из профсоюзных рядов» (31%), 13% работников вуза сообщили, что никогда не участвовали в профсоюзной работе.

Особый интерес представляют ответы на вопрос о причинах неучастия в профсоюзном движении. Большинство респондентов выбрали вариант ответа «не вижу для себя пользы от членства» (65%), каждый седьмой работник сообщил, что «очень жалко денег на профсоюзные взносы» (15%). Среди других вариантов – «не знал(а) о существовании профсоюза в вузе» (5%), «не люблю общественную работу» (4%). При этом хотели бы вступить в профсоюзную организацию сотрудников ТвГТУ 15% опрошенных работников, 30% – затруднились ответить на соответствующий вопрос, а 55% респондентов ответили на него отрицательно.

Участникам исследования также был предложен вопрос «Чем, по Вашему мнению, должен заниматься профком ТвГТУ?». Наибольшую поддержку трудового коллектива получили такие направления профсоюзной работы, как «материальная помощь сотрудникам, попавшим в трудную жизненную ситуацию» (22%), «охрана здоровья работников» (21%), организация

культурного досуга (16%), «помощь сотрудникам, имеющим детей» (13%), поддержка ветеранов (11%). Данные подобных опросов профком университета постоянно использует в своей работе.

Однако в деятельности профсоюзной организации университета часто возникает необходимость в проведении оперативных исследований, связанных с важными событиями в жизни вуза. Одним из таких событий в 2015/2016 учебном году стало введение в ТвГТУ системы эффективного контракта.

Эффективный контракт призван сделать оплату труда преподавателей более справедливой, обусловить ее размер личным трудовым вкладом каждого педагога. Общеизвестно, насколько болезненно в трудовых коллективах воспринимаются вопросы оплаты труда. Важно четко определить критерии, учитываемые при определении размера дополнительных выплат, обеспечить подлинную справедливость, предотвратить конфликты в трудовом коллективе [3]. Решить эти вопросы без участия профсоюза невозможно.

В связи с этим, по инициативе профкома весной 2016 года в университете было организовано социологическое исследование, посвященное отношению профессорско-преподавательского состава к системе эффективного контракта. Всего было опрошено 100 представителей трудового коллектива. В ходе исследования преподавателям предлагалось оценить свою информированность о новом подходе к оплате труда. Выяснилось, что примерно половина респондентов «имеет общее представление об этом» (51%), а 42% – «отлично ориентируются в этом вопросе». Ответы на вопрос «Откуда Вы получили информацию о введении в ТвГТУ эффективных контрактов?» показали, что более половины участников опроса узнали о новой системе оплаты труда «на заседании кафедры» (69%), каждый пятый преподаватель получил информацию в неформальной обстановке «от коллег по кафедре (факультету)» (18%). Выяснилось также, что две трети респондентов знакомы с содержанием локального нормативного акта ТвГТУ, регламентирующего функционирование системы эффективных контрактов (73%). В то же время 65% преподавателей хотели бы получить больше информации о системе эффективного контракта в университете. Анкета включала в себя также еще целый ряд вопросов, касающихся различных аспектов внедрения эффективного контракта.

Проведенное исследование позволило профкому ТвГТУ подготовить рекомендации по дальнейшему совершенствованию системы эффективного контракта в университете для обсуждения с администрацией вуза. В частности, усилить информационное сопровождение функционирования системы эффективного контракта (публиковать соответствующие материалы в вузовских СМИ, создать специальный раздел сайта ТвГТУ); расширить перечень показателей эффективности работы преподавателя, за счет включения новых критериев (кураторская работа, экспертная деятельность и т.п.); дифференцировать требования, предъявляемые к разным категориям профессорско-преподавательского состава; увеличить объем средств, направляемых на финансирование дополнительных выплат преподавателям в рамках системы

эффективного контракта (увеличить «стоимость одного балла»); изучать передовые практики внедрения эффективного контракта в российских вузах для использования лучшего опыта в ТвГТУ.

Безусловно, социологическое сопровождение профсоюзной деятельности в вузе требует решения ряда рабочих проблем. Среди них – подготовка качественного инструментария, проведение полевого этапа, обработка и анализ полученных данных. Помочь профсоюзу в методических и организационных вопросах могут кафедры социологии (социально-гуманитарных наук), существующие в каждом вузе. Социологические исследования в трудовом коллективе позволяют выявить острые проблемы и «нащупать» пути их решения. Социологические данные делают предложения профкома администрации вуза более обоснованными. Благодаря регулярным опросам усиливается информированность персонала о профсоюзной работе, укрепляется доверие к профсоюзным структурам, растет авторитет профкома.

Список литературы

1. Блохина М.В. Проблемы и перспективы деятельности профсоюзной организации современного вуза // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2015. № 21. С. 121-125.
2. Киселев В.Н., Смольков В.Г. Социальное партнерство в России. Специфика и основные проблемы становления в период рыночных реформ. М.: Интерполиграф, 2002. 182 с.
3. Постников С.Н. Эффективный контракт в вузе: практика реализации // Высшее образование в России. 2015. № 5. С. 37-45.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ИМИДЖА СОТРУДНИКА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Волков Е.П.

доцент кафедры философии и истории, канд. социол. наук, доцент,
Академия ФСИИ России, Россия, г. Рязань

Зотова К.В.

доцент кафедры философии и истории, канд. социол. наук, доцент,
Академия ФСИИ России, Россия, г. Рязань

В статье анализируются теоретические подходы к пониманию и развитию имиджа. Подчеркивается сложность формирования положительного имиджа сотрудника пенитенциарной системы в связи с отсутствием концептуальной проработки и отсутствием понимания необходимости работы над имиджем со стороны самих сотрудников. Особое внимание в статье уделяется роли Академии ФСИИ России в развитии и укреплении положительного имиджа сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: положительный имидж, уголовно-исполнительная система, управление имиджем, процесс формирования, личностные качества, кодекс этики, учебное заведение академического статуса.

Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН России) занимает определенную нишу в системе госструктур, является опорой государства, по-

этому важно развивать положительный имидж сотрудника уголовно-исполнительной системы (УИС) и системы исполнения наказаний в целом. Для государственной структуры имидж имеет важное функциональное и статусное значение, так как является показателем уровня доверия к ней населения и критерием оценки обществом эффективности управленческой деятельности и, по большому счету, проводимых государством преобразований. Имидж фиксирует степень соответствия действий государственных органов требованиям и ожиданиям конкретных социальных групп и социума в целом.

Очевидно, что сложившийся к настоящему времени имидж не способствует развитию и не укрепляет авторитет системы исполнения наказаний.

В настоящее время заметны противоречия между личностными качествами сотрудников УИС и ролевыми требованиями, предъявляемыми к ним обществом, противоречия между реальным имиджем и образом, сформированным общественным мнением.

Процесс развития положительного имиджа предполагает системный подход, так как, именно системное изучение и формирование имиджа сотрудника УИС позволит достичь успехов в развитии системы исполнения наказаний в целом.

Формирование позитивного имиджа силовой структуры является важнейшим условием эффективного функционирования и развития данного социального института. Об имидже уголовно-исполнительной системы будут судить по имиджу каждого из сотрудников. Сотрудникам УИС не должно быть безразлично, как они выглядят со стороны, потому что через впечатление, производимое ими на население, лежит путь к определению статуса и роли всей уголовно-исполнительной системы в обществе.

Понятие «имидж» означает целостное видение конкретного социального объекта, построенное на базе его стереотипизированного восприятия, своего рода схематизированный образ этого объекта [6]. Имидж, по определению одного из его теоретиков, есть «искусство управлять впечатлением» [8].

Несмотря на то, что понятие «имидж» в современном понимании сложилось лишь в первой трети XX века в связи с возникновением теории публич-рилейшнз [1], история формирования представлений об этом явлении имеет мощную интеллектуальную традицию.

С начала XX в. научные представления о процессах, связанных с возникновением и формированием имиджа, складывались главным образом в категориальном поле двух наук: психологии и социологии. Представители этих наук создали большое количество фундаментальных теорий, оказавших огромное влияние на формирование основ современной теории имиджа.

Открытие «бессознательного» (З. Фрейд), «коллективного бессознательного» и «архетипов» (К. Юнг), осмысление социокультурных феноменов в жизни больших сообществ людей (Г. Лебон) привело к пониманию механизмов формирования образов, возникающих в индивидуальном и массовом сознании.

Создание теории социальных ролей (Дж. Г. Мид, Т. Парсонс, Э. Фромм) и теории социальной стратификации (М. Вебер, П. Сорокин), вве-

ло в поле социально-философского знания такие понятия, как социальный статус, образ жизни, социальные почести и привилегии, а также представление о процессах идентификации и социализации личности. Это позволило раскрыть новые грани в понимании генезиса имиджа.

Обоснование понятия «полезности» (В. Парето) как одного из самых значимых в процессе социализации и разработка проблемы человеческих потребностей (А. Маслоу) выделили и рассмотрели явления, детерминирующие возникновение имиджа. К ним относятся потребность в одобрении и принадлежности, потребность в самовыражении, самоактуализации, в завоевании статуса и престижа. Имидж – это такой своеобразный «костыль», при помощи которого человек передвигается в лабиринтах государства, семьи, коллективной психики, чувствуя себя хоть как-то психически защищенным, надеясь на социальный успех. Отбросив по каким-то причинам «костыль», человек останется без опоры и привычки жить без такой опоры [10]. Единственный выход – найти опору в себе, но все это надо суметь захотеть!

В рамках фундаментальной отечественной психологии в эти годы была детально разработана проблема восприятия и оценки человека человеком (Л. С. Выготский, А. А. Леонтьев) [9].

В отдельную группу можно выделить лишь немногих авторов, которые работают в области теории имиджа. Среди них наиболее известны работы В. М. Шепеля [11], Г. Г. Почепцова [8], И. А. Федорова. Однако и они не могут претендовать на то, чтобы быть названными фундаментальными теориями.

Краткий анализ подходов к определению имиджа позволяет рассматривать его как представление, которое находится под контролем, он создается людьми преднамеренно и сознательно, продуманно и целенаправленно, как образ, направленный на воздействие, формирование отношения к себе (или к чему-нибудь, или кому-нибудь другому).

Нам представляется, что работая над имиджем, необходимо работать над самовосприятием носителя имиджа, над представлением сотрудника УИС о себе самом. Прежде чем работать над имиджем необходимо подготовить основание для внешнего образа. В противном случае имидж будет маской, лишенной качества достоверности.

Что является глубинным основанием имиджа нашего сотрудника? Какое представление у сотрудника о самом себе? С этими вопросами мы возвращаемся к нравственно-этическим мотивам службы и обнаруживаем, что стержнем нашего имиджа является его этический потенциал.

Сотрудник УИС служит государству, Закону, своему народу, поэтому он предан служебному долгу, верен принципам чести и справедливости, ценит достоинство как в себе, так и в людях. На основу такого самоощущения и надстраивается вся предметно-поведенческая оболочка.

В настоящее время заметны противоречия между личностными качествами сотрудников уголовно-исполнительной системы и ролевыми требованиями, предъявляемыми к ним обществом, противоречия между реальным имиджем сотрудника УИС и «идеальным образом», сформированным в общественном мнении.

Идеал – это то, чего нет в материальном мире, потому он и идеал. Но все эти черты присутствуют в разных людях, и собирательный образ сотрудника УИС – набор того лучшего, что характеризует многих из наших коллег. Идеал – это духовное явление. Он живет как в индивидуальном, так и в общем сознании и руководит нашими поступками и отношениями. Его формирование нельзя пускать на самотек. Практическая работа над имиджем в системе УИС должна начинаться с пропаганды не просто образа, а с образа идеального [7].

Известный французский социолог Ж. Бодрийяр в своей известной работе «Симулякры и симуляции» [2] утверждает, что современное общество основано на симулякрах, то есть образах, отрывающихся по смыслу от конкретных образов, к которым они изначально относились, и выступающих как фальсификационные копии. Такие симулякры настолько заполнили нашу жизнь, что стали «правдивыми», начали поглощать реальную атмосферу [3]. Чтобы не допустить стихийного формирования имиджа, как правило, отрицательного, необходимо конструировать имидж целенаправленно.

Как целостная система, имидж сотрудника УИС обеспечивается взаимосвязью и взаимообусловленностью как внешнего вида сотрудника, так и его внутреннего состояния, что отражено в «Кодексе этики и служебного поведения сотрудников УИС и федеральных государственных служащих», действующего в системе УИС, который представляет собой образцовую нравственно-этическую модель сотрудника, его идеальный имидж [5].

Применительно к системе УИС об имидже можно говорить лишь как о проблеме, которую нужно обсуждать и решать. Она выступает в нескольких аспектах.

Во-первых, работа над имиджем системы в целом или над образом сотрудника в частности не ведется в таких масштабах и формах, как в бизнесе, политике или массовой культуре. Мы достаточно замкнутая, с высоким уровнем конфиденциальности, система. Служба исполнения наказания может заявлять о себе лишь со стороны решения ею генеральной задачи – защиты общества от преступников.

Во-вторых, УИС связывается в общественном сознании с негативными образами тюрьмы, колонии, «мест, не столь отдаленных».

В-третьих, кто есть наши «имиджмейкеры»? Из каких источников информации формируется представление о нашей системе?

В-четвертых, имидж «для внутреннего пользования» не получил должного места в пенитенциарной системе.

К людям, носящим форму, массовое сознание предъявляет высокие требования. Любое отклонение в их поведении от зафиксированного в эталонном представлении массового сознания «должного поведения», особенно во взаимоотношениях с коллегами, с заключенными, в общественных местах, (развязность, грубость в общении, ненормативная лексика, жаргонные выражения, вызывающие жесты) порождает резко отрицательную реакцию населения. Внешность сотрудников всегда эмоционально оценивается гражданами, и, таким образом, она становится фактором, который влияет на формиро-

вание имиджа. Известно, что 70 % информации о социальном объекте извлекается из оценки его внешности.

Согласно социологическому опросу 50 % респондентов имеют весьма отдаленные представления об имидже сотрудника УИС. На вопрос: «**Что Вы знаете об имидже сотрудника УИС?**» – только 30 % респондентов ответили, что «имеют четкое представление об имидже, интересуются этим вопросом, работают над собой», 50 % – считают, что имидж «это что-то размытое, надуманное, много слов и мало дела» и 20 % респондентов «что-то слышали об имидже, но четкого понимания не имеют». Анализ полученных данных позволяет предположить, что среди сотрудников УИС нет четкого понимания вопроса об имидже.

Согласно результатам проведенного социологического опроса среди сотрудников УИС, на вопрос: «**Кто должен управлять процессом создания положительного имиджа сотрудника УИС?**» – ответы респондентов распределились следующим образом: 10 % респондентов выбрали вариант ответа – «сам сотрудник»; 15 % – согласны с вариантом – «высокое начальство»; 25 % – с вариантом ответа «средства массовой информации» и 50 % респондентов возлагают ответственность на «соответствующие службы». Анализ результатов позволяет отметить, что респонденты главную роль в создании положительного имиджа отводят не себе, а соответствующим службам и «высокому» начальству.

Респондентам было предложено самостоятельно закончить предложение: «**Имидж сотрудника УИС может стать плодом его собственных усилий в случае, если...**». Наиболее часто встречающиеся ответы: «если поставлена задача руководства», «если есть понимание значения профессионального образа», «если сформирован интерес к проблеме имиджа», «если имиджевые показатели будут учтены при оценке деятельности сотрудника», «если это будет материально вознаграждено». Анализ полученных данных позволяет предположить, что сотрудники мало мотивированы на поддержание имиджа, ориентируются на внешние регламенты.

В настоящее время идет поиск механизмов развития и укрепления положительного имиджа сотрудника УИС.

Имидж сотрудника УИС может и, как правило, должен стать плодом его собственных усилий. Создать имидж «на пустом месте», наделить сотрудника чертами и характеристиками, которым он не отвечает, еще никому не удавалось. В этой связи одной из центральных проблем является соотношение сконструированного образа с внутренними характеристиками самого сотрудника.

Найдется немало людей, которые скажут, что цель развить и укрепить положительный имидж сотрудника УИС, значительно удалена от профессионально-практических задач, что она идеальна и возможно не ко времени. Где как не в высшем учебном заведении проникнуться духовными общественно-значимыми целями? Академия ФСИН России (далее – академия), несмотря на кризис морали, противовес со стороны СМИ, обладает мощным ресурсом развития положительного имиджа сотрудника УИС. Учебное заве-

дение академического статуса стоит на особом месте в деле формирования положительного имиджа сотрудника УИС. Академическая культура несовместима ни с отступлениями от идеала, ни с приземленностью и пошлостью обыденности. Соприкосновение с академической культурой рождает ощущение облагороженной среды. Возможно, консерватизм академической культуры необходим в настоящее время как противовес всякой развязности, опошлению человеческой сущности, характерной для современного состояния морали.

Опора на академическую атмосферу как на инструмент развития положительного имиджа, позволит каждому стать активным участником этого процесса.

Поэтому, вопрос об имидже напрямую выводит нас на внесение изменений в структуру, курирующую работу с личным составом.

В структуре Отдела по работе с личным составом структуре нет ни одного элемента, который стал бы ядром, «лабораторией», источником развития положительного имиджа УИС и всей системы в целом.

Поэтому, по нашему глубокому убеждению, организационная деятельность в этой области требует формирования Имидж-центра.

Имидж-центр должен органично войти в структуру Отдела по работе с личным составом. Именно Имидж-центр должен осуществлять организацию и планирование работы по развитию положительного имиджа сотрудника УИС, используя все возможные каналы распространения модели сотрудника. Имидж-центр должен обеспечивать условия для моделирования имиджа сотрудника УИС, разработки и реализации проектов по развитию и коррекции имиджа, а также управлять имиджем и осуществлять мониторинги.

Имидж – центр может объединить все имеющиеся ресурсы по развитию и поддержанию положительного имиджа сотрудника УИС и системы в целом: опытных преподавателей профильных кафедр академии, ведущих подготовку будущих сотрудников УИС по дисциплинам «Деловое общение», «Профессиональная этика», «Культура речи», «Физическая подготовка». Для работы в Имидж-центре могут быть привлечены представители общественных организаций, культурно-досуговых центров, религиозных организаций, имидж-консультанты, стилисты, популярные журналисты и телеведущие.

Опорой Имидж-центра должна стать Школа хороших манер. Школе придана нетрадиционная по своей структуре и динамике форма – это не кружок или клуб, который посещают записавшиеся, – она охватывает всех курсантов и преподавателей. Аудитория оповещается о том, что она работает на реальную культуру своего учебного заведения. Под руководством опытных преподавателей каждый исследует отдельные, частные или общие вопросы культуры поведения. Курсантам предлагаются самые разные формы и способы реализации в стенах академии проработанных ими тем. Курсантам предоставляется возможность обратиться в роли авторов к своим товарищам по академии через стенд «Школа хороших манер», через одноименную брошю-

ру, куда помещаются их заметки, через сайт в локальной сети и целый ряд мероприятий. Формы подобной работы безграничны. Можно объявлять декады, месячники («безупречного поведения в аудиториях», «подчеркнутой вежливости», «речевого этикета»), устраивать конкурсы (например, на лучший лозунг вежливости в группах). Подчеркнем еще раз: то, что позволяет осуществить Школа хороших манер – подключить всех к ее работе [4].

Работа по развитию имиджа сотрудника УИС – это комплексная тонкая, тщательная работа. Коллектив одухотворенных, харизматичных, нравственных личностей, профессионалов, объединенных в Имидж-центре академии – это главный ресурс для развития положительного имиджа сотрудников, корпоративной культуры.

Имидж-центр необходим для того, чтобы дать пищу для размышления, образцы для подражания, продемонстрировать приоритет духовных ценностей над материальными, внушить уважение к традициям, сформировать коллективный дух.

Формирование положительного имиджа УИС представляет собой систему, поскольку он формируется не как самоцель, а в интересах практической деятельности организации.

Вопросы концептуальной проработки корпоративной культуры уголовно-исполнительной системы до настоящего времени не являются приоритетными. Создание положительного имиджа силовых структур – задача разрешимая, но требующая долговременной и систематической работы, базирующейся на обоснованном социологическими исследованиями концептуальном подходе, централизации и координации действий.

Список литературы

1. Блэк, С. Введение в публич рилейшнз : пер. с англ. Блэк Сэм. – Ростов н/Д : Феникс, 1998. – 240 с.
2. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / пер. О. А. Печенкина. – Тула, 2013. – 430 с.
3. Бондаренко, Т. А. Имидж органов МВД в «милицейских телесериалах» / Т. А. Бондаренко // Социол. исследования. – 2006. – № 9. – С. 115.
4. Демко, Т. Н. Атмосфера академии как школа воспитания // Человек: преступление и наказание. – 2008. – № 3. – С. 216-231.
5. Кодекс этики и служебного поведения сотрудников УИС и федеральных государственных служащих : приказ ФСИН России : [от 11 яна. 2012 г. № 5].
6. Комлев, Н. Г. Словарь иностранных слов. – М. : Экспо-Пресс, 2006. – 672 с.
7. Организационно-правовые основы деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы : учеб. пособие / под ред. С. Р. Ширшова. – Рязань, 2008. – 284 с.
8. Почепцов, Г. Г. Имиджелогия. – М., 2000. – 576 с.
9. Психология и этика делового общения / под ред. Н. В. Лавриненко. – М. : Юнити-Дана, 2005. – 279 с.
10. Федоров, И. А. Имидж как программирование поведения людей. – Рязань, 1997. – 232 с.
11. Шепель, В. М. Имиджелогия. Как нравиться людям. – М. : Народное образование, 2002. – 500 с.

САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ОЦЕНКИ И ПРАКТИКИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Иванова В.С.

доцент кафедры социологии, канд. филос. наук, доцент,
Томский государственный университет, Россия, г. Томск

Кулебякина И.С.

магистрант кафедры социологии,
Томский государственный университет, Россия, г. Томск

В статье рассматриваются особенности практик заботы о своем здоровье населения (на примере г. Томска). Делается вывод о противоречиях в самосохранительном поведении, которые проявляются в несоответствии декларируемой ценности здоровья и фактической заботе о нем. Это несоответствие отражается в практиках самосохранительного поведения разных социальных групп.

Ключевые слова: ценность здоровья, самосохранительное поведение, причины и практики сохранения здоровья.

Изучая вопросы здоровья населения и практик его сохранения необходимо интерпретировать поведение, связанное с сохранением здоровья. Под самосохранительным поведением понимается «любая активность личности, направленная на сохранение, предупреждение болезни или выявление болезни при отсутствии симптомов» [1, с. 209]. Данный феномен изучается еще с 70-х гг. прошлого века западными исследователями. В нашей стране термин «самосохранительное поведение» впервые употребил А. И. Антонов, в связи с необходимостью увеличения продолжительности жизни населения и поиском факторов, влияющих на уровень заболеваемости (смертности) и пр.

Сегодня особенно актуализируются вопросы: Что делает человека здоровым? Каковы представления населения о необходимости сохранять свое здоровье? Каковы основные причины его сохранения? В данной статье представлены результаты исследования, проведенного в мае 2015 г. среди населения г. Томска. (Опрошено 300 чел. методом индивидуального анкетирования, использовалась целевая квотная выборка). Фокус внимания сосредоточен на вопросах: место здоровья в системе ценностных ориентаций, самооценка здоровья и основные причины заботы о здоровье. В ходе анализа данных было выявлено следующее:

- Ценность здоровья косвенно влияет на его состояние, так как те, кто отмечают значимость здоровья в иерархии ценностных ориентаций, в большей степени соблюдают меры по его поддержке. В свою очередь, те, кто заботятся о здоровье, чаще оценивают его состояние как хорошее. Однако, при попытке выявить связь между ценностью здоровья и его самооценкой, было обнаружено, что наличие или отсутствие ценности здоровья несколько не сказывается на оценке состояния здоровья. Причиной противоречивых результатов является тот факт, что среди тех, кто признает ценность здоровья,

имеются люди, которые не проявляют заботу о нем. Напротив, среди тех, кто не считает здоровье главной ценностью, присутствуют люди, которые осуществляют действия по укреплению здоровья.

- Большинство (76%) опрошенных томичей независимо от возраста заботятся о своем здоровье. По их мнению, основными регулярными мерами самосохранительного поведения выступают отказ от курения (72%) и воздержание от алкоголя (57%). Среди мер, выполняемых время от времени, две трети опрошенных отмечают своевременное обращение к врачам, правильное питание и занятия физкультурой. Установлено влияние гендерных признаков: женщины чаще, чем мужчины, воздерживаются от курения, своевременно обращаются к врачам и проходят медицинские осмотры; мужчины – уделяют внимание спорту и отдыху. Меры, осуществляемые женщинами, связаны со статусом матери и ответственностью за свое здоровье; мотивация мужчин – не только условие сохранения здоровья, но и инструмент самореализации и достижения успеха.

- Одной из основных причин, побуждающей заботу о здоровье, по мнению большинства, является его ухудшение. Среди тех, кто не предпринимает мер по оздоровлению оценки ухудшения здоровья выше, чем у тех, кто уделяет внимание здоровью. Еще один мотив, заботящихся о здоровье, связан с «примером окружающих людей». Это связано с тем, что забота о здоровье в большинстве случаев носит не предупреждающий, а реактивный характер.

- Ответственность за здоровье находит отражение в оценке причин, которые влияют на его состояние. С одной стороны, – это структурные причины (экологическая обстановка, уровень жизни, наследственность, качество медицины). С другой стороны, – затраченные усилия самого человека, проявляющиеся в соблюдении мер по сохранению здоровья. По мнению респондентов, в большей степени на здоровье влияют недостаточная двигательная активность, вредные привычки и слабая стрессоустойчивость, а в меньшей степени – квалификация врачей и уровень жизни. Упоминание причин нездоровья зависит от того, заботится человек о своем здоровье или нет. Проявляющие заботу чаще говорят о влиянии на здоровье плохого питания, вредных привычек и отсутствия двигательной активности. Те, кто о здоровье не заботятся, чаще упоминают о качестве медицины и низком уровне жизни. Таким образом, респонденты демонстрируют понимание того, что их физическое самочувствие находится в прямой зависимости от практик самосохранительного поведения.

Итак, здоровье занимает высокую позицию в ценностной системе томичей. В большей степени эта ценность выражена у женщин и у лиц старшего возраста. Если у первых ценность здоровья может быть связана со статусом женщины как продолжательницы рода, то для вторых здоровье выступает необходимым условием для нормальной жизнедеятельности.

Среди причин, которые побуждают людей к заботе о здоровье, отмечены как структурные, так и, связанные с действиями самого человека. Причем вторые упоминаются чаще, что дает основания говорить о высокой ответственности томичей за состояние своего здоровья. Однако основным мотивом

вом заботы о здоровье является его ухудшение, что отражает особенность россиян, свойственную и пациентам, и врачам: лечить, а не предотвращать заболевание.

Список литературы

1. Журавлева И. В. Отношение к здоровью индивида и общества. Рос. акад. наук, Ин-т социологии. М.: Наука, 2006. 238 с.

ГОСУДАРСТВО И НКО В СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКЕ СЕМЬИ: ДОСТОИНСТВА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Ищанова Б.Т.

ст. преподаватель кафедры социальной работы и психолого-педагогического образования, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Россия, г. Магнитогорск

В статье рассматриваются достоинства взаимодействия государства и НКО в социальной поддержке семьи, проанализирован характер их взаимоотношений. Автор обосновывает мысль о том, что взаимосвязанная, согласованная деятельность государства и НКО выступает одним из факторов развития социальной поддержки семьи.

Ключевые слова: семья, социальная поддержка, социальная поддержка семьи, государство, некоммерческие организации, взаимодействие, межсекторное взаимодействие.

На современном этапе своего развития социальная поддержка семьи, претерпев значительные изменения в процессе формирования, характеризуется тем, что в качестве субъекта ее осуществления выступает как государство, так и некоммерческие организации. Это обусловлено не только особенностями общественного развития, современной политикой государства, формированием гражданского общества, но, прежде всего, вызвано объективной потребностью российской семьи в получении мер социальной поддержки.

Анализ практики взаимодействия государства и НКО, а также результаты экспертного опроса руководителей позволили выявить достоинства взаимодействия, которые выражаются в следующем [1, 2]:

1) для государства:

- снижение социальной напряженности и недовольства в обществе;
- оказание содействия со стороны некоммерческого сектора в эффективном решении социальных проблем семьи;
- повышение уровня жизни семей;
- снижение нагрузки с государственных структур за счет передачи части социальных функций некоммерческим организациям;
- развитие и внедрение в практику инновационных форм и методов работы с семьей;
- привлечение к социально ориентированной деятельности компетентных и высокопрофессиональных специалистов, а также волонтеров;

- экономичность решения социальных проблем семьи за счет минимизации административных расходов и инновационности;
  - получение методической и консультационной поддержки в вопросах, в которых НКО наиболее компетентны;
  - расширение объема и перечня мер социальной поддержки семьи;
  - укрепление внутреннего и внешнего рынка социальных услуг и др.;
- 2) для некоммерческих организаций:
- привлечение дополнительных источников финансирования;
  - возможность лоббирования своих направлений деятельности, доведение рекомендаций и предложений до органов власти различных уровней;
  - возможность контролирования деятельности государственных структур в области социальной политики;
  - повышение авторитета на рынке социальных услуг, стабильность НКО;
  - повышение доверия населения к реализуемой НКО деятельности;
  - эффективное и своевременное решение социальных проблем семьи;
  - расширение возможностей продвижения своих услуг;
  - повышение квалификации персонала;
  - расширение перечня предоставляемых семье услуг и повышения их качества и др.;
- 3) для семьи:
- получение содействия в своевременном решении проблем;
  - вовлечение членов семьи в самостоятельное решение своих проблем;
  - учет потенциала саморазвития семьи;
  - разнообразие получаемых мер социальной поддержки;
  - гарантированное качество получаемой социальной поддержки;
  - вовлеченность взаимодействующих сторон в решение проблемы при знании потребностей семьи;
  - применение индивидуального подхода и др.

По характеру взаимоотношений взаимодействие государства и НКО в настоящее время является двусторонним (в процессе принимают участие государственный и некоммерческий секторы), солидарным (объединено едиными интересами государства и НКО в социальной поддержке семьи и взаимной ответственностью), долговременным (крупные и стабильные НКО взаимодействуют с государством с момента своего образования); нешаблонным (взаимодействие способствует разработке и применению инновационных форм и методов работы, внедрению передовых технологий в работе с семьей); сознательно организованным (взаимодействие представляет собой сознательно направляемый, а не хаотичный, волей сторон процесс).

Успешная реализация взаимодействия государства и НКО в социальной поддержке населения возможна при наличии общих целей, задач, плана сотрудничества, единых ценностей субъектов взаимодействия, использовании совместных форм и механизмов взаимодействия, наличии предыдущего положительного опыта взаимодействия с партнерами, осведомленности населения о реализуемых мероприятиях в области социальной поддержки

семьи. Успех взаимодействия оказывает свое воздействие в целом на развитие плодотворных взаимоотношений между государством и НКО и, соответственно, играет важную роль в процессе социальной поддержки семьи.

Список литературы

1. Ищанова Б. Т. Социальная поддержка семьи на муниципальном уровне: проблемы межсекторного взаимодействия // Дискуссия. 2013. № 9 (39). С. 138-141.
2. Ищанова Б.Т. Взаимодействие государства и некоммерческих организаций в социальной поддержке семьи // Дискуссия. 2015. № 5 (57). С. 86-90.
3. Маметьева О.С., Кузьменко Н.И. Семья «группы риска» как объект социальной работы // Наука сегодня: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. 2015. С. 106-108.

ФАКТОР ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В СТРУКТУРЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Ковалева А.Б.

магистрант 3-го курса специальности «Конфликтология»,
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
Казахстан, г. Алматы

В статье рассматриваются два уровня конфликтов в деловой и бытовой коммуникации в контексте реализации языковой политики Республики Казахстан. Автор делает вывод о том, что попытки закрепить статус государства через внедрение государственного языка в ущерб языку межнационального общения приводят к его разрушению.

Ключевые слова: система образования, перевод документации, русскоязычное население, язык межнационального общения, языковая политика.

На протяжении всего периода существования Союза Советских Социалистических Республик, в состав которого входило 16 стран, языком межнационального общения был русский язык. После распада Союза все получившие статус независимых государства стали возрождать и укреплять свои национальные особенности, традиции, культуру. Этот процесс коснулся и языковых политик всех государств СНГ, кроме Российской Федерации, где русский язык остался неоспариваемым государственным языком. С того момента тема языковых конфликтов, безусловно, стала актуальной для всех стран СНГ, где русский язык не является государственным, но по-прежнему остается языком межнационального общения.

В свое время в Украине Ирина Фарион заявила, что украинский язык должен стать единственным языком, на котором позволено говорить гражданам страны. Это оттолкнуло многих русскоязычных от желания участвовать в строительстве независимой и демократической Украины, существенно усилило сепаратистские настроения. Позднее в Украине осознали, что попытка ликвидировать исторически сложившееся двуязычие было ошибкой. Досадной, а исходя из последствий – непростительной! Там это признали все, и политики не устали повторять, что русский язык притесняться не будет. Рус-

ский язык не имеет статуса государственного языка Украины, но с 2012 года принят официальным языком в южных и восточных регионах. До сих пор в обществе постоянно идут дискуссии о статусе русского языка [1].

Неправильная языковая политика может иметь очень серьезные негативные последствия не только для представителей разных этносов, проживающих в стране, но и, в первую очередь, для самого государства, что может сказаться на его экономической и политической стабильности.

В связи с этим, с точки зрения конфликтологии, большой интерес представляют вопросы о том, с какими сложностями столкнулись законодательные власти и население РК, какие эффективные и неэффективные методы используются для реализации языковой политики на уровне государства, к каким последствиям это привело. Полезным представляется изучение мирового и исторического опыта урегулирования языковых и связанных с ними межэтнических конфликтов.

Языковой конфликт имеет непосредственную связь с межэтническими конфликтами. Заинтересованные стороны умело используют, прямо или косвенно, лингвокультурологические различия как инструмент для дискриминации на разных уровнях общения, для разжигания межнациональной розни, для манипуляции народными массами и навязывания своих политических мировоззрений и идеалов.

Националисты хотят заставить говорить по-казахски русскоязычное население на том основании, что они проживают на казахской земле. Казалось бы, это требование логично. В большинстве стран, где традиционно государственный язык один (Франция, Германия, Япония), это является обязанностью при получении гражданства. При этом есть страны, где несколько языков имеют статус официальных, и знания одного из них достаточно для проживания в стране. Таких стран 33, и Казахстан, к слову, в их числе. И ни в одной из них никто пока не додумался заставлять граждан учить второй язык. Это считается нарушением прав, потому что эти страны изначально создавались не одним этносом, а несколькими. Казахстан – одна из таких стран. Наше двуязычие сложилось исторически. С него начиналось государство.

Казахстан, как государство, формировался теми людьми, которые проживали здесь примерно последние 200 лет. А это были разные этносы, которые оказались на земле казахов, ставшей частью Советского Союза. Нужно разделять два важных понятия – земля как территория и государство как консолидированная общность граждан. В рассматриваемом случае земля была казахской, но государство, на ней построенное, – принадлежит всем тем многочисленным этносам, которые там проживают с момента становления. В итоге можно сделать вывод, что земля – казахская, а государство – общее. И неуместно говорить: «Понаехали тут, не учат наш язык!». Потому что эти два языка существовали в стране параллельно два столетия, и оба абсолютно равноправны в силу исторической данности. Казахстан – это многонациональное государство, где в основу государственности положено гражданство, а не этничность. Поэтому нельзя делить казахстанцев на тех, кто имеет право на эту землю, и на тех, кто имеет право только на государство. Это неизбеж-

но приведет общество к расколу, который представляет серьезную угрозу целостности страны [1].

Исторически сложилось так, что во многих странах постсоветского пространства русский язык был и остается языком межнационального общения. В Казахстане, согласно разным источникам, насчитывают более 130 национальностей. Насильственное внедрение национального языка в качестве государственного (обязательного) подразумевает, что представители других этносов должны владеть, по меньшей мере, тремя языками: государственным (в силу закона), русским (как языком межнационального общения) и родным. Действительно ли каждый человек может, в силу своих врожденных способностей, овладеть тремя языками? Не является ли такое принуждение нарушением прав и свобод человека? Одно дело – иммиграция: люди переезжают в страну с устоявшимися законами о языке, при этом они осознают необходимость и согласны учить государственный язык соответствующей страны. Но те, кто родился и прожил всю жизнь в одной из постсоветских республик, не меняя места жительства, не по своей инициативе, оказались в ситуации, когда их заставляют учить другой язык.

Для детей, родившихся после распада СССР, данный вопрос относительно менее актуален, поскольку в детском возрасте учить языки значительно легче, нежели взрослому человеку, обремененному непомерным количеством забот и хлопот, да и память с годами ухудшается. Однако здесь остро стоит вопрос о качестве образования, в частности, в том, что касается обучения казахскому языку. Дефицит квалифицированных специалистов в системе образования приводит к тому, что учебники издаются с ошибками, отсутствует единая отработанная методика преподавания... Не менее остро стоит вопрос об обучении взрослого населения государственному языку и о переводе делопроизводства на государственный язык. Чаще всего проблема связана с отсутствием квалифицированных специалистов-преподавателей и переводчиков, также нет единых стандартов преподавания и перевода. Постоянно вводятся новые слова, правила... Для развития и унификации данной системы требуется не один год.

Ситуация напоминает историю о Вавилонской башне, когда строительство башни было прервано Богом Ягве, который «смешал» язык людей, изначально представлявших один народ и говоривших на одном языке, из-за чего они перестали понимать друг друга, не могли продолжать строительство города и башни и, в результате, рассеялись по всей земле («смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле») [2].

Также, невольно вспоминается выражение: «Разделяй и властвуй!», ставшее широко известным благодаря французскому экономисту и философу Пьеру Жозефу Прудону (1809-1865), который иронизировал: «Divide et impere, разделяй и властвуй, разделяй, и ты будешь царить, разделяй, и ты станешь богат; разделяй, и ты обманешь людей, и ты ослепишь их рассудок, и ты насмеешься над справедливостью» [3].

Введение, развитие и укрепление позиций государственного языка – естественный процесс для каждого государства. Но какими методами и какой

ценой – вот в чем вопрос! Необходимо найти способ сделать так, чтобы и государственный язык занял полагающееся ему место в обществе, и государство продолжало расти и процветать, предупреждая и преодолевая языковые и вытекающие из них межэтнические конфликты. Для этого необходимо изучить и проанализировать имеющийся опыт урегулирования межэтнических конфликтов, возникших на основании лингвокультурологических различий в других странах, который, возможно, поможет выработать эффективные, приемлемые пути реализации языковых политик стран постсоветского пространства без ущерба для прав и свобод их граждан, без ущерба для экономик этих стран в целом, без разжигания межнациональной неприязни.

Список литературы

1. Сергей Дуванов. Я называюсь казахом. // Уральская неделя. 21 октября 2014 г. URL: www.uralskweek.kz/2014/10/21/sergej-duvanov-ya-soglasen-nazyvatsya-kazaxom-vmesto-kazaxstanca/ (дата обращения: 25.10.2015).
2. Блаженный Аврелий Августин. О граде Божьем. Книга Шестнадцатая. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/16_4 (дата обращения: 27.10.2015).
3. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. Автор-составитель Вадим Серов. URL: <http://bibliotekar.ru/encSlov/16/16.htm> (дата обращения: 28.10.2015).

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ И УРОВНИ ОСОЗНАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Кречетова В.А.

ассистент кафедры истории и права,
Донецкий национальный технический университет, Украина, г. Покровск

В статье предлагается гипотеза о причинах появления достаточно значимой группы аполитичных, хотя в целом успешных людей, а также о том, насколько гражданская идентичность определяется периодом обучения в вузе. Предложены уровни осознания гражданской идентичности, а также индикатор для определения того, что индивид задержался в состоянии «спутанной идентичности» (по Э. Эриксону).

Ключевые слова: гражданская идентичность, уровни гражданской идентичности, «новые аполитичные», Э. Эриксон.

Государственные лидеры как Украины, так и России в первые годы после обретения независимости абсолютно не уделяли внимания формированию гражданской идентичности студентов. Впрочем, уже в годы перестройки патриоты Союза в среде молодёжи и интеллигенции почти не проявляли себя, а комсомольские лидеры уходили в бизнес. Да и сам президент СССР предпочёл долгую и спокойную старость борьбе за сохранение страны, развалившейся в полном соответствии с главой 72 Конституции 1977 года, предоставлявшей союзным республикам право свободного выхода [1].

Почти все студенты вузов в конце 80-х отрицали свою советскую гражданскую идентичность, предпочитая решать личные проблемы повышения

уровня жизни и обустройства в социуме [3, с. 69]. Возможно, именно поэтому, начиная с 2000-го года, при соцопросах на политические темы прежде всего в больших городах России начала проявляться значимая группа респондентов, так называемых «новых аполитичных», преимущественно мужчин до 44х лет, имеющих высшее и неоконченное высшее образование, объединяющей характеристикой которых было категорическое нежелание говорить о своих доходах (горожане более старшего возраста, как правило, не отказывались сообщать такую информацию). Среди них мало рабочих, большинство составляют предприниматели и студенты. Также для этой группы характерно утверждение, что жизнь за последние 5 лет улучшилась, они аполитичны и проигнорировали как выборы в Госдуму в 1999-м, так и выборы Президента в 2000-м (а если участвовали, то обычно не помнили, за кого голосовали, и принимали решение в последний момент). Не было партии, политическая платформа которой им близка, предельно чужды социал-демократическая и коммунистическая идеологии, а также политические установки С. Шойгу (очевидно, мифологема «героя» для них неприемлема), однако большинство из них всё же «положительно» и «скорее положительно» оценивало деятельность Президента, губернатора и Государственной Думы [4, с. 216-218].

В наших исследованиях, проведённых до середины 2013-го года, были определены принципы и составлена модель конструирования гражданской идентичности студенческой молодёжи, а также предложено авторское определение гражданской идентичности как «формально зафиксированной принадлежности индивида к сообществу граждан того или иного государства, которая осознается им и имеет для него значимый смысл» [2, с. 93].

Отметим, что в английском языке, на котором написано большинство основополагающих работ по нашей тематике, различаются несколько близких по смыслу понятий, которые на первый взгляд кажутся синонимами. Так, support – это участие в акциях поддержки, loyalty – некоторая преданность, проявляющаяся в реальных действиях, например, голосовании «за», partisanship – общая поддержка, приверженность, identity – ощущение принадлежности себя или желания принадлежать к определённой группе, identification – процесс достижения идентичности (identity) [4, с. 9-10].

Мы предлагаем использовать эти понятия для обозначения 9 уровней осознания гражданской идентичности, причем значимый смысл может быть положительным, отрицательным или неопределённым: 4 позитивных уровня (4 – support, 3 – loyalty, 2 – partisanship, 1 – identity), 4 негативных (то же самое со знаком «-», то есть явное отрицание) и 1 неосознанный (0 – безразличие). Подчёркнём – наличие какого-либо признания со стороны других для отнесения индивида к одному из этих уровней не требуется.

Первоначальное обретение определённого уровня гражданской идентичности происходит в возрасте 19-20 лет (как раз во время обучения в вузе), когда, согласно Э. Эриксону, заканчивается пятый этап жизненного цикла – «юность», человек собирает воедино все представления о себе, объединяет прошлое и будущее [5, с.70]. Состояние сбора может растягиваться на не-

сколько лет, и всё это время такой индивид переживает состояние «спутанной идентичности», у него отсутствует ясное представление о своём месте в обществе, он не способен пересмотреть прошлые представления о себе и об окружающем мире и выработать жизненную стратегию.

Возможным индикатором того, что человек задержался на пятом этапе, является ориентация на личность политика при голосовании [4, с. 19], так как «молодые люди часто достаточно патетически демонстрируют, что спасение для них возможно только в результате слияния с лидером» [5, с. 178]. Соответственно отсутствие такой ориентации свидетельствует об успешном переходе респондента во взрослую жизнь, при этом уровень его гражданской идентичности может оставаться низким, что подтверждается результатами опросов, приведенными в нашей статье.

И в завершение, в качестве вывода, укажем ещё одну цитату из Эриксона: «Нельзя отделять кризис идентичности человека от современных ему исторических кризисов, поскольку они помогают понять друг друга и действительно взаимосвязаны» [5, с. 32].

Список литературы

1. Конституция (Основной Закон) СССР, принята 7 октября 1977 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm#iii> (дата обращения 30.12.2016).
2. Кречетова В. А. Построение теоретической модели конструирования гражданской идентичности студентов // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (76). 192 с. – С. 91-97.
3. Попова О.В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002, 258 с.
4. Тураев В.А. Кризис советской идентичности как фактор распада СССР // Известия Иркутского гос. унта. Иркутск: ИрГУ, 2016. Т.15. С. 64-76.
5. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис – М.: Флинта, 1996. – 342 с.

ОЖИДАЕМАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ КАК ФАКТОР КАЧЕСТВА ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Новиков А.В.

доктор социологических наук, профессор,
заместитель руководителя Департамента социологии по научной работе,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Россия, г. Москва

В данной статье анализируется зависимость ожидаемой продолжительности жизни российского населения от качества и доступности оказываемых медицинских услуг, являющихся непосредственными составляющими качества жизни, выявлена зависимость ожидаемой продолжительности российского населения от уровня бюджетного финансирования российской системы здравоохранения в современных условиях социальных преобразований, и сделан прогноз возможного развития сложившейся ситуации в среднесрочной перспективе. В статье использованы материалы научно-исследовательской работы на тему «Исследование качества оказываемых медицинских услуг российскому населению в условиях социальных преобразований и реформы системы здравоохранения»,

выполненной по Государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации 2016 года.

Ключевые слова: ожидаемая продолжительность жизни, качество жизни, качество оказываемых населению медицинских услуг, уровень бюджетного финансирования российской системы здравоохранения.

Согласно Указу Президента РФ от 9 октября 2007 г. N 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики РФ на период до 2025 года», демографическая политика РФ должна быть направлена на повышение качества жизни и увеличение ожидаемой продолжительности жизни к 2025г. до 75 лет [1]. В мае 2012 г. Президентом РФ был подписан Указ N 606 от 12.05.2012 "О мерах по реализации демографической политики РФ", в котором Правительству Российской Федерации была поставлена задача обеспечить к 2018 году увеличение продолжительности жизни российского населения до 74 лет. Согласно Указу Президента Российской Федерации от 31.12.2015 N 683 «О Стратегии национальной безопасности РФ». главными национальными приоритетами Стратегии национальной безопасности Российской Федерации являются повышение и укрепление здоровья населения, обеспечение стабильного демографического развития страны [2].

Объект научного анализа – население Российской Федерации. Предмет научного анализа: изменение ожидаемой продолжительности жизни российского населения как фактор качества жизни. Цель научного анализа: определить тенденции роста ожидаемой продолжительности жизни российского населения (в среднесрочной перспективе) как фактор повышения качества жизни ожидаемой продолжительности жизни российского населения как фактор качества жизни населения.

Задача: проанализировать изменения в оценке ожидаемой продолжительности жизни российского населения (далее – ОПЖ) и выявить основные факторы, оказывающие влияние на ОПЖ и доступность качественных медицинских услуг для населения страны, сравнивая с уровнем государственного финансирования здравоохранения за 10 лет.

По мнению доктора экономических наук А.Н. Зубца, «высокое качество жизни – это в определенной степени воплощение счастья. Высокое качество жизни подразумевает, как условие, достаточную продолжительность человеческого существования, поддержанную хорошим медицинским обслуживанием и физической безопасностью.

Под ожидаемой продолжительностью жизни при рождении (ОПЖ) понимают число лет, которое в среднем предстояло бы прожить человеку из поколения родившихся при условии, что на протяжении всей жизни этого поколения повозрастная смертность останется на уровне того года, для которого вычислен показатель [3].

По мнению экспертов ВОЗ, данный показатель является одним из показателей общего качества жизни в стране. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении растет уже 11 лет. В 2014 году по сравнению с 2005 го-

дом она увеличилась на 5,56 года, у мужчин – на 6,37 года, у женщин – на 4 года.

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, по оценкам Росстата, в 2014 году в целом для населения России составила 70,93 года (табл. 1).

Таблица 1

Ожидаемая продолжительность жизни в России при рождении (ОПЖ), число лет, и естественный прирост (+), убыль (-) населения (на 1000 чел.)¹ [4]

Ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ)/год	2005	2010	2011	2012	2013	2014
все население	65,37	68,94	69,83	70,24	70,76	70,93
мужчины	58,92	63,09	64,04	64,56	65,13	65,29
женщины	72,47	74,88	5,86	75,86	76,30	76,47
Естественный прирост(+), убыль (-) населения (на 1000 чел.)	- 5,9	- 1,7	- 0,9	- 0,0	0,2	0,2

Однако, не смотря на положительную тенденцию, в России этот показатель ниже, чем в зарубежных странах (рис. 1).

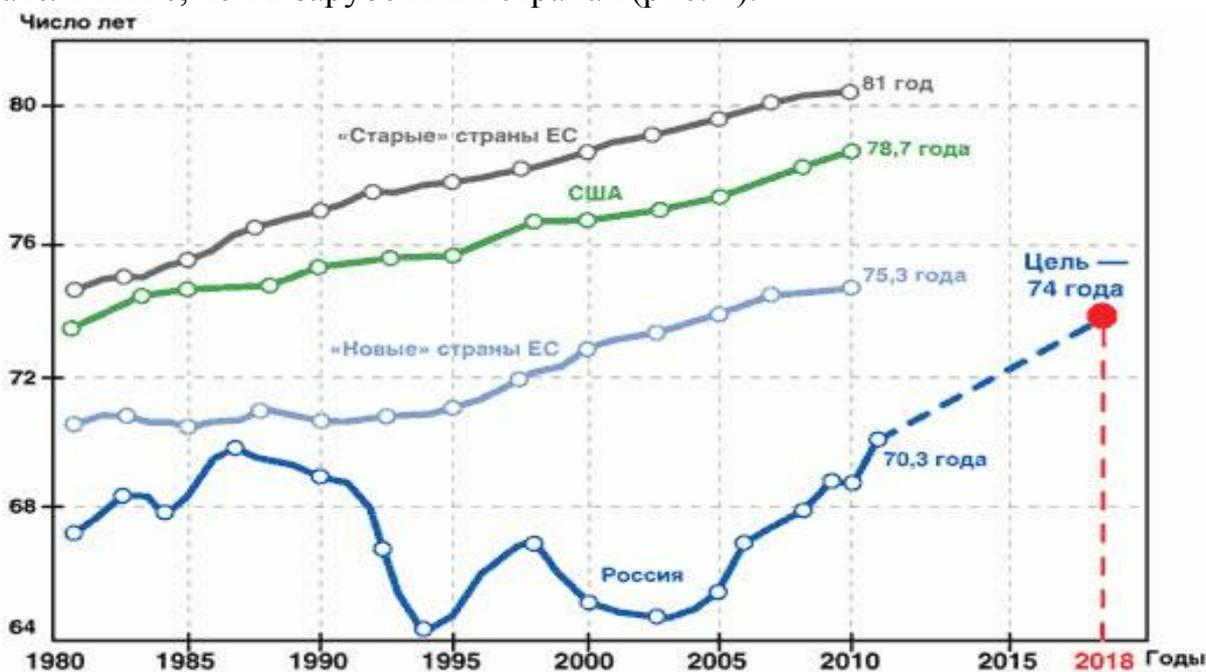

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении²

Например, согласно исследованию профессора Г.Э. Улумбековой, если сравнивать Россию с «новыми» странами ЕС (Чехии, Эстонии, Венгрии, Польше, Словакии, Словении – эти 6 стран сопоставимы по уровню экономического развития с нашей страной, имея близкий ВВП на душу населения в год: 23-25 тыс. \$ППС) и «старыми» странами ЕС, мы наблюдаем значи-

¹ Здравоохранение в России. 2015: Статистический сборник/Росстат. – М., 2015. – 174 с. С. 18.

² Здравоохранение России. Что надо делать/ Г.Э. Улумбекова. – 2-е изд. – М.: ГЭОТАР-Медиа. 2015. – 704 с.

тельное отставание от них России по показателю «Ожидаемая продолжительность жизни при рождении», хотя главной задачей России является достижение ожидаемой продолжительности жизни при рождении 74 года в 2018 г. [5].

Однако этого значения показателя достичь достаточно сложно. По данным Росстата, смертность населения России за первый квартал 2015 года выросла на 5,2% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Общее число умерших за квартал составило 507 тыс. человек, что на 23,5 тыс. человек больше, чем в первом квартале 2014 года (табл. 2).

Таблица 2

Коэффициенты смертности трудоспособного населения России по основным классам причин смертности (число умерших на 100 000 чел. соответствующего пола и возраста, мужчин и женщин/мужчин/женщин) на 100 000 человек

Год	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Умершие от всех причин	827,8	634,0	600,9	575,7	560,9	565,6
от болезней системы кровообращения	263,9	201,2	188,7	178	170,3	168,6
от внешних причин смерти	269,6	181,8	167,5	163,4	158,3	159,4
от случайных отравлений алкоголем	37,3	16,8	14,3	13,3	12,9	13,7
от всех видов транспортных несчастных случаев	34,4	5,4	26,7	27,7	26,8	26,7
от самоубийств	40,2	29,7	27,5	26,2	25,7	23,6
от убийств	32,7	17,6	15,9	14,6	14,0	12,5
от новообразований	88,0	85,5	84,6	82,7	81,9	78,9
от туберкулеза (всех форм)	30,8	20,7	19,2	16,9	15,3	13,6

Коэффициент смертности растет или незначительно понижается как от внешних факторов, так и от различных болезней, среди которых большая доля болезней систем кровообращения и новообразований, но в России выше, чем в Западной Европе, уровень смертности от вируса иммунодефицита человека, при этом более 80% ВИЧ-инфицированных моложе 30 лет.

Необходимо отметить, что общий коэффициент смертности (ОКС, число умерших от всех причин на 1000 населения) в России с 2005 года уменьшился на 19%, однако он остается в 1,2 раза выше, чем в «новых» странах ЕС, и в 1,4 раза выше, чем в «старых» странах ЕС, хотя в 1970 г. этот показатель в России был ниже, чем в «старых» странах ЕС в 1,2 раза (соответственно – 8,7 и 10,8).

Уровень ОКС в России в период с 1984 по 1987 г.г. во время реализации антиалкогольной компании снижается на 10%; с 1994 по 1998 г.г. во время стабилизации социально-экономической обстановки в стране – на 13%; в период с 2005 по 2009 г. во время реализации ПНП «Здоровье» – на 12%, и с 2010 по 2013 г. – на 8%, что совпадает с реализацией целевых государственных программ по снижению смертности от предотвратимых причин и увеличением государственного финансирования здравоохранения, которое было предпринято руководством страны.

По мнению Всемирной организации здоровья, доступность оказания качественных медицинских услуг для населения любой страны также зависит уровня государственного финансирования национальной системы здравоохранения (рис. 2).

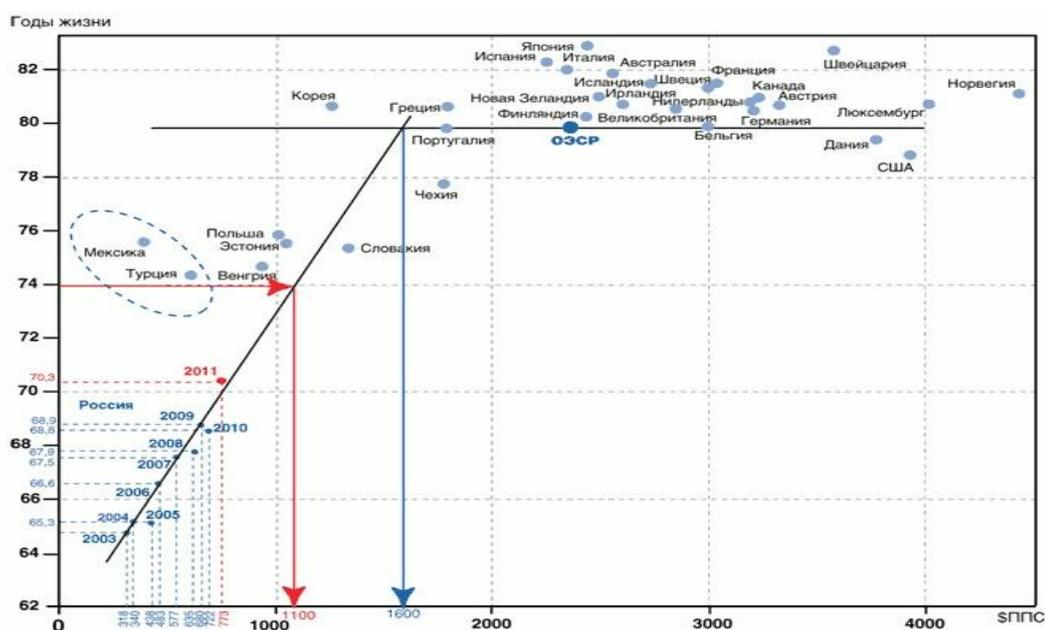

Рис. 2. Ожидаемая продолжительность жизни в зависимости от подушевых государственных расходов на здравоохранение в год

При государственных расходах на душу населения в диапазоне от 0 до 1600 \$ППС (паритет покупательной способности доллара) существует практически прямо пропорциональная зависимость ОПЖ от уровня этих расходов, поэтому для достижения ОПЖ в 74 года необходимо, чтобы в России подушевые государственные расходы на национальную систему здравоохранения составляли не менее чем 1100 – 1200 \$ППС.

ВОЗ рекомендует обеспечение уровня государственного финансирования национальной системы здравоохранения в размере 7% ВВП с увеличением доли государственного финансирования оказываемых бесплатных медицинских услуг населению по сравнению с платными услугами¹.

На сегодняшний день перед Россией стоит острая демографическая проблема – увеличение доли лиц в возрастах от 65 и старше примерно на 60%. Таким образом, каждый пятый житель страны в 2030 г. будет старше 65 лет, при этом появляется тенденция сокращения численности населения в экономически активных (трудоспособных) возрастах (табл. 3).

¹ Доклад о состоянии здравоохранения в мире. Финансирование систем здравоохранения. Путь к всеобщему охвату населения медико-санитарной помощью. Всемирная Организация Здравоохранения, Женева, 2010.

Численность населения по отдельным возрастным группам¹

Годы	Моложе трудоспособного возраста	Трудоспособного возраста	Старше трудоспособного возраста
	тыс. человек	тыс. человек	тыс. человек
	<i>Средний вариант прогноза</i>		
2017	26899,0	83235,3	36731,2
2018	27425,5	82290,0	37391,6
2019	27870,8	81495,6	37983,5
2020	28188,1	80853,2	38468,2
2021	28446,9	80205,7	38968,8
2022	28679,0	79707,4	39310,0
2023	28879,1	79310,8	39544,9
2024	28920,5	79080,5	39739,1
2025	28839,8	79008,9	39866,8
2026	28720,4	78883,7	40058,9
2027	28591,6	78828,0	40163,8
2028	28318,2	78891,9	40275,0
2029	27929,4	79063,7	40384,6
2030	27542,1	79203,0	40521,9

В то же время, по мнению Председателя наблюдательного совета Института демографии, миграции и регионального развития Ю. Крупнова, к 2025 году число рожаящих станет меньше вследствие снижения количества женщин репродуктивного возраста. Число новорожденных по сравнению с 2012 годом в 2025 году снизится не менее чем на 40%. В итоге количество экономически активного населения снизится на 10 млн. человек, то есть почти на 10%. Данная тенденция может отрицательно сказаться на ВВП страны.

Поэтому необходимо серьезно задуматься о повышении показателя ОПЖ и повышении численности трудоспособного населения. Правительство принимает меры в данной области (утвержден план мероприятий – «дорожная карта» «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности здравоохранения»), однако данные меры предусматривают снижение доли расходов на оказание скорой медицинской помощи, стационарной медицинской помощи, сокращение медицинских кадров, а также наращивание объема платных медицинских услуг в государственных медицинских организациях, что значительно осложняет задачу повышения качества и доступности оказываемых российскому населению медицинских услуг и улучшению показателей его здоровья.

В условиях социальных преобразований и реформы российской системы здравоохранения для повышения качества медицинских услуг, оказываемых российскому населению, и для достижения цели, поставленной Президентом Российской Федерации Правительству Российской Федерации в Указе Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 606 «О мерах по реализации демогра-

¹ По данным Росстата за 27.05.2016.

фической политики РФ», – достичь к 2018 году ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) – 74 года, прежде всего необходимо увеличение ежегодных государственных расходов на содержание и развитие российской системы здравоохранения из федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ и бюджетов муниципальных образований в размере не менее 7% от ВВП, а также обеспечить доступность оказания медицинской помощи населению и достаточность ресурсов в государственной системе здравоохранения для своевременного лечения и реабилитации больных.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики РФ на период до 2025 года».
2. Указ Президента РФ от 07.05.2012 N 606 «О мерах по реализации демографической политики РФ».
3. Зубец А.Н. «Количественные оценки в истории (инструменты для клиометрии)». М., Финансовый университет при Правительстве РФ, 2014.
4. Здравоохранение в России. 2015: Статистический сборник/Росстат. – М., 2015. – 174 с. С. 18.
5. Здравоохранение России. Что надо делать/ Г.Э. Улумбекова. – 2-е изд. – М.: ГЭОТАР-Медиа. 2015. – 704 с.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Третьякова А.А.

магистрант 2 курса Высшей школы психологии и педагогического образования, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Архангельск

В статье приводятся результаты исследования ценностных ориентаций молодежи Архангельской области. Исследование проводилось в 2016 году среди 74 жителей области в возрасте от 14-30 лет в форме социологического опроса.

Ключевые слова: молодежь, ценности, ценностные ориентации.

Исследование ценностных ориентаций современной молодежи дает представление о жизни, приоритетах и инициативах молодежи – будущего страны, поэтому является весьма актуальным.

В целях изучения ценностных ориентаций молодежи Архангельской области нами был проведен социологический опрос в декабре 2016 года среди 74 человек в возрасте от 14-30 лет включительно, проживающих на территории области. В основу был положен дополненный нами тест оценки основных ценностей жизнедеятельности М.Г. Рогова с использованием метода абсолютной оценки. В методике М.Г. Рогова предлагается два списка ценностей (ценностей-целей и ценностей – средств), которые необходимо оценить по пятибалльной шкале. К ценностям-целям относятся: 1) активная жизнь; 2) интересная работа; 3) деньги; 4) общая хорошая обстановка в стране;

5) признание, уважение; 6) познание (возможность образования); 7) равенство, справедливость для всех; 8) самостоятельность; 9) свобода; 10) творчество; 11) уверенность в себе; 12) удовольствие; 13) власть над людьми; 14) руководящая работа; 15) успех; 16) продуктивность (максимальное использование своих сил); 17) развитие, самосовершенствование; 18) широкий круг общения; 19) труд; 20) конкурентоспособность. Ценности-средства: 21) высокие запросы; 22) независимость; 23) образованность; 24) ответственность; 25) рационализм; 26) самоконтроль; 27) смелость в отстаивании своих взглядов; 28) твердая воля; 29) терпимость к взглядам и мнениям других; 30) широта взглядов; 31) честность; 32) эффективность в делах; 33) лидерство; 34) авторитаризм; 35) инициативность; 36) умение довести любое дело до успешного конца; 37) добрые отношения с людьми; 38) общение с людьми, близкими по духу; 39) компетентность; 40) общественное одобрение. Указанные 40 ценностей автор объединяет в блоки:

– для терминальных ценностей: общечеловеческие (4,7); активная жизнь (1); социально-статусные (5, 8, 13, 14); материальные (3), профессиональные (2, 15, 16); познания (6); внутренняя удовлетворенность (9, 11); общения (18); удовольствия (12); конкурентоспособность (20); развитие, самосовершенствование (10, 17); труд (19);

– для инструментальных ценностей: власть (33, 34); независимость (22); общение (29, 37, 38); компетентность (39); инициативность (35); образованность (23); высокие запросы (21); личная ответственность (24, 26); достижения результата (32, 36); общественное одобрение (40); личностные свойства (25, 26, 27, 31); эрудиция (30) [2].

Мы включили в указанный список следующие ценности-цели: счастливая семейная жизнь, любовь, благоприятная экологическая обстановка, здоровье, а также ценности-средства: верность в отношениях, сознательность поступков по отношению к природе и отнесли их в отдельные, соответствующие названию, блоки. Индивидуальная структура ценностей определяется подсчетом средних значений как по блокам, так и внутри блоков. Преимуществами данного опроса является простота и низкая трудоемкость.

Результаты опроса показали, что наиболее значимыми (приводятся значения среднего балла) для молодежи Архангельской области являются такие ценности-цели, как: счастливая семейная жизнь и здоровье (4,93), любовь (4,84), интересная работа (4,65), уверенность в себе (4,61), свобода (4,54), развитие и самосовершенствование (4,5). Наиболее значимыми ценностями-средствами при этом являются: верность в отношениях (4,77), честность (4,7), добрые отношения с людьми (4,54), общение с людьми, близкими по духу (4,52), умение довести любое дело до успешного конца (4,51), образованность (4,5). На последних местах по значимости для молодежи среди ценностей-целей: власть над людьми (2,59) и руководящая работа (3,08), среди ценностей-средств: авторитаризм (2,88), высокие запросы (3,07), общественное одобрение (3,38). Остальные ценности оцениваются молодежью как важные (3,5-4,5 баллов). Необходимо отметить, что в группу важных ценностей попали и такие ценности, как успех и удовольствие, благоприятная экологи-

ческая обстановка и сознательность поступков по отношению к природе. В целом, для молодежи Архангельской области большое значение имеют общечеловеческие ценности и ценности внутренней удовлетворенности. Молодые люди целеустремлены, однако, не стремятся к руководящим должностям и власти, авторитаризм и лидерство не попали в группу важных ценностей.

Результаты исследования ценностных ориентаций молодежи Архангельской области в целом совпадают с данными других авторов [1, 3, 4, 5]. Семья, здоровье, свобода, успех, удовольствие, коммуникативные ценности для молодежи области, как и для молодежи других регионов, имеют наибольшее значение. При этом, для молодежи области являются важными и такие ценности, как моральные, а также благоприятная экологическая обстановка и сознательность поступков по отношению к природе.

Список литературы

1. Васильева А.В. К изучению ценностей современной молодежи // Система ценностей современного общества. 2014. № 38. С. 129-133.
2. Капцов А.В. Диагностика личностных ценностей и структуры аксиологической сферы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология». 2008. №1(3). С. 135-155.
3. Кибальникова А.М. Исследование уровня целеустремленности современной молодежи / А.М. Кибальникова, А.Р. Буниатова // Science Time. 2014. № 8(8). С. 118-121.
4. Паршина В.В. Проблемы ценностных ориентаций молодежи в современных условиях // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 11(1).
5. Посельская А.С. Ценности современной молодежи / А.С. Посельская, А.С. Таркайцева // Научные дискуссии о ценностях современного общества. 2015. № 8 . С. 54-60.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Третьякова А.А.

магистрант 2 курса Высшей школы психологии и педагогического образования, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Архангельск

В статье анализируются результаты исследований различных авторов, позволяющие охарактеризовать основные ценностные ориентации современной молодежи.

Ключевые слова: молодежь, ценности, ценностные ориентации.

Молодежь представляет собой совокупность групповых общностей, формирующихся на основе возрастных признаков и связанных с ними основных видов деятельности. В узком смысле, молодежь – это социально-демографическая группа, выделяемая на основе обусловленных возрастом особенностей социального положения молодых людей, их места и функций в социальной структуре общества, специфических интересов и ценностей [5].

Возрастные границы молодежи в отечественной и зарубежной литературе варьируют и к молодежи относят людей в возрасте от 13-15 лет (возраст, в котором наступает физическая зрелость) до 29-30 лет (время самостоятель-

ной, экономически независимой жизни). С позиции Организации Объединенных Наций, к молодежи относятся лица в возрасте 15-24 лет [1], в возрасте от 14-30 лет согласно Федеральному закону № 82 «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 [9], а в некоторых случаях до 35 и более лет согласно Распоряжению Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [7].

В настоящее время подростки и молодежь составляют 16 процентов населения мира: от минимальных уровней 9 процентов в Испании и 10 процентов в Японии, Италии, Словении и Болгарии до 24 процентов в Микронезии и 23 процентов в Лесото и Свазиленде [3]. Доля молодежи от общего населения России по данным Росстата на 2016 год составляет 21,5 % (31,5 млн. чел.) [8].

Исследование ценностных ориентаций современной молодежи и их динамики дает представление о жизни, приоритетах и инициативах молодежи – будущего страны, поэтому является весьма актуальным.

Так, в рамках социологического исследования, проведенного Новиченко Ю.Н. среди студенческой молодежи в 2013 году [2], установлено, что семья для молодежи – главная ценность жизни. Для 70 % студентов семья – важнейший институт воспитания, подражания и помощи. Второй по значимости ценностью выступает самосовершенствование, духовное развитие и труд (более 40 %). Наименее значимыми оказались развлечения, спорт и друзья (10 %). Что касается интересов, связанных с досугом, то они не многообразны и не осознанны. В свободное время молодые люди предпочитают гулять с друзьями, встречаться с ними дома или в кафе (35 %). Более 60 % студентов отдают предпочтение развлекательным передачам, 42 % – научно-познавательным. В свободное время большинство опрошенных (63 %) любят слушать музыку. Реже молодежь занимается спортом – 21 %, и только 30 % студентов посещают какие-либо кружки и секции. Обобщенно всю информацию можно представить в виде ранжированного списка ценностей: 1. Здоровье; 2. Семья; 3. Коммуникативные ценности, общение; 4. Материальные блага, финансовая стабильность; 5. Любовь; 6. Свобода и независимость; 7. Самореализация, образование, любимая работа; 8. Личная безопасность; 9. Престиж, известность, слава; 10. Творчество; 11. Общение с природой; 12. Вера, религия. Высокий рейтинг имеют у молодых материальные ценности, в том числе и как средство достижения семейного благополучия. Нравственные и моральные ценности почти не вошли в список базовых ценностей современной молодежи, а духовные и культурные ценности занимают последние места. Это связано с тем, что молодежь согласовывает свою систему ценностей прежде всего с критериями жизненного успеха.

Результаты, рассмотренного выше исследования, согласуются с данными В.В. Паршиной [5], которая утверждает, что молодые люди ценят значение семейной счастливой жизни, но проявляется это, в основном, в применении к себе, т.е. в индивидуальном плане. На первом плане для современной российской молодежи ценности индивидуалистического характера, связан-

ные с успехом и достижением личного благополучия. Молодежь ориентируется на богатство и деловую карьеру. Возможность их достижения связывается с получением качественного профессионального образования и наличием условий для самореализации. Также значительная часть молодых людей ориентирована на получение богатства незаконным путем (получение крупных взяток, неуплата налогов и др.). Паршина В.В. выделяет и такие тревожные тенденции в молодежном сознании и системе ценностных ориентаций, как: преимущественно развлекательно-рекреативная направленность жизненных ценностей и интересов, вестернизация культурных потребностей и интересов, приоритет потребительских ориентаций над творческими, слабая индивидуализированность и избирательность культуры. Помимо этого, деформации ценностно-нормативной сферы у значительной части молодежи характеризуются неблагоприятными симптомами: идет нарастание эмоционально-психологической тревожности, стрессогенности, агрессивного неадекватного поведения, низкой самооценки, неготовности и неумения преодолеть трудности в различных жизненных ситуациях, и, как следствие, маргинализация сознания.

Исследование ценностных ориентаций студентов Арктического государственного института культуры и искусств города Якутска [6] показало следующее: наиболее значимыми для молодежи являются материальные ценности (28%), 20% студентов ставят целью получить интересную профессию, 18% хотят приносить пользу людям и достичь уважения, 14% мечтают стать известной личностью и достичь высокого служебного поста, только для 3% жизненной целью является получение хорошего образования. Распределение ответов на вопрос: «Где Вы обычно проводите свободное время?» показало, что 64% любят проводить свободное время дома, 20% предпочитают культурный отдых и 16% выбрали категорию другое. Большинство респондентов (38%) ставят на первое место семью, на второе место (25%) свободу, 12% опрошенных отдают предпочтение удовольствию, 10% считают главным в жизни любовь, для 8% молодых людей дружба является приоритетной, 4% ставят на первое место хорошую работу и 3% выбрали категорию другое. Значительная часть опрошенных (23%) привлекательным в будущей специальности нашли самостоятельность и независимость, 19% респондентов придерживаются мнения, что привлекательность будущей профессии проявится в возможности достичь признания и уважения, 16% опрошенных заявили, что возможность принести людям пользу является приоритетным, возможность профессиональной карьеры нашли заманчивым 15% студентов, 11% руководствовались соответствием профессии по способностям и умению, возможность получать высокие доходы сочли привлекательным 8% молодежи. Авторы исследования (Посельская А.С., Таркайцева А.С.) отмечают, что на сегодняшний день особенно ценятся молодежью такие ценности как независимость, свобода, справедливость и связывают это со снижением коллективистских начал и доминированием индивидуалистических тенденций среди российской молодежи. Как и в предыдущем исследовании, авторы подчеркивают, что в основе досуговой активности молодежи заложен гедони-

стический компонент (музыкальные шоу, танцы, телевидение, кино, Интернет), молодежь стала более потребительской и вестернизированной.

В городе Ставрополь среди представителей молодого поколения был проведен анонимный опрос, направленный на выявление ценностей и способности к достижению поставленных целей [4]. Согласно проведенному исследованию, было установлено, что у подавляющего большинства молодежи (70%) есть главная цель жизни, не ставят перед собой цели около 9% молодых людей, а 21% никогда не задумывались над целью своего существования. Более чем у половины опрошенных грандиозные замыслы, 22%, наоборот, ставят перед собой только краткосрочные цели. Для респондентов были свойственны и духовно-нравственные, и материальные жизненные цели. Многие отвечали, что стремятся к материальным ценностям и уважению со стороны других людей. При этом среди респондентов есть и такие, которые ценят в жизни свободу и возможность творческой самореализации, пренебрегая жизненным комфортом и отношением с окружающими. 38,2% опрошенных имеют цели, которые касаются целей других людей, они мечтают о крепкой взаимной любви, новых друзьях, общественной деятельности. Мечта, которая носит материальный характер, была выявлена у 18,9%. Мечтают повидать мир и получить новые впечатления 57,2%. Для того чтобы добиться поставленных целей представители молодого поколения, имеющие цели, рассматривают различные варианты их достижения. Наименьшая часть опрошенных намечают реальные сроки выполнения задач, направленных на достижение цели, чуть больше опрошенных составляют общий план действий, наибольшая часть предпочитает рассматривать различные варианты достижения цели. Для молодого поколения свойственен высокий жизненный тонус, который повышает их устойчивость к реальным и возможным жизненным трудностям, а, следовательно, способность доводить любое дело до конца, достигая необходимых результатов. Жизненный тонус зависит от образа жизни. Чем активнее образ жизни молодого человека, тем выше его тонус. 37% опрошенных считают, что ведут активный образ жизни, 52 % уверены в том, что их активность меняется в зависимости от ситуации, лишь 11% опрошенных признались, что ведут пассивный образ жизни. Согласно мнению респондентов о своём поколении, они подчёркивают такие его качества, как целеустремленность (17%), стремление к новому (16%), образованность (15%), независимость (11%), стремление к лучшей жизни (10%) и эгоизм (10%).

Таким образом, по результатам современных исследований можно сделать вывод: молодежь целеустремлена и наиболее важными для нее являются семья, здоровье, свобода, успех, коммуникативные ценности. Однако, наблюдаются и негативные тенденции: гедонистические и потребительские ориентации молодежи, подмена ценностей западными образцами.

Список литературы

1. Бессарабова И.С. Современное состояние и тенденции развития поликультурного образования в США: дис. ... д. пед. наук. Волгоград: ВГПУ, 2009. 492 с.

2. Васильева А.В. К изучению ценностей современной молодежи // Система ценностей современного общества. 2014. № 38. С. 129-133.
3. ВЕСТИ экономика: портал. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/68461> (дата обращения: 25.12.2016).
4. Кибальникова А.М. Исследование уровня целеустремленности современной молодежи / А.М. Кибальникова, А.Р. Буниатова // Science Time. 2014. № 8(8). С. 118-121.
5. Паршина В.В. Проблемы ценностных ориентаций молодежи в современных условиях // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 11(1).
6. Посельская А.С. Ценности современной молодежи / А.С. Посельская, А.С. Таркайцева // Научные дискуссии о ценностях современного общества. 2015. № 8. С. 54-60.
7. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 N 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=171835&div=LAW&dst=0%2C0&rnd=208987.5374288084057542> (дата обращения: 25.05.2016).
8. Росмолодежь: портал. URL: <https://fadm.gov.ru/activity/statistic> (дата обращения: 25.12.2016).
9. Федеральный закон РФ от 19.05.1995 N 82-ФЗ (ред. от 31.01.2016) «Об общественных объединениях». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=193154&div=LAW&dst=1000000001%2C0&rnd=208987.9517274478487386> (дата обращения: 25.05.2016).

Подписано в печать 12.01.2017. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 8,83. Тираж 100 экз. Заказ № 7
ООО «ЭПИЦЕНТР»
308010, г. Белгород, ул. Б.Хмельницкого, 135, офис 1
ИП Ткачева Е.П., 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а